

ISSN 2411-2070

история
филология
культурология

ВЕСТНИК

гуманитарного образования

№ 4 (28) | 2022

Вятский государственный университет

**В Е С Т Н И К
ГУМАНИТАРНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 4 (28)

Киров
2022

Главный редактор

В. Т. Юнгблюд, д-р ист. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Заместители главного редактора

Л. В. Калинина, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

Н. О. Осипова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Ответственные секретари

О. В. Байкова, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

И. В. Смольняк, канд. ист. наук, Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Состав редакционной коллегии:

Исторические науки и археология

А. М. Белавин, д-р ист. наук, проф., Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (г. Пермь);

Т. А. Закурцева, д-р ист. наук, проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

А. А. Калинин, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров);

Н. Б. Крыласова, д-р ист. наук, доц., Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь);

А. В. Лубков, д-р ист. наук, проф., академик РАО, Московский педагогический государственный университет (г. Москва);

А. А. Машковцев, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0001-8135-4043;

Е. И. Пивовар, д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАН, Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва);

Ю. А. Петров, д-р ист. наук, Институт российской истории РАН (г. Москва);

В. В. Романов, д-р ист. наук, проф., Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина (г. Тамбов), ORCID: 0000-0002-9199-6573;

Д. А. Редин, д-р ист. наук, проф., Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург);

М. С. Судовиков, д-р ист. наук, проф., руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировской областной научной библиотеки им. А. И. Герцена (г. Киров).

Филология

О. И. Колесникова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0002-6159-6261;

Е. Н. Лагузова, д-р филол. наук, проф., Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (г. Ярославль);

В. А. Поздеев, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров);

О. Ю. Поляков, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0002-9362-7720;

Н. Д. Светозарова, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Н. Л. Шубина, д-р филол. наук, проф., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

D. Stellmacher, д-р филологии, проф., Университет им. Георга-Августа (г. Геттинген, Германия);

H. W. Retterath, д-р филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия).

Культурология

И. А. Едошина, д-р культурологии, Костромской государственной университет им. Н. А. Некрасова (г. Кострома);

Т. И. Ерохина, д-р культурологии, Ярославский государственный театральный институт (г. Ярославль);

Д. Н. Замятин, д-р культурологии, проф., Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Высшая школа урбанистики ВШЭ (г. Москва);

А. В. Костина, д-р филос. наук, д-р культурологии, проф., действительный член Международной академии наук, Московский гуманитарный университет (г. Москва);

В. Я. Перминов, д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

Т. Б. Сиднева, д-р культурологии, проф., Нижегородская государственная консерватория (академия) им. М. И. Глинки (г. Нижний Новгород);

Г. Е. Шкалина, д-р культурологии, проф., Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

Научный журнал «Вестник гуманитарного образования» как средство массовой информации зарегистрирован в Роскомнадзоре (Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-67555 от 31 октября 2016 г.)

Учредитель журнала ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

Адрес издателя: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Адрес редакции: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Тел. (8332) 208-964 (Научное издательство ВятГУ)

Цена свободная

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Vyatka State University

**HERALD
OF HUMANITARIAN
EDUCATION**

S c i e n t i f i c j o u r n a l

№ 4 (28)

Kirov
2022

Chief editor

V. T. Yungblud, Dr. of hist. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Deputy editor

L. V. Kalinina, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

N. O. Osipova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Executive Secretary

O. V. Baikova, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

I. V. Smolnyak, PhD of hist. sciences, Vyatka State University,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Editorial board members:

Historical sciences and archeology

A. M. Belavin, Dr. of hist. sciences, prof., Perm Federal Research Center of UrO RAS (Perm);

T. A. Zakaurtseva, Dr. of hist. sciences, prof., Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow);

A. A. Kalinin, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov);

N. B. Krylasova, Dr. of hist. sciences, associated prof., Perm State University of Humanities and Education (Perm);

A. V. Lubkov, Dr. of hist. sciences, prof., academician of RAE, Moscow Pedagogical State University (Moscow);

A. A. Mashkovtsev, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0001-8135-4043;

E. I. Pivovarov, Dr. of hist. sciences, prof., corr. member of RAS, Russian State University for the Humanities (Moscow);

Y. A. Petrov, Dr. of hist. sciences, Institute of Russian History of RAS (Moscow);

V. V. Romanov, Dr. of Historical Sciences, professor, Tambov State University n.a. G. R. Derzhavin (Tambov),
ORCID: 0000-0002-9199-6573;

D. A. Redin, Dr. of hist. sciences, prof., Ural Federal University n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg);

M. S. Sudovikov, Dr. of hist. sciences, prof., Head of the Research Center for Regional Studies of the Kirov Regional Scientific Library n. a. A. I. Herzen (Kirov).

Philology

O. I. Kolesnikova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-6159-6261;

E. N. Laguzova, Dr. of philol. sciences, prof., Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky (Yaroslavl);

V. A. Pozdeev, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov);

O. Y. Polyakov, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-9362-7720;

N. D. Svetozarova, Dr. of philol. sciences, prof., St. Petersburg State University (St. Petersburg);

N. L. Shubina, Dr. of philol. sciences, prof., Russian State Pedagogical University n. a. A. I. Herzen (St. Petersburg);

D. Stellmacher, Dr. of philol. sciences, prof., Georg-August University (Göttingen, Germany);

H. W. Retterath, Dr. of philol. sciences, Institute of Ethnography of Germans in Eastern Europe (Freiburg, Germany).

Culturology

I. A. Edoshina, Dr. of cultural studies, Kostroma State University n. a. N. A. Nekrasov (Kostroma, Russia);

T. I. Erokhina, Dr. of cultural studies, Yaroslavl State Theatre Institute (Yaroslavl);

D. N. Zamyatin, Dr. of cultural studies, professor, D. S. Likhachev Russian research Institute of cultural and natural heritage, HSE Higher school of urban studies (Moscow);

A. V. Kostina, Dr. of philol. sciences, Dr. of cultural studies, professor, full member of the International Academy of Sciences, Moscow humanitarian University (Moscow);

V. Ya. Perminov, Dr. of philol. sciences, prof., Moscow State University n. a. M. V. Lomonosov (Moscow);

T. Sidneva, Dr. of cultural studies, professor, Nizhny Novgorod State Conservatory (Academy) n. a. M. I. Glinka (Nizhny Novgorod);

G. E. Shkalina, Dr. of cultural studies, professor, Mari State University (Yoshkar-Ola).

**Scientific journal «Herald of humanitarian education» is registered as a mass media
in Roskomnadzor (Certificate of registration of mass media PI № FS 77-67555 of October 31, 2016)**

Founder of the journal «Vyatka State University»

Adress of editor: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Publishing company: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Tel. (8332) 208-964 (Scientific Publishing Company of VyatSU)

Free price

The journal is included in the List of leading peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of theses for the degree of Dr. and PhD should be published

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Жарков В. В., Таточенко В. В.* Политические взгляды корреспондентов газеты «Русские ведомости» (1863–1913 гг.): опыт просопографического анализа 9
- Касанов А. С.* Иосиф Барташек: к биографии председателя вятского горисполкома 1930-х гг..... 18
- Рыжкова Н. В.* Слободское реальное училище Вятской губернии в документах Центрального государственного архива Кировской области 24
- Рачев Е. Р.* «Украинофилы», «хлопоманы», «хохломаны»: российские мыслители в поисках понятия для иного украинского в середине XIX в. 34
- Рыжов Н. Л.* Благотворительная деятельность населения Вятской губернии в период русско-японской войны 1904–1905 гг..... 43

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

- Юнгблуд В. Т.* Разрядка в советско-американских отношениях: научно-технологический срез проблемы 53

ИСТОРИЯ В ДОКУМЕНТАХ

- Марковчин В. В.* Персия в арийских планах: тихие сражения Первой мировой войны 69

АРХЕОЛОГИЯ

- Лапшина З. С.* Археология Амура: опыт интерпретации изображения двойной череповидной личины петроглифов Сикачи-Аляна 75
- Нагиев Г. Г.* Археологическое изучение средневековых городов Азербайджана в XVIII – начале XX вв..... 83
- Киреев П. С., Судаков В. В.* «Заорленная» мера в составе керамического комплекса второй половины XVIII в. как материальное свидетельство питейного дела Переяславля-Рязанского 91

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Ильченко Н. М.* «Замурованное прошлое», или «подлинная действительность Венеции» (по роману К. Уокера «Остановка в Венеции»)..... 98
- Михайленко Е. Н.* Романтический парадокс: между индивидуальностью и маской (на материале повести Э. Т. А. Гофмана «Крошка Цахес») 104
- Федорова У. С.* Жизненный мир А. И. Куприна (на материале публицистики 1920–1930-х гг.) 111

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Ярычев Н. У.* Мемориальный нарратив сквозь призму официальной риторики Р. Кадырова: опыт культурологического анализа 118

<i>Звоарева Л. У., Звоарев О. В.</i> Метафизические фантазии Э. По в интерпретации поэта Ф. Супо и графических комментариях русского парижанина А. Алексева	126
<i>Шаманаев А. В.</i> Практики сохранения культурного наследия в условиях Гражданской войны: Пермский музей в 1918 г.	135

CONTENTS

NATIONAL HISTORY

<i>Zharkov V. V., Tatochenko V. V.</i> Political views of the correspondents of the newspaper "Russian news" (1863–1913): the experience of prosopographic analysis	9
<i>Kasanov A. S.</i> Iosif Bartashek: to biography of the president of the Vyatka gorispolkom 1930s.	18
<i>Ryzhkova N. V.</i> Slobodskoy real college of the Russian governorate in the documents of the central state archives of the Kirov Oblast	24
<i>Rachev E. R.</i> "Ukrainophiles", "khlopomans", "khokhlomans": Russian thinkers in search of a concept for a different Ukrainian in the middle of the XIX century	34
<i>Ryzhov N. L.</i> Charitable activity of the population of Vyatka province during the Russian-Japanese War of 1904–1905	43

GENERAL HISTORY

<i>Yungblud V. T.</i> Detente in Soviet-American relations: scientific and technological cross-section of the problem	53
---	----

HISTORY IN DOCUMENTS

<i>Markovchin V. V.</i> Persia in Aryan plans: quiet battles of the First World War	69
---	----

ARCHEOLOGY

<i>Lapshina Z. S.</i> Amur Archeology: experience of interpreting the image of the double skull-shaped face of the Sikachi-Alyan Petroglyphs	75
<i>Nagiyev G. G.</i> Archaeological study of medieval cities of Azerbaijan in the XVIII – early XX centuries	83
<i>Kireev P. S., Sudakov V. V.</i> The "overburdened" measure as part of the ceramic complex of the second half of the XVIII century. as a material evidence of the drinking business of Pereyaslavl-Ryazan.....	91

PHILOLOGICAL SCIENCES

<i>Ilchenko N. M.</i> "The Immured Past", or "the authentic reality of Venice" (based on the novel by K. Walker "Stop in Venice")	98
<i>Mikhailenko E. N.</i> Romantic paradox: between individuality and mask (based on the story of E. T. A. Hoffman "Baby Tsakhes")	104
<i>Fedorova U. S.</i> The life world of A. I. Kuprin (based on the material of journalism of the 1920s–1930s)	111

CULTURAL STUDY

<i>Yarychev N. U.</i> Memorial Narrative through the Prism of R. Kadyrov's Official Rhetoric: the experience of Cultural analysis	118
---	-----

<i>Zvonareva L. U., Zvonarev O. V.</i> Metaphysical fantasies of E. Poe in the interpretation of the poet F. Soupault and graphic comments of the Russian Parisian A. Alekseev	126
<i>Shamanaev A. V.</i> Practices of preservation of cultural heritage in the conditions of Civil War: Perm Museum in 1918	135

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 947.08"1863-1913"

DOI: 10.25730/VSU.2070.22.034

Политические взгляды корреспондентов газеты «Русские ведомости» (1863–1913 гг.): опыт просопографического анализа

В. В. Жарков¹, В. В. Таточенко²

¹кандидат исторических наук, заместитель начальника кафедры управления повседневной деятельностью подразделений, Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны. Россия, г. Ярославль. E-mail: vitaly-zharkov@mail.ru

²кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры военно-политической работы в войсках (силах), Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны. Россия, г. Ярославль. E-mail: tatochenko.84@mail.ru

Аннотация. В данном исследовании рассматривается вопрос о факторах формирования комплекса политических предпочтений корреспондентов газеты «Русские ведомости». Для оценки таковых используются качественные и количественные методы анализа применительно к биографиям корреспондентов газеты за период 1863–1913 гг. Использован просопографический метод, с помощью которого анализировались 926 биографий (автобиографий) корреспондентов «Русских ведомостей», напечатанных в сборнике газеты, вышедшем к ее 50-летию. Просопографический и качественный анализ отдельных биографий приводят к следующим результатам: ключевыми факторами влияния на формирование политических взглядов корреспондентов являлись образовательная среда и литературное сообщество; принадлежность значительной доли корреспондентов к кадетской партии не оказывала достаточного влияния для сдерживания эпизодической критики этой партии; принадлежность определенного числа корреспондентов к антиправительственным организациям также не оказала радикального влияния на общее политическое направление и являлась, скорее, отражением либеральной редакционной политики. Подчеркивается, что редакционная политика «Русских ведомостей» позволяла изданию предоставлять площадку для высказываний различным представителям образованной, близкой к литературной среде интеллигенции либеральных взглядов, не радикальной в большинстве, не выражавшей приверженности к определенной партии. Для «Русских ведомостей» было безразлично социальное происхождение корреспондента, важен был материал, представляемый в газету, и его качество. Полученные результаты исследования могут быть использованы для общей характеристики и сравнительного анализа данного органа печати. Представленный в статье материал имеет как форму таблиц, так и различных переменных данных, подвергающихся интерпретации.

Ключевые слова: газета «Русские ведомости», отечественная дореволюционная журналистика, корреспонденты «Русских ведомостей», московские либеральные газеты, просопографический анализ.

В 1913 г. московская либеральная газета «Русские ведомости» по случаю своего 50-летия опубликовала юбилейный сборник – «Русские ведомости. 1863–1913. Сборник статей» [14]. Уникальность издания состоит в том, что ни одна из дореволюционных газет в России не предпринимала такого важного и ответственного шага; в то же время публикация такого рода материала свидетельствует о признании «Русскими ведомостями» своей роли в газетном мире страны и попытке подвести итоги за пятьдесят лет существования газеты.

Рассматриваемое издание имеет в целом публицистический характер, сочетая в себе материалы из архива газеты и биографические данные корреспондентов. По характеру представленного читателям материала сборник полностью соответствовал духу времени: носил ярко выраженный либеральный характер, был пропитан идеями свободы и связи «Русских ведомостей» с рядом значимых, общероссийских событий, таких как помощь голодающим в конце XIX в. По содержанию материала источник состоит из двух больших частей. Первая –

«Сборник статей» – материалы об истории развития и становления издания. Вторая – «Сотрудники «Русских ведомостей» – состоит из 926 биографий, в 14,68 % случаев – автобиографий корреспондентов газеты за пятьдесят лет ее существования.

По видовому признаку всю информацию в источнике можно поделить на четыре части. Первая – материалы исследовательского характера, подготовленные корреспондентами газеты: исторический обзор о газете, специально собранные и проанализированные анкетные данные, деятельность «Русских ведомостей» в связи с земскими съездами 1904–1905 гг. и первой Государственной Думой. Вторая – собрание материалов личного происхождения: мемуары, воспоминания, письма, заметки сотрудников о работе с газетой таких людей, как В. М. Соболевский (редактор газеты), Л. Н. Толстой, М. Е. Салтыков-Щедрин, Г. И. Успенский, В. Г. Короленко и многих других. Третья – делопроизводственная документация, в том числе перечисление всех цензурных претензий к газете с указанием причин. Четвертая – биографические и автобиографические материалы о корреспондентах газеты. Следовательно, источник уникален для исследования различных проблем социальной истории и истории российской журналистики.

В работе с биографическими и автобиографическими материалами использован просопографический метод для изучения конкретной социальной группы, имеющей общие характеристики, а также определение в ее рамках различных переменных данных для отдельных лиц с их последующей интерпретацией. Это направление анализа отталкивается от одной из идей К. Николе [20]. Отечественные разработки в рамках просопографии стали возможны благодаря его популяризации в работах И. Д. Ковальченко [5], воспитавшего своими трудами целую плеяду советских исследователей, не боявшихся всех сопутствующих трудностей количественной истории [3]. Пик отечественных исследований с использованием просопографического метода пришелся на 80-е – начало 90-х гг. XX в. [9]. Сегодня российская историческая общественность активно вспоминает использовавшиеся ранее, но забытые в начале 2000-х гг. количественные методы исторических исследований, обобщая накопившийся отечественный и зарубежный опыт [17] или представляя уже готовые программные модели для проведения конкретных исследований [10].

В нашем исследовании с помощью просопографического метода сплошному анализу были подвергнуты все 926 биографий и автобиографий корреспондентов «Русских ведомостей». Используя данный метод, авторы поставили к биографиям корреспондентов комплекс одинаковых вопросов. Во-первых, фамилия, имя, отчество корреспондента. Во-вторых, его возраст на момент начала сотрудничества с газетой. Далее отслеживался род занятий, партийность или политические воззрения корреспондентов, фактор влияния на них кого-либо и их мировоззрение, если это позволяло сделать источник. Все данные вручную заносились в таблицы, после этого шел их количественный анализ.

Следует подчеркнуть, что главную ценность для работы представляли большие автобиографии с объемом информации от одного столбца и больше. Всего их насчитывается 6,04 %. Их авторы, кроме сведений о себе зачастую пытались передать много дополнительной информации о своей эпохе. Поэтому их автобиографии больше похожи на мемуары.

Изучение московской газеты «Русские ведомости» началось достаточно рано, пройдя путь от заметки в энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона [2], отдельных упоминаний в специализированных справочных изданиях [13, с. 444–446] до статей в научных журналах [6; 18], а также исследования в рамках кандидатской диссертации и даже полноценной зарубежной монографии [19]. Все эти работы не содержат комплексной информации о корреспондентах газеты как о единой социокультурной общности или единой группе, объединенной по профессиональному признаку.

В отличие от изучения самой газеты, изучение ее корреспондентов не носило самостоятельный характер. Несмотря на то, что корреспондентами газеты в разные годы были такие известные личности, как Д. Н. Шипов, А. И. Чупров, Л. Н. Толстой, П. Н. Милуков и многие другие, современные исторические исследования не содержат о них материалы как о корреспондентах «Русских ведомостей» [16]. До сегодняшнего дня исследователей интересовали вышеупомянутые российские деятели как самостоятельный объект изучения.

Например, в 2001 г. Институт российской истории РАН выпустил сборник статей под редакцией Б. С. Итенберга и В. С. Шелохаева «Российские либералы» [11]. Ценность этой работы для нашего исследования связана с наличием в ней биографических материалов таких либеральных корреспондентов газеты, как К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин, Н. А. Белоголовый,

С. А. Муромцев, М. М. Ковалевский, Ф. Ф. Кокошкин, Д. И. Шаховской, В. А. Маклаков, П. Д. Долгоруков. Однако следует подчеркнуть, что признавая их ценность для изучения истории русской политической мысли, составители сборника и словом не обмолвились о том, что они были корреспондентами «Русских ведомостей».

В 2004 г. фонд «Либеральная миссия» выпустил сборник такого же плана – «Российский либерализм: идеи и люди» [12] под редакцией А. А. Кара-Мурза, в котором предпринята попытка дать характеристику самым значительным либералам XIX–XX вв. Это позволяет в определенной мере проследить эволюцию либерализма в России, вместе с тем новой конкретно-исторической информации в рассматриваемом издании немного.

Большое количество корреспондентов газеты были историками, например, В. О. Ключевский, П. Г. Виноградов, известными беллетристами, такими как А. П. Чехов, М. Е. Салтыков-Щедрин, однако посвященные им исследования не повествуют о них как о корреспондентах газеты [4]. Подвергая глубочайшему анализу их многотомные произведения и жизненный путь, биографы забывают упомянуть об их сотрудничестве с популярным среди интеллигенции либеральным печатным органом [8].

В целом исследователи хоть и редко, но обращались к отдельным материалам «Русских ведомостей», но ни один из них не занимался этим с привлечением сборника статей 1913 г. и не пытался представить элементы коллективной биографии корреспондентов этого печатного издания.

Согласно проанализированным данным, чуть более 50 % корреспондентов газеты имели высшее образование, большинство из них получили его в Московском университете, что позволяло им в студенческие годы быть знакомыми с самыми интересными и просвещенными людьми своего времени – своими профессорами. Поэтому первое место среди факторов влияния на корреспондентов мы отводим полученному высшему образованию. К числу других факторов влияния относятся русские писатели и созданные ими великие произведения, не радикальные идеи прогрессивных людей того времени, радикальные идеи политически неблагонадежных представителей интеллигенции. Полученные ниже данные были определены при помощи полного перечня наиболее важных статей, написанных корреспондентами газеты.

Таблица 1

Относительные показатели влияния на корреспондентов «Русских ведомостей»

Лицо, повлиявшее на корреспондентов	Процент корреспондентов
1. «Литература и среда»: И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, Н. В. Гоголь, А. П. Чехов и др.	5,8
2. «Прогрессивные люди времени»: С. А. Муромцев, В. А. Джаншиев, А. И. Чупров, М. М. Ковалевский, К. Д. Кавелин	4,7
3. Политически неблагонадежные лица: Н. А. Добролюбов, Н. Г. Чернышевский, А. И. Герцен, П. А. Кропоткин	2,3

Как видим, для «Русских ведомостей» было важно ее литературное направление, поэтому так высок фактор влияния показателя «литература и среда». Особо важен фактор влияния на корреспондентов прогрессивных людей того времени, составлявших мыслящую основу просвещенной интеллигенции России. Можно предположить, что знакомые с ними корреспонденты сами становились носителями их взглядов, так как это были выдающиеся личности. Небольшой фактор влияния на корреспондентов газеты антиправительственных деятелей является подтверждением не радикальности либерализма газеты. Это тем более очевидно, так как газета тщательно пыталась скрывать факты такого сотрудничества.

Помимо этого отметим, что с издательством сотрудничали граждане еврейского происхождения – 1,61 %. Этот хоть и невысокий показатель может указывать на то, что некоторые группы еврейской интеллигенции все-таки пытались связать решение национального вопроса с развитием либеральных идей в России. Очевидно, что «Русским ведомостям» была не важна национальная принадлежность сотрудника, важен был лишь характер присылаемого материала. Поэтому газета была общероссийской и никак не могла быть близкой черносопкам.

Факторы влияния на корреспондентов оказываются тесно связанными с мировоззрением последних. Обратимся к данным, отражающим факторы, повлиявшие на мировоззрение того или иного корреспондента газеты.

Таблица 2

Факторы, повлиявшие на мировоззрение корреспондентов «Русских ведомостей»

Фактор	Процент корреспондентов
1. Преследование со стороны властей (арест, ссылка, высылка) – в том числе от двух раз	8,53 2,19
2. Пребывание в тюрьме или на каторге	2,1
3. Членство в «Союзе освобождения»	2,37
4. Членство в кружке «Беседа»	2,05
5. Участие в народническом движении	1,94
6. Участие в революционной деятельности	1,82
7. Участие в войнах	1,51
8. Участие в «Союзе земцев-конституционалистов»	1,51
9. Участие в «Великорусе»	0,1

Большинство корреспондентов подвергались преследованию со стороны властей не за свои антигосударственные деяния, а за политические убеждения. Следовательно, эта часть корреспондентов была наиболее политически активной. Стоит отметить смелость издателей в привлечении к работе в газете таких людей, как П. Л. Лавров, К. В. Аркадский (Добренович), Н. А. Морозов (участвовал в покушении на Александра II), П. Ф. Николаев (в 1866 г. осужден по «караказовскому делу», 20 лет провел на каторге) и многих других.

Такая политика «Русских ведомостей» была неслучайной. Самостоятельный, не подконтрольный государству выбор газетой корреспондентов из лиц политически неблагонадежных свидетельствовал о проявлении через это стремления к свободе. В этом заключалось желание хоть в чем-то находиться не под пятой государства или цензуры. Возможно, сотрудничество газеты с неблагонадежными корреспондентами сочеталось с высказыванием известного ученого и корреспондента «Русских ведомостей» В. А. Гольцева: «Я не революционер. Но пока у нас будет такой режим, я всегда буду более сочувствовать революционеру, чем полиции» [7, с. 62].

Приведенные выше факты свидетельствуют о либерализме «Русских ведомостей». Консервативное издание не стало бы сотрудничать с ярко выраженными радикалами и антимонархистами. В этом можно найти подтверждение того, что для «Русских ведомостей» было безразлично происхождение корреспондента, главное его материал, представленный в газету.

Очень интересным фактом является сотрудничество с газетой представителей «Союза освобождения» и «Союза земцев-конституционалистов». Известно, что в консолидации земской либеральной группы важную роль играло участие в нелегальных земских организациях и собраниях, где выработывались программные и тактические основы движения. В конце XIX в. это был кружок «Беседа», начавший свою деятельность в 1899 г. Многие участники таких собраний стали в дальнейшем членами «Союза освобождения» или «Союза земцев-конституционалистов», а часто членами сразу этих двух организаций.

Как свидетельствуют полученные данные, для ведущих деятелей земского либерального движения, которые одновременно были сотрудниками «Русских ведомостей», Д. И. Шаховского, М. И. Петрункевича, Н. Н. Львова, В. И. Вернадского, последовательность участия в «Беседе» с членством в одной из либеральных организаций была обязательной. Прослеживается и последовательное участие наиболее активных либеральных гласных в партиях. Лидирует здесь партия кадетов.

Как известно, «Беседа» не была политической партией с определенной программой. Это был союз представителей общественности, принадлежавших самым разным политическим течениям. В него входили такие левые либералы и корреспонденты газеты, как Ф. Ф. Кокошкин и Д. И. Шаховской. Принадлежали к ней и славянофилы, среди которых корреспондентами газеты были А. А. Стахович и Д. Н. Шипов [14, с. 106]. Чтобы примкнуть к «Беседе», необходима была преданность принципам самоуправления. Поэтому члены «Беседы» и корреспонденты «Русских ведомостей» работали в земстве или в городском самоуправлении. Члены «Беседы» отрицательно относились к идее революции, следовательно, эта часть корреспондентов газеты не принадлежала к радикальным либералам и не придавала статьям газеты радикальную тональность.

Обратимся к автобиографиям. При описании корреспондентами их деятельности в политических и общественных организациях заметен ряд особенностей. Прежде всего, корреспонденты желали рассказать о многом, но были вынуждены заключать свои материалы в достаточно узкие рамки. Это приводило к тому, что их тексты не содержали ярких, красочных

подробностей. Сообщая достаточно известные сведения, корреспонденты отдавали приоритеты общей последовательности событий, но не деталям. С содержательной точки зрения это часто превращало их материал в напыщенный и высокопарный.

Из всех представленных в сборнике автобиографий наиболее интересной и содержательной выглядит та, которая принадлежала перу Ф. Ф. Кокошкина. У него общебиографические сведения преобладали над сведениями личными, очевидно, что он хотел подчеркнуть значимость своей работы, своей личности в масштабах всего государства и свою любовь к России. Его сотрудничество с газетой началось достаточно интересно. Летом и осенью 1904 г. он вместе с другими членами «Союза освобождения» участвовал в составлении так называемого «освобожденческого» проекта русской конституции. Этот проект помещен на страницах сборника статей [14, с. 302–303]. В качестве члена московской губернской земской управы Ф. Ф. Кокошкин вошел в состав «организационного бюро», организовавшего земские съезды. После ноябрьского съезда 1904 г., когда съезды получили выборную организацию, он был избран на них представителем от московского губернского земства вместе с такими корреспондентами «Русских ведомостей», как С. А. Муромцев, князь П. Д. Долгоруков и Н. Н. Щепкин. В бюро и на съездах Ф. Ф. Кокошкин акцентировал внимание на вопросах, касавшихся будущего политического строя России.

Он также участвовал в составлении «одинадцати пунктов», принятых ноябрьским земским съездом 1904 г. «Одинадцать пунктов» открыто провозглашали в России конституционную программу. На апрельском съезде 1905 г. Ф. Ф. Кокошкин был докладчиком по вопросу об организации народного представительства в России. На сентябрьском съезде выступал докладчиком по вопросу о правах национальностей и о децентрализации. На ноябрьском съезде 1905 г. защищал идею автономии Польши, в промежутки между сентябрьским и ноябрьским съездами председательствовал в комиссии, которая выработала и представила ноябрьскому съезду проект избирательного закона для России. Кроме того, Ф. Ф. Кокошкин входил в состав двух делегаций, ведущих от имени земско-городских съездов переговоры с графом С. Ю. Витте. Именно с эпохи земских съездов началось его сотрудничество с «Русскими ведомостями» [14, с. 106].

Либералы в России нуждались в освещении своей деятельности. Многие из них стали сотрудничать с газетами лишь на фоне острой необходимости просвещения населения России о событиях политической жизни. Сотрудничество с «Русскими ведомостями» было для многих из них лишь средством, а целью были политические изменения.

Мировоззрение как минимум десятой части корреспондентов было прогрессивным, либерально настроенным и направленным на выражение своих идей и мыслей, чему способствовала редакция газеты, не боявшаяся активного сотрудничества с ними. Сотрудничество корреспондентов «Русских ведомостей» как с прогрессивными, так и политически неблагонадежными для правительства лицами свидетельствует о стремлениях корреспондентов к свободе как внутренней, так и политической. Эти две тенденции к свободе в среде русской интеллигенции конца XIX – начала XX в. были взаимосвязанными. Одна в условиях печатной цензуры и политического контроля не могла обойтись без другой.

Примерно десятая часть корреспондентов подвергалась политическому преследованию, а значит, в среде корреспондентов были концептуальные разногласия по вопросам российского государственного строя. Эти разногласия, однако, сглаживала редакция «Русских ведомостей», которая к началу XX в. определилась в своих политических воззрениях.

Обработав данные, удалось выявить партийную принадлежность части корреспондентов.

Таблица 3

Относительные показатели партийности корреспондентов «Русских ведомостей»

Название политической партии / участие в политической жизни России	Процент корреспондентов
1. Конституционно-демократическая партия	7,34
2. Депутаты-выборщики	4,42
3. Членство в Государственном Совете	0,9
4. Рабочая социал-демократическая партия	
– большевики	0,6
– меньшевики	0,1
5. «Союз 17 октября»	0,53
6. Партия демократических реформ	0,5
7. «Прогрессисты»	0,4
8. Партия социалистов-революционеров	0,2
9. «Трудовики»	0,1

Известно, что «Русские ведомости» объявили себя беспартийным органом, прибавив к этому, что по своим программным положениям газета стоит ближе всего к конституционно-демократической партии, отнюдь не отказывая себе в критике программы и действий этой партии [14, с. 97]. Кроме того, в редакции газеты кадетом был В. Е. Якушкин и близкими к редакции такие корреспонденты-кадеты, как Г. Б. Иоллос, С. А. Муромцев. Справедливости ради следует отметить, что иногда кадеты, сотрудничавшие с газетой, присылали в нее лишь одну или несколько статей, например, по поводу смерти С. А. Муромцева, то есть являлись случайными сотрудниками «Русских ведомостей».

Полученные количественные данные говорят о том, что часть корреспондентов «Русских ведомостей» принадлежала к партии кадетов, разделяя ее политические убеждения и настроения, следовательно, разделяла это и газета. А. Н. Боханов считал, что такая политическая ориентация издания стала одной из тех причин, которая привела к снижению авторитета и потере читательской аудитории [1, с. 70]. С этим можно согласиться, потому что, утверждая необходимость принятия конституции, газета тем не менее не осознавала, что большая часть населения России имела другие нужды, связанные с необходимостью улучшения своего существования.

Отсюда следует, что не осознавала этого и русская интеллигенция, будучи отдаленной от народа, потому что большая часть корреспондентов «Русских ведомостей» принадлежала к столичной интеллигенции, которая не видела жизни провинции. Конечно, в газете присутствовали статьи по актуальнейшим проблемам современности, которые затрагивали провинциальную жизнь, переселенческий вопрос и так далее. Анализируя биографии, можно заметить, что некоторые корреспонденты-кадеты, работавшие в Государственной Думе, хотели засвидетельствовать свое почтение к либеральной газете, написав в нее хотя бы одну статью, или присылали свои статьи в редакцию, зная, что их пропустят по мотиву политической дружбы.

В этой связи интересно следующее: в 1905 г. в эпоху резкого политического расслоения русской интеллигенции корреспондент газеты М. Г. Лунц, примыкавший по своим взглядам к социал-демократам, вышел из состава сотрудников газеты [14, с. 106]. Причина этого шага становится понятна с учетом политических симпатий издания. Очевидно, что издательство не придерживалось постоянно полной привязанности к политической линии кадетской партии. «Русские ведомости», поддерживая кадетов, будучи направленными прежде всего к своему читателю, могли поступиться в некоторых случаях кадетскими воззрениями. Если с «Русскими ведомостями» не сотрудничали столь активно члены других политических партий, то это уже зависело от их собственных политических настроений и от того образа газеты, который они сами для себя в ней увидели. Увидев в настроениях газеты нотки, близкие кадетам, в условиях политического расслоения они не присылали туда свои материалы для публикации.

Интересным является факт сотрудничества с газетой корреспондентов, которые были масонами. Сопоставив биографические данные из Сборника статей с данными А. И. Серкова, удалось узнать, что 4,21 % корреспондентов «Русских ведомостей» относились к масонам [15, с. 56–1221]. Среди них было много политических и общественных деятелей. Можно утверждать, что участие в масонских ложах было для сотрудников издания возможностью выражения политической активности, могло дать возможность обсудить политические проблемы. Корреспонденты-масоны почти все были членами Государственной Думы и политических партий, являясь, как правило, членами нескольких лож (от двух). Кроме того, в ложах они имели высокую степень, являясь не рядовыми членами. В большинстве случаев эти ложи находились в Санкт-Петербурге и Париже. Масонский элемент корреспондентов газеты был одним из наиболее политизированных.

Подведем итоги. Автобиографии сотрудников газеты позволяют определить факторы влияния на формирование их политических убеждений. Первое место среди факторов влияния на корреспондентов газеты принадлежит полученному ими высшему образованию, профессора университетов. Корреспонденты «Русских ведомостей» получили свое образование в большинстве случаев в Московском университете, профессора которого не являлись радикально настроенными. Одно из свидетельств этого – низкий процент, 2,91 %, прекращения преподавательской деятельности профессоров Московского университета и одновременно корреспондентов «Русских ведомостей», которые, не желая читать лекции и работать в университете в присутствии полиции в 1911 г., перешли на работу в народный городской университет имени А. Л. Шанявского. Следовательно, либерализм этой части корреспондентов, окончивших Московский университет, также не был радикальным.

Также был высок фактор влияния на корреспондентов «литературы и среды», особенно важен фактор влияния на корреспондентов прогрессивных людей, составлявших мыслящую основу просвещенной интеллигенции. Корреспонденты «Русских ведомостей», знакомые с такими людьми, как А. С. Муромцев, Л. Н. Толстой, сами становились носителями их взглядов. Небольшой фактор влияния на корреспондентов газеты антиправительственных деятелей является подтверждением не радикальности либерализма газеты.

Стоит отметить смелость редакции «Русских ведомостей» в привлечении к работе антиправительственных деятелей, а также лиц политически неблагонадежных, таких как П. Л. Лавров, П. А. Кропоткин, К. В. Аркадский (Добренович), Н. А. Морозов, П. Ф. Николаев, Н. В. Чайковский. Следовательно, можно подтвердить точку зрения, сложившуюся в историографии о том, что деятельность ряда корреспондентов газеты выходила за рамки либерального органа. Как правило, под статьями таких корреспондентов стояли меняющиеся псевдонимы, а их публикации носили не революционный, но просветительский характер, так как, будучи в эмиграции, эти корреспонденты писали в газету о зарубежной жизни. Со стороны издателей газеты этот шаг можно расценить как достаточно либеральный.

Большинство корреспондентов «Русских ведомостей», которые подвергались преследованию со стороны властей, подвергались этому в большинстве случаев не за свои антигосударственные деяния, а за политические убеждения. Для газеты эта часть корреспондентов была одной из наиболее политически активных. Влияние на сотрудников печатного органа как прогрессивных, так и политически неблагонадежных для правительства лиц, свидетельствовало о стремлениях сотрудников печатного органа к свободе слова.

Газета, однако, не позволяла себе антиправительственных материалов, в большинстве своем ее корреспонденты не принадлежали к радикально настроенным элементам. Из этого следует, что «Русские ведомости» пытались объединить либеральные тенденции.

Неисследованным вопросом в историографии являлась национальная принадлежность корреспондентов газеты. Анализ их биографий позволяет утверждать, что более чем 90 % корреспондентов печатного органа были русскими. Сотрудничество с газетой корреспондентов еврейской национальности на уровне 1,61 % свидетельствовало о том, что «Русским ведомостям» была безразлична национальная принадлежность корреспондента, им важнее был характер материалов. Следовательно, «Русские ведомости» не эволюционировали в сторону черносотенцев.

Список литературы

1. Боханов А. Н. Буржуазная пресса России и крупный капитал, конец XIX в. 1914 г. М. : Наука, 1984. 152 с.
2. Венгеров С. А. Русские ведомости // Энциклопедический словарь : в 86 т. Т. 53 / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб. : Типография Акц. общ. «Издательское дело, бывшее Брокгауз – Евфрон», 1899. С. 332–333.
3. Дробижев В. З. Рабочий класс Советской России в первый год пролетарской диктатуры: (Опыт структурного анализа по материалам проф. переписи 1918 г.) / В. З. Дробижев, А. К. Соколов, В. А. Устинов. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1974. 224 с.
4. Историки России, XVIII – нач. XX в. : [очерки] / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории; отв. ред. А. Н. Сахаров. М. : Науч.-изд. центр «Скрипторий», 1996. 685 с.
5. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования / АН СССР, Отд-ние истории. М. : Наука, 1987. 438 с.
6. Локшин А. Е. Газета «Русские ведомости» в общественной жизни России в период политической реакции 80-х – начала 90-х гг. XIX в. // Общественное движение в центральных губерниях России во 2-й половине XIX века – начале XX века. Рязань, 1981. С. 87–105.
7. Локшин А. Е. Газета «Русские ведомости» и администрация в период политической реакции 80-х – начала 90-х гг. XIX в. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 1980. № 6. С. 53–66.
8. Лукина Е. Ю. Многомерный Чехов // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная литература. Серия 7: Литературоведение. 1996. № 1. С. 49–74.
9. Методы сбора данных: анализ документов, наблюдение, эксперимент : [сборник статей] / АН СССР, Ин-т социол. исслед., Сов. социол. ассоц.; [науч.-ред. совет: В. Н. Иванов (пред.) и др.]. М. : ИСИ, 1985. 187 с.
10. Никифоров Ю. С. Бинарная просопографическая таблица как инструмент исследования социокультурных характеристик советских региональных элит: источники и методика. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2019621244, 11.07.2019.
11. Российские либералы : [сб. ст.] / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории; под ред. Б. С. Итенберга и В. В. Шелохаева. М. : РОССПЭН, 2001. 573 с.

12. Российский либерализм: идеи и люди / Фонд «Либеральная миссия»; под общ. ред. А. А. Кара-Мурзы. [Изд. 2-е, испр. и доп.]. М. : Новое изд-во, 2007. 900 с.
13. Русская периодическая печать (1702–1894) : справочник / под ред. А. Г. Дементьева, А. В. Западова, М. С. Черпахова, [авт.-сост. Н. В. Барановская и др.]. М. : Гос. изд-во политической лит., 1957–1959. 835 с.
14. Русские ведомости. 1863–1913 : сборник статей. М. : Тип тов-ва «Русские ведомости», 1913. 312 с.
15. Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000 : энциклопедический словарь. М. : РОССПЭН, 2001. 1222 с.
16. Шелохаев В. В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии, 1907–1914 гг. / АН СССР, Ин-т истории СССР. М. : Наука, 1991. 231 с.
17. Юмашева Ю. Ю. Просопография: к вопросу о периодизации применения метода в исторических исследованиях // Историческая информатика. 2022. № 1. С. 1–51.
18. Юровский В. Е. Газета либеральной интеллигенции «Русские Ведомости» // Вопросы истории. 1997. № 1. С. 149–154.
19. Balmuth D. The Russian Bulletin, 1863–1917: a liberal voice in tsarist Russia. N. Y. : Peter Lang Publishing, 2000. 462 p. (Amer. Univer. Studies IX. History; Vol. 194).
20. Claude N. Prosopographie et histoire sociale: Rome et l'Italie // Annales. Economies, sociétés, civilisations. 25-е année. 1970. № 5. Pp. 1209–1228. URL: https://www.persee.fr/doc/ahess_0395-2649_1970_num_25_5_422266 (дата обращения: 01.09.2021).

Political views of the correspondents of the newspaper "Russian news" (1863–1913): the experience of prosopographic analysis

V. V. Zharkov¹, V. V. Tatochenko²

¹PhD in Historical Sciences, deputy head of the Department of Management of daily activities of units, Yaroslavl Higher Military School of Air Defense. Russia, Yaroslavl. E-mail: vitally-zharkov@mail.ru

²PhD in Historical Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Military-Political Work in the troops (forces), Yaroslavl Higher Military School of Air Defense. Russia, Yaroslavl. E-mail: tatochenko.84@mail.ru

Abstract. This study examines the factors of the formation of a complex of political preferences of correspondents of the newspaper "Russian Vedomosti". To assess these, qualitative and quantitative methods of analysis are used in relation to the biographies of newspaper correspondents for the period 1863–1913. The prosopographic method was used, with the help of which 926 biographies (autobiographies) were analyzed correspondents of the "Russian news", printed in the collection of the newspaper, published for its 50th anniversary. Prosopographical and qualitative analysis of individual biographies lead to the following results: the key factors influencing the formation of political views of correspondents were the educational environment and the literary community; the affiliation of a significant proportion of correspondents to the Cadet party did not have sufficient influence to restrain episodic criticism of this party; the affiliation of a certain number of correspondents to anti-government organizations also did not have a radical impact on the overall political direction and was rather a reflection of liberal editorial policy. It is emphasized that the editorial policy of the "Russian news" allowed the publication to provide a platform for statements to various representatives of the educated, close to the literary environment of the intelligentsia of liberal views, not radical in the majority, not expressing adherence to a particular party. For the "Russian news", the social origin of the correspondent was indifferent, the material submitted to the newspaper and its quality were important. The obtained research results can be used for general characteristics and comparative analysis of this press organ. The material presented in the article has both the form of tables and various data variables that are subject to interpretation.

Keywords: Russian news newspaper, Russian pre-revolutionary journalism, correspondents of Russian news, Moscow liberal newspapers, prosopographic analysis.

References

1. Bohanov A. N. *Burzhuaznaya pressa Rossii i krupnyj kapital, konec XIX v. 1914 g.* [The bourgeois press of Russia and big capital, the end of the XIX century]. 1914. M. Nauka (Science). 1984. 152 p.
2. Vengerov S. A. *Russkie vedomosti* [Russian news] // *Enciklopedicheskij slovar'* : v 86 t. T. 53 – Encyclopedic dictionary : in 86 vols. Vol. 53 / ed. F. A. Brockhaus, I. A. Euphron. SPb. Printing House of the Joint Stock Company "Publishing business, former Brockhaus – Euphron". 1899. Pp. 332–333.
3. Drobizhev V. Z. *Rabochij klass Sovetskoj Rossii v pervyj god proletarskoj diktatury: (Opyt strukturnogo analiza po materialam prof. perepisi 1918 g.)* [The working class of Soviet Russia in the first year of the proletar-

ian dictatorship: [Experience of structural analysis based on the materials of Prof. 1918 census] / V. Z. Dro-
bizhev, A. K. Sokolov, V. A. Ustinov. M. Publishing House of Moscow University. 1974. 224 p.

4. *Istoriki Rossii, XVIII – nach. XX v. : [očerki]* – Historians of Russia, XVIII – beginning. XX century : [es-
says] / Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History; ed. by A. N. Sakharov. M. Scientific Publishing
Center "Scriptorium". 1996. 685 p.

5. *Koval'chenko I. D. Metody istoricheskogo issledovaniya* [Methods of historical research] / USSR Acade-
my of Sciences, Department of History. M. Nauka (Science). 1987. 438 p.

6. *Lokshin A. E. Gazeta "Russkie vedomosti" v obshchestvennoj zhizni Rossii v period politicheskoy reakcii
80-h – nachala 90-h gg. XX v.* [The newspaper "Russian news" in the public life of Russia during the period of
political reaction of the 80s – early 90s of the XIX century] // *Obshchestvennoe dvizhenie v central'nyh guberni-
yah Rossii vo 2-j polovine XIX veka – nachale XX veka* – Social movement in the central provinces of Russia in the
2nd half of the XIX century – early XX century. Ryazan. 1981. Pp. 87–105.

7. *Lokshin A. E. Gazeta "Russkie vedomosti" i administraciya v period politicheskoy reakcii 80-h – nachala
90-h gg. XIX v.* [Newspaper "Russian news" and administration during the period of political reaction of the
80s – early 90s of the XIX century] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istorija* – Herald of Moscow
University. Series 8: History. 1980. No. 6. Pp. 53–66.

8. *Lukina E. Yu. Mnogomernyj Chekhov* [Multidimensional Chekhov] // *Social'nye i gumanitarnye nauki.
Otechestvennaya literatura. Seriya 7: Literaturovedenie* – Social and humanitarian sciences. Russian literature.
Series 7: Literary Studies. 1996. No. 1. Pp. 49–74.

9. *Metody sbora dannyh: analiz dokumentov, nablyudenie, eksperiment : [sbornik statej]* – Data collection
methods: document analysis, observation, experiment : [collection of articles] / USSR Academy of Sciences, Insti-
tute of Sociol. research, Sov. sociol. assoc.; [scient.-ed. council: V. N. Ivanov (head) and others]. M. ISI. 1985. 187 p.

10. *Nikiforov Yu. S. Binarnaya prosopograficheskaya tablica kak instrument issledovaniya sociokul'turnyh
karakteristik sovetskikh regional'nyh elit: istochniki i metodika. Svidetel'stvo o registracii bazy dannyh RU
2019621244, 11.07.2019* [Binary prosopographic table as a tool for studying the socio-cultural characteristics of
Soviet regional elites: sources and methodology. Certificate of registration of the database RU 2019621244,
11.07.2019].

11. *Rossijskie liberaly : [sb. st.]* – Russian Liberals : [collection of articles] / Russian Academy of Sciences,
Institute of Russian History; ed. by B. S. Itenberg and V. V. Shelokhaev. M. ROSSPEN. 2001. 573 p.

12. *Rossijskij liberalizm: idei i lyudi* – Russian Liberalism: Ideas and People / Liberal Mission Foundation;
under the gen. ed. of A. A. Kara-Murza. [2nd ed., ispr. and add.]. M. Novoe izdatelstvo (New publishment). 2007.
900 p.

13. *Russkaya periodicheskaya pechat' (1702–1894) : spravochnik* – Russian periodical press (1702–
1894) : handbook / ed. by A. G. Dementiev, A. V. Zapadov, M. S. Cherepakhov, [auth.-comp. N. V. Baranovskaya et
al.]. M. State Publishing House of Political Literature. 1957–1959. 835 p.

14. *Russkie vedomosti. 1863–1913 : sbornik statej* – Russian news. 1863–1913 : collection of articles. M. :
Typ. of the "Russian news". 1913. 312 p.

15. *Serkov A. I. Russkoe masonstvo. 1731–2000 : enciklopedicheskij slovar'* [Russian Freemasonry. 1731–
2000 : Encyclopedic dictionary]. M. ROSSPEN. 2001. 1222 p.

16. *Shelohaev V. V. Ideologiya i politicheskaya organizaciya rossijskoj liberal'noj burzhuazii, 1907–1914 gg.*
[Ideology and political organization of the Russian liberal bourgeoisie, 1907–1914] / USSR Academy of Scienc-
es, Institute of History of the USSR. M. Nauka (Science). 1991. 231 p.

17. *Yumasheva Yu. Yu. Prosopografiya: k voprosu o periodizacii primeneniya metoda v istoricheskikh issle-
dovaniyah* [Prosopography: on the question of the periodization of the application of the method in historical
research] // *Istoricheskaya informatika* – Historical Informatics. 2022. No. 1. Pp. 1–51.

18. *Yurovskij V. E. Gazeta liberal'noj intelligencii "Russkie Vedomosti"* [Newspaper of the liberal intelli-
gentsia "Russian News"] // *Voprosy istorii* – Questions of History. 1997. No. 1. Pp. 149–154.

19. *Balmuth D. The Russian Bulletin, 1863–1917: a liberal voice in tsarist Russia.* N. Y. : Peter Lang Publish-
ing, 2000. 462 p. (Amer. Univer. Studies IX. History; Vol. 194).

20. *Claude N. Prosopographie et histoire sociale: Rome et l'Italie* // *Annales. Economies, societies, civiliza-
tions.* 25-e annee. 1970. No. 5. Pp. 1209–1228. Available at: https://www.persee.fr/doc/ahess_0395-2649_1970_num_25_5_422266 (date accessed: 01.09.2021).

УДК 908(470.342)(092)"1930"

DOI: 10.25730/VSU.2070.22.035

Иосиф Барташек: к биографии председателя вятского горисполкома 1930-х гг.

А. С. Касанов

кандидат исторических наук, доцент кафедры туризма, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. E-mail: kasanov@rambler.ru

Аннотация. Биографии политических и хозяйственных руководителей г. Вятки (с 1934 г. – Кирова) в 1930-е гг. до сих пор не стали предметом подробного изучения в региональной историографии. В отличие от дореволюционного периода в истории города, когда в Вятке существовала устойчивая политическая система, в 1930-е гг. в городском хозяйстве наблюдался кризис стабильности управленческих кадров. В течение десятилетия персоны на посту председателя горисполкома постоянно ротировались, что связано и с неспособностью в короткий срок решить целый комплекс хозяйственных задач, и с системой политического террора, в результате которого никто из управленцев не имел возможности находиться на своем посту долгое время. Иосиф Барташек – один из представителей высшего руководства Вятки 1930-х гг., про которого по сей день ничего не было известно. Целью статьи стало изучение его биографии с помощью документов Центрального государственного архива Кировской области, исследование его работы в качестве председателя горисполкома в конце 1933 – начале 1934 гг., а также описание механизма репрессий в отношении региональных партийных и хозяйственных руководителей эпохи «большого террора» 1930-х гг. на примере осужденного в 1938 г. по политическим мотивам Барташека. В завершение статьи делается вывод о том, что кадровая чехарда в рассматриваемый период сделала возможным выдвижение в среду высшей региональной номенклатуры нетипичных личностей с экзотической биографией. Такой персоной как раз был приехавший из Австро-Венгрии Иосиф Барташек, сделавший в Вятке невероятную карьеру, включившую в себя руководство не только городом, но и в разные годы почти всеми его важнейшими предприятиями при отсутствии фундаментального образования, знаний о местной социально-экономической и политической специфике.

Ключевые слова: Вятка, Барташек, 1930-е гг., горисполком, городское хозяйство, политические репрессии.

В региональной историографии пока не появилось отдельных исследований, посвященных многочисленным руководителям областного центра в 1920–30-е гг. В то же время в отличие от дореволюционной традиции, в Вятке в первые два десятилетия советской власти на руководящие посты выдвинулись люди, чьи биографии были мало кому знакомы, а сегодня эти имена и вовсе забыты. Высокие темпы кадровой ротации в этот период связаны в первую очередь с партийными чистками, репрессиями 1930-х гг. и сложным социально-экономическим положением Вятки.

Одним из самых малоизвестных председателей вятского горисполкома был Иосиф Барташек. Немец (по другим документам – чех) по происхождению, который на короткий срок (декабрь 1933 – март 1934 гг.) возглавил город. Резкое возвышение Барташека закончилось таким же внезапным падением: он не только был лишен руководящих постов, но и расстрелян как «австрийский шпион». До последнего времени о Барташеке не было ничего известно, лишь краткая биография политика опубликована в сборнике «Политические лидеры Вятского края» [5]. В монографиях по истории репрессий в Кирове в 1930-е гг. имя Барташека не упоминается, хотя «партийные чистки» в руководстве города и области исследовались историками [1; 3; 4]. Лишь публицист Ю. Г. Карачаров указывает, что «особенно трудно в те годы приходилось приезжим, так называемым «иноверцам». Именно их в первую очередь причисляли к «врагам народа», именно на них обрушивались самые суровые наказания. В Кирове расстреляны чехи, поляки, немцы, эстонцы, литовцы...» [2, с. 112].

Изучение документов Центрального государственного архива Кировской области (ЦГАКО) дало возможность впервые исследовать подробно биографию Иосифа Барташека и понять, каким образом он оказался в руководстве города и его ведущих предприятий, а также почему его обвинили в шпионаже в пользу европейских стран.

Иосиф Барташек родился в 1875 г. в Австро-Венгрии в с. Иедли, учился в сельской школе и гимназии. Его семья занималась сельским хозяйством, у отца была лошадь и две коровы.

После окончания учебы Барташек работал на ферме с отцом, а в 1896 г. ушел в армию. В 1903 г. он устроился практикантом на сахарном заводе в городе Липнике (ныне – г. Липник-над-Бечвоу, Чехия), потом работал экспедитором на пивоваренном предприятии [6, л. 6].

Находясь среди австрийского пролетариата, Барташек увлекся революционными идеями и в 1905 г. вступил в социал-демократическую партию Австрии. В 1908 г. Иосиф переезжает в г. Санкт-Петербург, где в течение десяти лет работает на клееночной фабрике товарищества «Русско-Австрийской мануфактуры». Последние предреволюционные годы он уже числился на предприятии мастером, но в 1918 г. из-за недостатка сырья фабрика прекратила работу.

В 1918 г. Барташек впервые оказывается в Вятской губернии. В течение двух лет он работает в г. Советске в местном Управлении военно-продовольственного снабжения (Упродком). В этот период времени (в 1920 г.) он вступил в ряды РКП(б). В 1921 г. Вятским губкомом мобилизован на работу по учету, заготовке и распределению продовольствия (продработу) в Сибирь. В г. Тюмень он сначала работает секретарем в местном губпродкоме, а потом назначается членом губернского революционного трибунала по продовольственным делам. После окончания продкампании 27 февраля 1921 г. возвращается в Вятскую губернию, где его отправляют в село Вожгалы на должность налогового инспектора.

Далее в течение 15 лет малоизвестный в Вятской губернии Барташек почти каждый год меняет место работы и продвигается по карьерной лестнице, возглавляя разные предприятия. Сначала его назначают управляющим кондитерской фабрики вятского губпотребсоюза (1923–1925 гг.), затем он работает заведующим колбасной фабрикой (1925–1926 гг.). В 1927–1929 гг. Барташек руководит Белохолуницким машиностроительным заводом, в 1930 г. – Фабрикой учебных пособий, в 1931–1933 гг. он становится директором машиностроительного завода в Вятке, в 1934 г. – Кировского пивзавода [13, л. 4].

В середине 1930-х гг. Барташек становится членом горсовета XVI созыва, он возглавлял секцию промышленности, был уполномоченным по благоустройству северной части города. В конце 1933 г. председатель вятского горисполкома Василий Шмидт был снят с поста руководителя города с формулировкой «за зажим самокритики и допущенную пьянку с работниками райпарторганизации» [7, л. 5]. В этот период (с декабря 1933 по март 1934 гг.) на руководящую роль в Вятке выдвигают Иосифа Барташека. К новой должности прилагались и многочисленные привилегии. Например, Иосиф Иванович получил право на оплату жилой площади по льготной ставке, его зарплата составляла 400 рублей в месяц.

Необходимо отметить, что Барташек еще в конце 1920-х гг. имел опыт и руководящей, и партийной работы. Так, проживая в городе Белая Холуница, он в течение 1927–1929 гг. состоял членом президиума Райисполкома и был членом Бюро Райкома ВКП(б). Но председатель вятского горисполкома, безусловно, имел намного больший политический вес и довольно большой штат сотрудников. Согласно «Списку работников Вятского горсовета» на 1 января 1934 г., Барташеку помогали заместитель председателя, ответственный секретарь, заведующий орготделом, инструкторы по транспорту, промышленности и деревенской секции, внештатные работники (26 человек), соцсовместители (17 человек) и руководители секций (13 человек) [7, л. 2, 2 об.].

Барташек начал свою работу с решительных шагов по ротации кадров и привлечению к ответственности виновных в проблемах городского хозяйства. В начале 1934 г. было уволено руководство Вяткомстроя, районной страховой комиссии, дирекции одного из коопхозов, конвенционного бюро и т. д. Барташек также обратился в прокуратуру с требованием привлечь к уголовной ответственности 56 хозяйств в Окуловском, Никольском, Позднинском, Кстининском, Пасеговском сельских советах за саботаж в обязательных поставках зерна, картофеля, хлеба государству [8, л. 5]. В целях «укрепления работы сельсоветов» в Матыновский, Шепелевский, Поздняковский сельсоветы были отправлены инспекторы для ревизии денежной отчетности и передачи дел новым руководителям. Также непрерывно шла борьба со спекулянтами, проводилась работа по лишению избирательных прав.

На повестке дня в рассматриваемый период стоял целый ряд актуальных проблем городского хозяйства. Например, несколько раз прорабатывался вопрос «об улучшении работы электростанции и упорядочивания ведения энергохозяйства» [8, л. 1]. Было принято три важнейших решения:

«1. Предложить всем руководителям госучреждений, предприятий, промартелей и жилищному под их личную ответственность сократить осветительную нагрузку минимум на 25 % от существующей;

2. Провести перерегистрацию всех абонентов городских сетей с привлечением широкого актива;

3. Улучшить разъяснительную работу за рациональное и экономное расходование электроэнергии...» [8, л. 1].

В это же время был утвержден титульный список коммунальных владений, подлежащих капитальному ремонту, шла заготовка строительных материалов и разработка соответствующей документации. Горисполком постановил «...принять меры к вовлечению жильцов в контроль за качеством строительства, прикрепив для этого отдельных лиц актива жактов...» [14, л. 121]. Необходимо было привлекать новые кадры. Так, в «Постановлении» №1/72 от 8 января 1934 г. было указано, что строительство в 1933 г. «происходило безобразно, без технического контроля и руководства, в результате имели место недоделки четырехэтажных домов, печей, лестниц, каркасных домов и ряд других работ и не организация действительно техконтроля...» [8, л. 40]. В результате директора «Вяткомстроя» Мамаева и других чиновников лишили должностей.

Также 11 января был доработан план топливоснабжения промышленности и городского хозяйства на 1934 г. При этом очень сложной оставалась ситуация с водоснабжением промышленных предприятий и населения города, в конце 1933 г. даже пришлось пойти на нормирование отпуска воды.

Решались в этот период и социальные вопросы. Так, 8 января вышло постановление «О прикреплении детских домов шефствующим предприятиям ГОРОНО» [8, л. 28]. Заводы, фабрики, общественные объединения должны были оказывать материальную помощь и всячески помогать соответствующим детским учреждениям. Например, Фабрика учебных пособий получила в шефство детский дом им. М. Урицкого, завод «Искож» – дом матери и ребенка, хромовый завод – дошкольный детский дом и т. д. Активно в первые три месяца 1934 г. рассматривались жалобы на административные взыскания, шла подготовка к призыву в армию, в ходе которого было отсеяно 7 % «социально чуждых и морально разложившихся» призывников [9, л. 9].

Еще одним направлением работы Барташека и его коллег стала подготовка к памятным датам. На мероприятия, связанные с празднованиями 30-летнего юбилея вятской парторганизации, было выделено 2000 рублей. Еще 1250 рублей отпущены на проведение траурного собрания в городском театре в честь десятилетия смерти В. И. Ленина.

Однако удержаться на посту председателя вятского горисполкома более четырех месяцев Барташеку не удалось. Он назначается в областной трест бродильной и пищевой промышленности (Бродпищестрест), который руководил пивоваренными заводами региона. Здесь Барташек в 1935–1937 гг. служит управляющим целой сети предприятий, среди которых были Слободской пивоваренный завод, Кировский дрожпивзавод, Сарапульский и Санчурский пивзаводы.

Проблемы у Иосифа Барташека появляются в конце лета 1937 г. 21 августа проходит заседание Президиума Кировского областного исполнительного комитета, на котором было решено «считать установленным, что вследствие преступно-халатного отношения директора Дрожпивзавода Лазарева к своим обязанностям и попустительству этим безобразиям со стороны Бродтреста основная часть производственного оборудования завода оказалась на 70–90 % изношенной и частично выведена из строя. Отпущенные средства на капитальный ремонт ежегодно не использовались. Производственная программа не выполняется. Завод находится в антисанитарном состоянии...» [11, л. 1]. В итоге было принято решение директора Дрожпивзавода Лазарева уволить, а «управляющему Бродтрестом т. Барташеку, который знал о всех безобразиях на заводе, но не принял необходимых мер к исправлению, объявить выговор» [11, л. 1].

17 января 1938 г. проводится закрытое партийное собрание Дрожпивзавода. На повестке дня стоял вопрос о руководстве Иосифа Барташека трестом. Было решено: «Директору треста Барташеку за отсутствие должного руководства заводами, за невыполнение решений конференции об очистке аппарата треста, за допущение политической беспечности в руководстве и за непринятие мер с вредительством на заводах объявить выговор с предупреждением и материал передать на дальнейшее рассмотрение» [13, л. 8].

Документы, сохранившиеся в фонде Бродпищестреста в ЦГАКО, сообщают, что Барташек довольно активно пытался «бороться с вредительством» на вверенном ему предприятии, что

вполне соответствовало духу времени. Так, в июле 1937 г. на Дрожпивзаводе вышла из строя Динамо-машина, в результате чего ряд цехов имели простой около трех часов. В Приказе по тресту от 27 июля Барташек акцентировал внимание на том, что «причину аварии нельзя рассматривать только как халатное отношение обслуживающего персонала к своим обязанностям, а глубже, то есть здесь вполне возможно орудовала вредительская рука врагов народа, рассчитывая на вывод из строя заводских цехов...» [12, л. 5]. В итоге Барташек обязал директора завода и всех его сотрудников «самым решительным образом развернуть борьбу с вредительством и ликвидацией последствий вредительства...» [12, л. 5]. 1 сентября был уволен директор Дрожпивзавода Лазарев, однако решить в короткие сроки проблемы плохого финансового положения предприятий треста, антисанитарного состояния их цехов, недостатка тары, неумения руководства реализовывать продукцию так и не удалось.

В конце февраля 1938 г. Иосиф Барташек был уволен с должности руководителя Бродпищетреста, исключен из партии, выведен на пенсию, а затем арестован. В ЦГАКО сохранились протоколы трех допросов Барташека. 13 апреля следователь поясняет ему, что Барташек по статье № 58 УК РСФСР обвиняется в работе агентом одной из иностранных разведок, «по поручению которой он вел активную враждебную деятельность против советской власти...» [13, л. 6]. В начале виновным бывший градоначальник себя не назвал. Однако в скором времени он сообщает, что с 1908 г. являлся агентом австрийской разведки и завербован неким Генрихом Гумплагом, с которым он был знаком, еще проживая в Австро-Венгрии. В 1905 г. Гумплаг уехал в Санкт-Петербург и поступил там работать сбытчиком в товарищество Русско-австрийской мануфактуры. Спустя три года Генрих написал письмо Барташеку с предложением переехать в столицу России и трудиться вместе с ним на предприятии. Иосиф отправляется в Санкт-Петербург, работает там, но внезапно Гумплаг рассказывает, что он шпион, предлагает помочь в сборе сведений для австрийской разведки, Барташек согласился представлять известные ему данные раз в месяц.

В ходе допроса следователь попросил Барташека назвать его знакомых, проживавших в городе Кирове. Иосиф написал список из 15 человек, в основном это разного рода руководители предприятий областного центра, бывшие коллеги по работе в разных учреждениях Вятки. Например, среди них были директор пивзавода Лазарев, директор «Красного металлиста» Игошин, заведующий отдела кадров облместпрома Платунов, директор аптеки № 2 Слезверг, директор КУТШО Бабинцев и др. [13, л. 4 об., 5]. У некоторых из перечисленных Барташеком лиц впоследствии возникли серьезные проблемы, например, Василий Бабинцев арестован уже в ноябре 1938 г. и в июле 1939 г. был осужден на 10 лет лишения свободы по статье 58 п. 8. УК РСФСР.

14 апреля допрос продолжается, Барташек рассказывает, что «ежемесячно давал сведения о количестве выработанной продукции и о числе занятых на предприятии рабочих» [13, л. 8]. Такая работа продолжалась до середины 1915 г., а затем связь с Гумплагом прервалась. 15 апреля Иосиф Барташек сообщает, что работал в России легально, имел австрийское подданство до марта 1915 г., во время Первой мировой войны не был интернирован, а лишь однажды вызван в полицию для некоей беседы. В 1918 г. Барташек уехал из Петрограда и возвращался туда лишь в 1920 г. и летом 1930 г. на сутки, когда встречался с Гумплагом. После этого они больше не виделись, лишь в 1932 г. Барташек получил от своего старого друга письмо, но не ответил на него. В 1935 г. Гумплаг умер от болезни сердца.

Иосиф Барташек был обвинен в том, что при вступлении в ВКП(б) скрыл, что являлся «агентом австро-венгерской разведки и осведомителем царской полиции» [13, л. 21]. В «Постановлении об избрании меры пресечения» было также указано, что Барташек «систематически вел активную контрреволюционную фашистскую агитацию» [13, л. 1]. В документах встречается признание Барташека: «Я обманным путем проник в партию для того, чтобы замаскироваться, скрыть свое действительное лицо и завоевать себе больший авторитет...» [13, л. 17]. В то же время он утверждал, что после 1918 г. связей с австрийской разведкой не имел и лишь два раза встречался с Гумплагом.

Необходимо указать, что в протоколах допросов и других документах следствия не указано, какую конкретно «подрывную работу» осуществлял Барташек и какие сведения он предоставлял иностранным разведкам. Не акцентируется внимание и на том, что подсудимый в конце 1933 – начале 1934 гг. был руководителем города. В вину Иосифу Ивановичу фактически ставилась «шпионская работа» против Российской империи. Обращают на себе внимание также небрежности при оформлении документов следствия. Например, фамилия

человека, завербовавшего Барташека, обозначена в одних бумагах как «Гумплаг», а в других «Гумплинг» или «Бушплинг».

Заседание особой Тройки при УНКВД Кировской области от 26 сентября 1938 г. постановило расстрелять Иосифа Барташека и конфисковать принадлежавшее ему имущество. Весной 1940 г. вдова Барташека Александра Ильинична подала жалобу и потребовала пересмотр дела, но заместитель прокурора Кировской области Дешалыт ответил, что «оснований для протеста нет» [13, л. 25]. В то же время интересно, что сын Барташека Генрих в своей автобиографии, написанной в середине 1940-х гг., указал о Иосифе Ивановиче следующие сведения: «В феврале месяце 1938 г. отец был арестован органами НКВД, и где находится, мне не известно...» [10, л. 5, 5 об.]. Учитывая ходатайство матери Генриха о пересмотре «Дела Барташека», сложно представить, что он не знал о судьбе своего отца. В эти годы Барташек-младший делает успехи в сфере сельского хозяйства региона. За десять лет Генрих Барташек продвинулся от заместителя председателя правления одной из коммун Унинского района до главного агронома Бельского районного земельного отдела и заведующего Бельским районным земотделом. Судьба других детей Иосифа Ивановича менее известна. В документах следствия содержится информация, что помимо Генриха у него еще были дочери Власта и Эмилия, а также сын Станислав. При реабилитации Иосифа Барташека в 1989 г. удалось установить, что его внуки проживают в Минске и Санкт-Петербурге.

Подводя итог, необходимо отметить, что история Иосифа Барташека выглядит экзотично на фоне биографий других политических и хозяйственных руководителей Вятки первой половины XX в. Сын бедного австрийского крестьянина, ставший петербургским пролетарием в послереволюционный период, сделал мощный карьерный рывок. Не обладая никаким техническим образованием и серьезным управленческим опытом, а также знаниями специфики региона, Барташек смог получить директорские должности в самых разных предприятиях Вятской губернии. За 15 лет нигде надолго не задерживаясь, он успел поруководить и пищевой промышленностью, и металлургией, и фабрикой учебных пособий, и даже целым трестом, а в начале 1934 г. стал одним из наиболее влиятельных политических лидеров города.

Однако дальнейшая судьба Барташека с разоблачениями, репрессиями и обвинениями в шпионаже типична для того времени. Исследователь «Большого террора» на территории Кировской области Юрий Карачаров полагает, что обрусевшие иностранцы были максимально удобной мишенью для сотрудников НКВД. В своей монографии он приводит примеры подобных дел [2, с. 112]. Так, в феврале 1938 г. в Кирове одновременно с Барташеком был арестован и расстрелян «за шпионскую деятельность» чех Ярослав Зайчек. Он приехал в СССР из Чехословакии так же, как и Иосиф Иванович, еще на родине был коммунистом, усердно работал, обзавелся в Вятке семьей, имел престижную должность на кожевенно-обувном комбинате им. Коминтерна. В этот же период расстрелян преподаватель пединститута, бывший немецкий подданный Владимир Мундигго.

Арест и расстрел Барташека также был связан с политикой обновления региональных партийных кадров и по времени совпал с подготовкой и проведением второй областной партийной конференции (февраль – июнь 1938 г.), перед которой было выдвинуто 159 новых первых, вторых и третьих секретарей. В этот период 12 секретарей райкомов, 16 предриков, почти весь аппарат и половина всего состава обкома партии были разоблачены и арестованы, а в отчетном докладе говорилось, что «враги народа» проникли абсолютно во все региональные органы власти, в том числе горком и горисполком. В данной ситуации судьба Иосифа Барташека была предрешена, но в 1990 г. он был реабилитирован, восстановлен в КПСС, а в его деле не нашли «объективных доказательств преступной деятельности» [13, л. 30].

Список литературы

1. Загвоздкин Г. Г. Триумф и трагедия 30-х гг. // Энциклопедия земли Вятской. Т. 4. Киров, 1995. С. 379–393.
2. Карачаров Ю. Г. «Все равно буду жить!»: документальный рассказ о жертвах сталинских репрессий в Кировской области. Киров, 1990. 192 с.
3. Кашина В. М. Вятский край в 20–30-е гг. XX в.: противоречивость развития // Вятский край с древности до наших дней. Киров, 2006. С. 235–284.
4. Мельников Е. За фасадом «великого перелома». Кировская правда. 1989. 4 января.
5. Политические лидеры Вятского края: биографический справочник. Киров, 2009. 730 с.
6. ЦГАКО (Центральный государственный архив Кировской области). Ф. Р-897. Оп. 2. Д. 320.
7. ЦГАКО. Ф. Р-897. Оп. 2. Д. 138.

8. ЦГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1045.
9. ЦГАКО. Ф. Р-897. Оп. 3. Д. 122.
10. ЦГАКО. Ф. 1290. Оп. 16. Д. 26.
11. ЦГАКО. Ф. Р-1367. Оп. 4. Д. 21.
12. ЦГАКО. Ф. Р-1367. Оп. 4. Д. 23.
13. ЦГАКО. СУ-9900. Ф. Р-6799. Т. 1. Оп. 8.
14. ЦГАКО. Ф. Р-897. Оп. 2. Д. 130.

Iosif Bartashek: to biography of the president of the Vyatka gorispolkom 1930s.

A. S. Kasanov

PhD in Historical Sciences, associate professor of the Department of Tourism, Russian State University.
Russia, Kirov. E-mail: kasanv@rambler.ru

Abstract. Biographies of political and economic leaders of Vyatka (since 1934 – Kirov) in the 1930s have not yet been the subject of detailed study in regional historiography. Unlike the pre-revolutionary period in the history of the city, when there was a stable political system in Vyatka, in the 1930s there was a crisis of stability of managerial personnel in the urban economy. During the decade, the persons in the post of chairman of the city executive committee were constantly rotated, which is due to the inability to solve a whole range of economic tasks in a short time, and to the system of political terror, as a result of which none of the managers had the opportunity to stay in office for a long time. Iosif Bartashek is one of the representatives of the top leadership of Vyatka in the 1930s, about whom nothing was known to this day. The purpose of the article was to study his biography with the help of documents from the Central State Archive of the Kirov region, to study his work as chairman of the City Executive Committee in late 1933 – early 1934, as well as to describe the mechanism of repression against regional party and economic leaders of the era of the "great terror" of the 1930s. on the example of a convict in 1938 for political reasons Bartasheka. At the end of the article, it is concluded that the personnel leapfrog in the period under review made it possible to nominate atypical personalities with exotic biographies among the highest regional nomenclature. Such a person was just Joseph Bartashek, who came from Austria-Hungary, who made an incredible career in Vyatka, which included the management of not only the city, but also in different years almost all of its most important enterprises in the absence of fundamental education, knowledge of local socio-economic and political specifics.

Keywords: Vyatka, Bartashek, 1930s, gorispolkom, gorodskoe hozyastva, political repression.

References

1. Zagvozdkin G. G. *Triumfi i tragediya 30-h gg.* [Triumph and tragedy of the 30s.] // *Enciklopediya zemli Vyatskoj* – Encyclopedia of the Vyatka land. Vol. 4. Kirov. 1995. Pp. 379–393.
2. Karacharov Yu. G. "Vse ravno budu zhit!": *dokumental'nyj rasskaz o zhertvah stalinskih repressij v Kirovskoj oblasti* ["I will live anyway!": a documentary story about the victims of Stalin's repressions in the Kirov region]. Kirov. 1990. 192 p.
3. Kashina V. M. *Vyatskij kraj v 20–30-e gg. XX v.: protivorechivost' razvitiya* [Vyatka land in the 20–30s of the XX century: inconsistency of development] // *Vyatskij kraj s drevnosti do nashih dnei* – Vyatka region from antiquity to the present day. Kirov. 2006. Pp. 235–284.
4. Mel'nikov E. *Za fasadom "velikogo pereloma"* [Behind the facade of the "great turning point"]. *Kirovskaya Pravda* – Kirov Truth. 1989. January 4.
5. *Politicheskie lidery Vyatskogo kraja : biograficheskij spravochnik* – Political leaders of the Vyatka Region: a biographical reference. Kirov. 2009. 730 p.
6. CSAKR (Central State Archive of Kirov region). F. Р-897. Inv. 2. File 320.
7. CSAKR. F. Р-897. Inv. 2. File 138.
8. CSAKR. F. Р-897. Inv. 1. File 1045.
9. CSAKR. F. Р-897. Inv. 3. File 122.
10. CSAKR. F. 1290. Inv. 16. File 26.
11. CSAKR. F. Р-1367. Inv. 4. File 21.
12. CSAKR. F. Р-1367. Inv. 4. File 23.
13. CSAKR. SU-9900. F. Р-6799. Vol. 1. Inv. 8.
14. CSAKR. F. Р-897. Inv. 2. File 130.

Слободское реальное училище Вятской губернии в документах Центрального государственного архива Кировской области

Н. В. Рыжкова

кандидат исторических наук, доцент кафедры изобразительного искусства
и художественной культуры, Удмуртский государственный университет.
Россия, г. Ижевск. ORCID: 0000-0001-9179-9783. E-mail: nataly_izhevsk@mail.ru

Аннотация. Актуальность темы обусловлена повышенным вниманием современного общества к проблемам сохранения, реконструкции и рационального использования объектов историко-культурного и архитектурного наследия России. Особый интерес представляют памятники Вятской губернии учебных типов XIX – начала XX вв. в связи с их малой изученностью. Неисследованным в этом контексте является Слободское реальное училище.

Цель данного исследования – выявление историко-архитектурных особенностей Слободского реального училища, основанного в начале XX в. в г. Слободском Вятской губернии. В статье рассматриваются вопросы, связанные с выявлением общих тенденций возникновения и развития реальных училищ в Российской империи, выясняются факторы, оказавшие влияние на появление и последующее историческое развитие Слободского реального училища, анализируются особенности его архитектурного облика в контексте эволюции архитектурных тенденций России.

Статья основана на выявленных автором источниках – документах ЦГАКО (Центрального государственного архива Кировской области, г. Киров), а также результатах полевых исследований, проводимых автором в 2011–2022 гг. Установлено, что появление реального училища в г. Слободском было очень востребованным ввиду крайне малого количества учебных заведений и необходимости квалифицированных кадров в городе. Его открытие состоялось благодаря настойчивости и упорной разносторонней работе гласного Городской Думы, купца М. П. Ончукова.

Отмечается, что с архитектурной точки зрения здание училища не противоречит существующим художественным идеалам эпохи, но имеет свои особенности – оно менее объемно, простое по композиции и менее репрезентативно по сравнению со столичными зданиями аналогичного типа.

Оно является представителем так называемого «кирпичного» стиля, получившего широкое распространение в Вятской губернии на рубеже веков ввиду его экономичности и рациональности. Краснокирпичные, в фигурной кладке здания, и сейчас украшают многие города Вятской губернии. Интересными и подтвержденными документально представляются в статье факты авторства проекта здания.

Ключевые слова: история, архив, училище, губерния, архитектура, здание.

Теоретической базой работы послужили научные труды, которые условно разделены на две группы: это большой объем дореволюционных исследований историко-описательного и справочно-статистического характера – ежегодные статистические отчеты об учебных заведениях, постановления и журналы заседаний Городской Думы, ежегодные памятные книжки и календари Вятской губернии [6–12], содержащие самую разнообразную информацию о Вятском крае, исторические очерки учебных заведений и послереволюционные исследования, связанные с вопросами развития образования и истории архитектуры России [1; 2; 4; 5; 14; 15].

Источниковой базой послужили неопубликованные источники Центрального государственного архива Кировской области (ЦГАКО) в г. Кирове. Для написания работы было привлечено пять фондов: делопроизводственные документы фонда 583 «Вятское губернское правление» (строительное отделение) – это протоколы заседания строительной комиссии Вятского губернского правления об утверждении проекта училища и графические материалы – проекты, разрезы и фасад здания училища, делопроизводственные материалы фонда 818 «Слободское реальное училище», содержащие историко-статистическое описание и общие сведения по годам о деятельности училища, материалы фонда 587 «Вятское губернское по земским и городским делам присутствие», где имеются постановления уездной земской управы и Слободской городской Думы, фонды 616 «Вятская губернская земская управа» и 205 «Канцелярия директора народных училищ Вятской губернии», содержащие делопроизводственные документы об организации народного образования в губернии.

В работе помимо общенаучных методов были использованы сравнительно-исторический и системный, что позволило максимально полно охватить картину историко-архитектурного своеобразия Слободского реального училища Вятской губернии в начале XX в.

Практическая значимость работы обусловлена возможным использованием материалов исследования для уточнения и дополнения очень разнообразной картины развития регионального зодчества, культуры и просвещения в дореволюционной Вятской губернии.

Реальное училище как тип образовательного учреждения возник в Германии в середине XVIII в. Название произошло от названия «Реальная школа» (Realschule), которая была основана К. Земмлером в 1706 г. в г. Галле. Это среднее учебное заведение, в котором основное место отводилось предметам естественно-математического цикла.

Получив широкую популярность в Европе, эти училища стали появляться и в Российской империи. Здесь инициатива открытия реальных училищ стала исходить от частных лиц и возникла к началу 1830-х гг. Первоначально целью таких училищ было распространение технических знаний, непосредственно полезных для промышленной деятельности, этим и объяснялась частная инициатива к их открытию, но затем миссия этих училищ была расширена в сторону общего образования.

В 1839 г. в России при ряде учебных заведений были учреждены реальные классы, с 1864 г. начали создаваться реальные гимназии, преобразованные в 1871 г. в реальные училища.

Учащиеся специализировались по общему, технологическому, агрономическому и коммерческому направлениям. Обучение длилось шесть лет, дополнительный 7-й класс должен был готовить реалистов для поступления в высшие политехнические учебные заведения. Законодательно появление дополнительного седьмого класса было закреплено Уставом от 19 ноября 1864 г. «О реальных гимназиях и прогимназиях», который определил создание семиклассных реальных гимназий, целью которых ставилось наравне с классическими гимназиями, «общее образование и подготовка к вступлению в высшие специальные учебные заведения». Они были доступны для детей всех состояний и вероисповеданий и имели во многом сходную с классическими гимназиями программу и администрацию.

В 1871 г. реальные гимназии были переименованы в реальные училища, а в следующем году новый устав, утвержденный 15 мая 1872 г., объявил их целью «общее образование, приспособленное к практическим потребностям и к приобретению технических познаний», имея в виду потребности торгово-промышленной отрасли. Курс обучения длился 6–7 лет. В старших классах преподавались прикладные дисциплины (механика, химия, а также технологические и коммерческие предметы). Выпускники таких училищ могли поступить в технические, промышленные и торговые высшие учебные заведения, но не в университеты.

В 1888 г. реальные училища были реорганизованы в общеобразовательные заведения, выпускники которых уже могли поступать в университеты на естественно-научные факультеты.

После революции были упразднены на основании «Положения о единой трудовой школе РСФСР» от 16 октября 1918 г. Вместо них возникли близкие по задачам Школы фабрично-заводского ученичества, а с 1923 г. – техникумы.

В Вятской губернии на первое десятилетие XX в. существовало семь реальных училищ – Вятское Александровское, открытое в губернской Вятке, Нолинское, Орловское Алексеевское, Уржумское, Сарапульское, Алексеевское, Елабужское и Слободское с общим количеством учащихся в 1723 человека на 1910 г. [12, с. 122].

Инициатива открытия Слободского училища принадлежала гласному Думы г. Слободского, потомственному Почетному гражданину, коммерции-советнику, купцу М. П. Ончукову – именно он ходатайствовал перед министерством народного просвещения, городом, уездным и губернским земскими собраниями и существенно ускорил его открытие. Безусловно, открытию училища предшествовала непростая работа.

Сначала по постановлению Слободской городской Думы от 22 января 1902 г. было решено уполномочить М. П. Ончукова ходатайствовать о преобразовании уже имеющегося городского училища в реальное [18, л. 5]. Выписка из журнала Слободской городской Думы от 22 января 1902 г. «О преобразовании Слободского городского училища в реальное» [21, л. 66] гласила: город Слободской при более чем 10 тыс. человек [согласно переписи населения 1897 г. – 12, с. 24] населения имеет для образования мальчиков одно городское училище, которое не дает возможности для продолжения образования и не соответствует требованиям времени. Жители города просят Городскую Думу выйти с ходатайством пред Его Высочайшим Превосходительством Господином Министром народного просвещения о преобразовании этого училища в реальное.

Согласно журнала заседания Слободской городской Думы от 5 октября 1902 г. преобразования городского училища в реальное не может быть [20, л. 5], а ходатайство об учреждении реального училища может быть удовлетворено в том случае, если, во-первых, в содержании реального училища примут участие Вятское губернское и Слободское уездное земства, во-вторых, помещения для училища будут за счет города или земства или гласного Думы Ончукова, предлагающего помещение для училища [21, л. 12]. Отмечается, что М. П. Ончуков согласен отдать под училище новый каменный дом по Рождественской улице с флигелями, причем приспособив под училище первый и отремонтировав второй [20, л. 5].

Далее в документах мы находим письмо Его превосходительству Вятскому губернатору от председателя Вятской губернской земской управы, с просьбой ходатайствовать перед Министром народного просвещения об открытии реального училища и уполномочить на это М. П. Ончукова [19, л. 1]. Очевидно, многочисленные ходатайства были удовлетворены и спустя два года – 1 июля 1904 г. – Слободское реальное училище было учреждено на основании мнения Государственного Совета, высочайше утвержденного 19 января 1904 г.

20 сентября 1904 г. состоялось его торжественное открытие [21, л. 16].

По этому случаю поступила телеграмма Министра народного просвещения городскому голове: «Приношу Его Преосвященству, Вашему Превосходительству и всему местному Слободскому обществу глубокую благодарность за внимание. Радуюсь со всеми возросшему в столь трудное время новому училищу. Надеюсь, что труды педагогического персонала при содействии родителей привлекут к училищу необходимую любовь, способствуя тем подготовке истинных и надежных сынов Государя и Отечества».

Первоначально училище занимало наемные помещения в здании, принадлежащем женской гимназии [21, л. 18]. Открылось училище в составе двух первых классов и одного второго – всего около 82 учеников, к 1910 г. количество учеников увеличилось до 178.

3 ноября 1905 г. училище было переведено в бесплатное помещение, отстроенное на средства М. П. Ончукова [21, л. 18]. Здание имело помещения для седьмых классов, зал, отдельные комнаты для физического, естественного и рисовального кабинетов, для библиотеки, кабинета директора, канцелярии и учительской. Интересно, что ранее в документах мы видим, что проект на пристройку к дому, предназначенному для реального училища в г. Слободском, именно так он назывался в документах, был рассмотрен строительным отделением Вятского губернского правления 27 мая 1905 г. (рис. 1, 2, 3, 4, 5, 6). Проект был одобрен и далее представлен на усмотрение г. губернатора, по его утверждению предполагалось препроводить его Директору Слободского реального училища [17, л. 7]. Подписали протокол губернатор Левченко, и. д. губернского инженера И. А. Чарушин и губернский архитектор Максимович.

Училище росло, в 1908 г. М. П. Ончуковым был сделан небольшой двухэтажный пристрой к зданию училища [21, л. 18]. В этом пристрое имелось шесть комнат, по три комнаты в каждом этаже. Здесь появились комнаты для химических аудитории и лаборатории, для физических упражнений, для ученической столовой и для кабинетов врача и инспектора. В этом же году на средства М. П. Ончукова центральное калориферное отопление, оказавшееся неудобным вследствие почвенных условий, было заменено голландскими печами.

В ежегодном отчете отмечается, что в целом помещение училища очень удобное во всех отношениях, сухое, теплое, светлое, хотя место, на котором стоит училищный дом, низкое и сырое. При училище имеется довольно большое место для двора (около 1050 кв. сажень), где гуляют воспитанники. Квартир для служащих лиц не имеется, кроме квартир для служителей – им отведены квартиры в небольшом флигеле, находящиеся во дворе училища. В санитарном отношении училище можно считать удовлетворительным. Санитарные требования были очень важны при организации учебных заведений, именно на рубеже веков стали вырабатываться требования, которые легли в основу будущих стандартов.

Здание училища построено из красного кирпича, двухэтажное, прямоугольное в плане, расположено по красной линии улицы (рис. 7). Имеет семь окон по центральному фасаду во втором этаже и шесть в первом, отличающихся по размерам и компоновке. Здание довольно компактное, симметричное, центром композиции служит выступающий ризалит с подчеркнута крупными тремя овальными окнами второго этажа, декоративным аттиком и ажурным навесом входной группы первого этажа, ориентированной строго по центру здания. Украшает здание фигурная кладка кирпича и красивый наборный карниз. В целом здание выстроено в традициях так называемого «кирпичного стиля», получившего широкое распространение на рубеже XIX–XX вв. в России.

Реальное училище было привилегированным учебным заведением, где обучались сыновья купцов, чиновников, служителей культа. Училище имело хорошо оборудованные кабинеты: физический кабинет, химический с лабораторией, кабинет естественных наук, кабинет для рисования, где места учеников располагались амфитеатром, и гимнастический зал – небольшая комната, которая была оборудована в 1910 г. Уже в 1909 г. училище имело полный состав классов: шесть основных и один дополнительный. Все оборудование для них закупалось в Москве.

В училище существовала крупнейшая в Вятской губернии фундаментальная библиотека, которая насчитывала к 1911 г. 1112 наименований [21, л. 19]. Ученическая библиотека состояла из 1540 книг в 2298 томах.

Пансионата при училище не было – ученики жили на частных квартирах. На 1911 г. их было 11, где размещались 44 ученика. Плата за квартиру составляла от 1,5 до 2,5 рублей. Квартиры осматривались инспектором училища и были отмечены как удовлетворительные. Конечно, были и отрицательные стороны аренды частных квартир – их сдавали внаем, как правило, вдовы мещан, мелких чиновников, которые в общей массе были малограмотными и потому не способными воспитательным образом влиять на детей, ни тем более помогать с домашними заданиями.

Из научных предметов в училище преподавали Закон Божий, математику, физику, космографию, химию, естествознание, историю, географию и гигиену. По языковедению: русский язык, немецкий, французский. Из искусств преподавали рисование, чистописание, музыку и пение. Отмечалось, что прикладные знания в училище не преподавались [21, л. 24].

Реальное училище отличал сильный преподавательский состав. В 1904–1911 гг. графические искусства здесь преподавал известный искусствовед и музейный деятель П. М. Дульский. В 1909 г. он прочел в Вятке известную лекцию по русскому искусству о творчестве художников Репина, Серова и Малявина. В 1911 г. был переведен в Казанское 1-е реальное училище.

В разные годы работали Б. П. Спасский – выпускник Казанского университета, первый вятский методист-физик, А. А. Замятин – священник, краевед, «летописец города Слободского», А. З. Платунов – ученик Д. И. Менделеева.

Содержалось училище за счет земства и получало пособия от казны, города и частных лиц [12, с. 132]. При училище существовало «Общество вспомоществования недостаточным ученикам» под председательством известного купца В. П. Куршакова. Первым попечителем училища был М. П. Ончуков. Он также не раз высказывал мысль о строительстве училищной церкви и квартир для служащих, но планам помешала сбыться его преждевременная кончина. Администрация училища надеялась на то, что его волю выполнят дети. После смерти М. П. Ончукова в 1908 г. Почетным попечителем Слободского реального училища был избран Н. Д. Плюснин.

В последний год своего существования в 1917 г. в училище работали директор П. П. Никонов, обл. инспектор – М. И. Сперанский. Учеников числилось в семи классах 190 [3, с. 25].

Таким образом, можно констатировать, что Слободское реальное училище было достаточно современным по меркам того времени образовательным учреждением. Его отличали сильный педагогический состав, обеспеченность учебно-методическими материалами, финансовая помощь со стороны Попечителя и города. Для него было построено на средства М. П. Ончукова специальное помещение – двухэтажное, прямоугольное в плане, краснокирпичное здание, которое отвечало формирующимся санитарно-гигиеническим требованиям, предъявляемым к учебным заведениям. Отметим, что санитарно-гигиенические требования действительно становились главными при строительстве учебных заведений – например, в 1910 г. при расширении здания Слободского городского училища план не был одобрен вследствие «малой величины классов и рекреационного зала» [16, л. 5]. Потребность в Слободском реальном училище была колоссальная – на начало XX в. это было единственное мужское среднее учебное заведение во всем Слободском уезде, а уезд занимал «первое место по обширности своей территории и весьма слабой заселенности» [13, с. 14].

Уже после революции 1917 г. в стенах бывшего реального училища разместилась единая трудовая школа II-й ступени им. Некрасова. В 1930 г. она занимала 1 этаж здания училища, на втором этаже в 2-х кабинетах разместился педагогический техникум им. Бубнова. Позже педагогический техникум занял все здание.

Педагогический техникум готовил кадры учителей для начальных и семилетних школ

области. Студенты педтехникума работали пионервожатыми в школах, учили неграмотных читать и писать, проводили беседы о текущих событиях в стране, вели антирелигиозную пропаганду, участвовали в художественной самодеятельности.

В настоящее время здание сохранилось и не поменяло своего назначения – его занимает Слободской колледж педагогики и социальных отношений (рис. 8, 9).

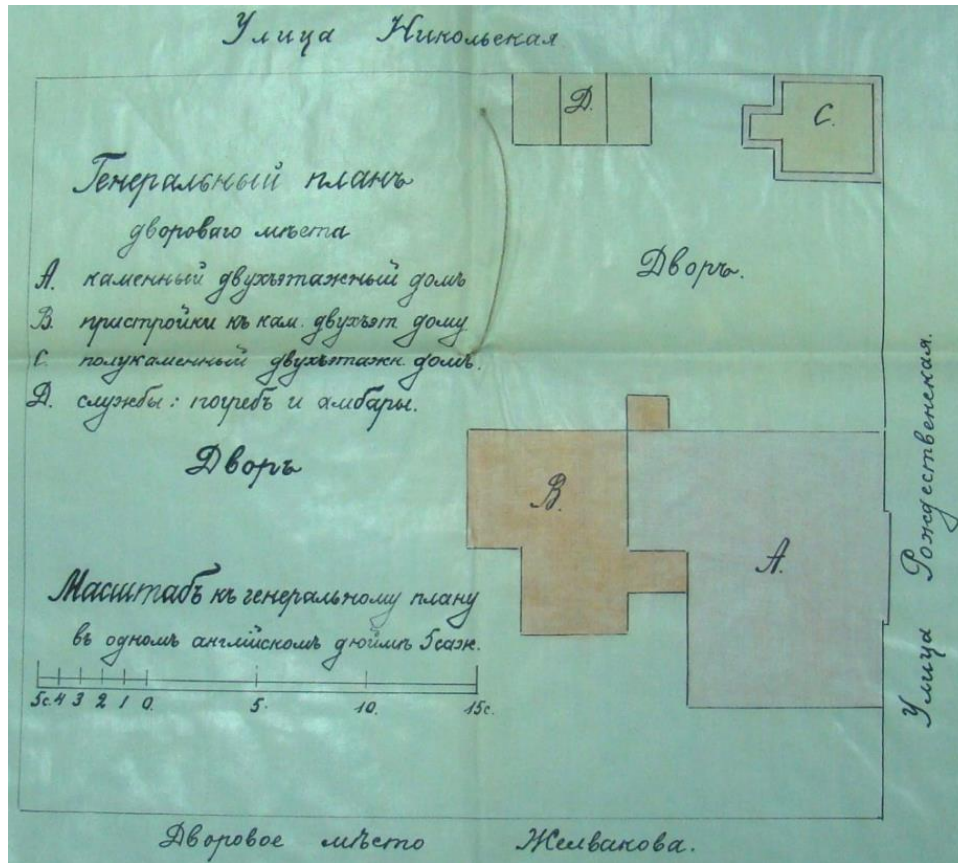

Рис. 1. Реальное училище в г. Слободской. Генеральный план дворового места. 1905 г. [17, л. 7].

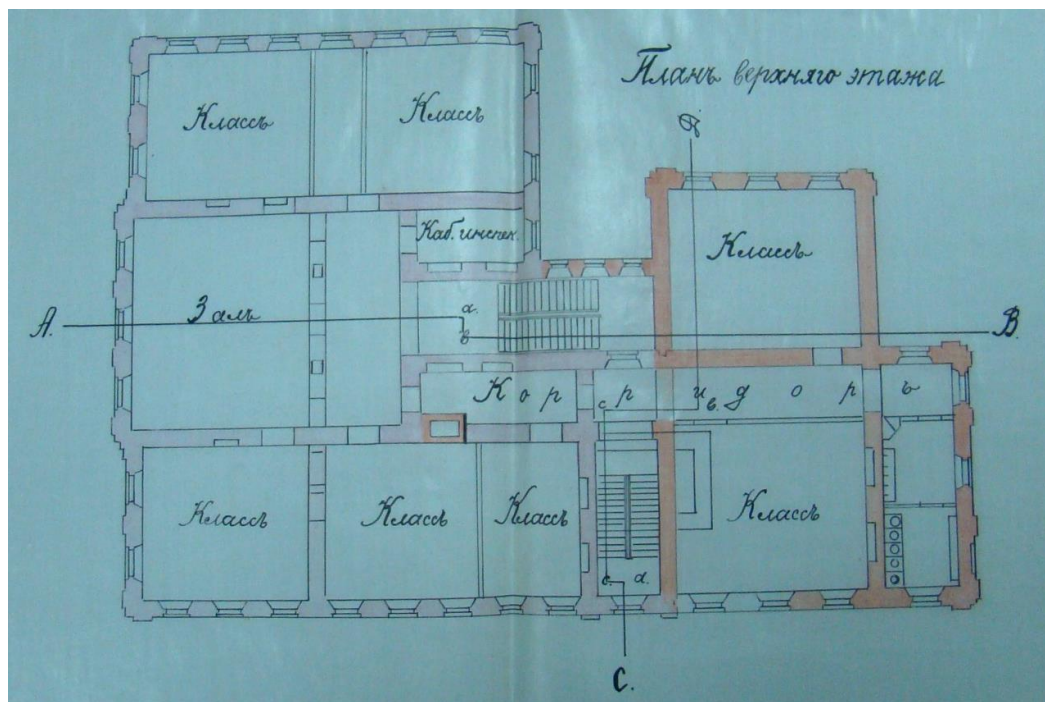

Рис. 2. Реальное училище в г. Слободской. План верхнего этажа. 1905 г. [17, л. 7].

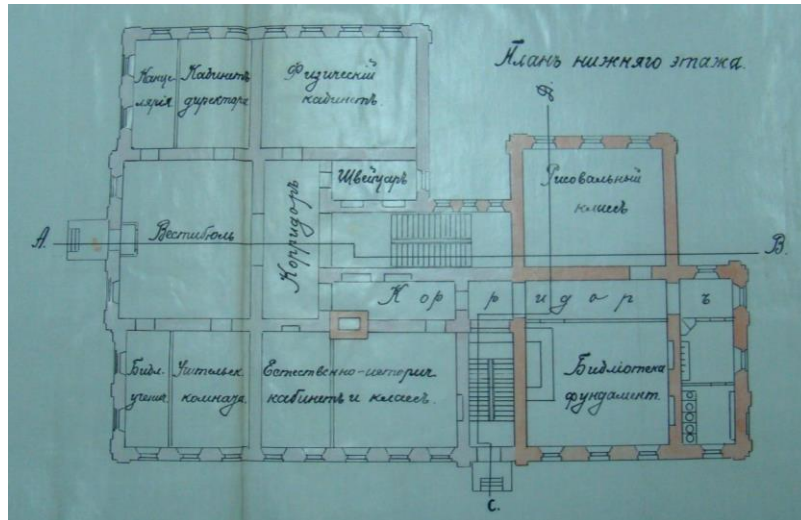

Рис. 3. Реальное училище в г. Слободской. План нижнего этажа. 1905 г. [17, л. 7].

Рис. 4. Реальное училище в г. Слободской. План подвального этажа. 1905 г. [17, л. 7].

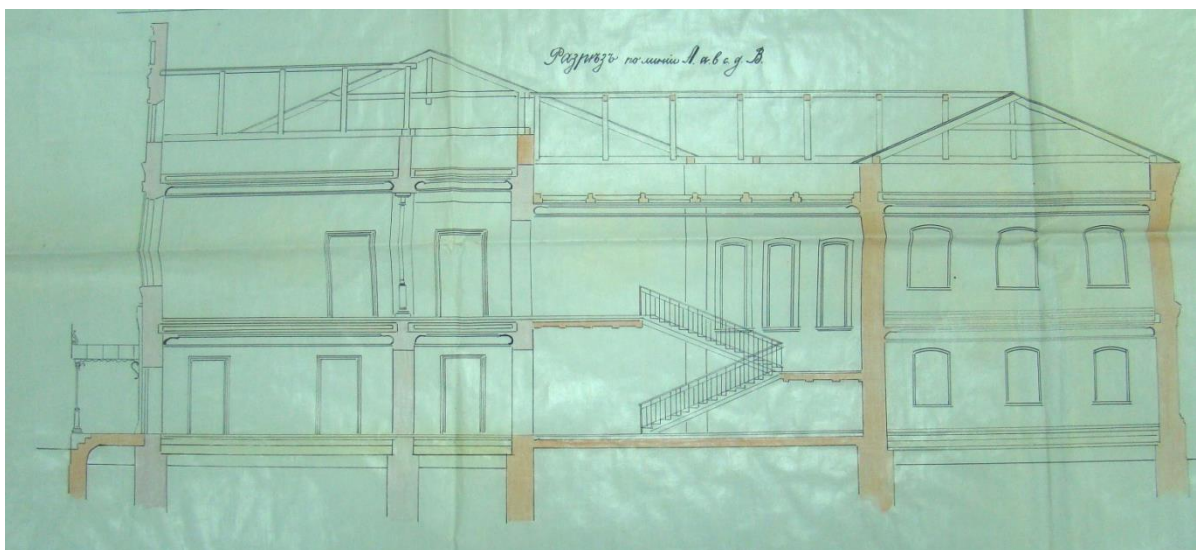

Рис. 5. Реальное училище в г. Слободской. Разрезы. 1905 г. [17, л. 7].

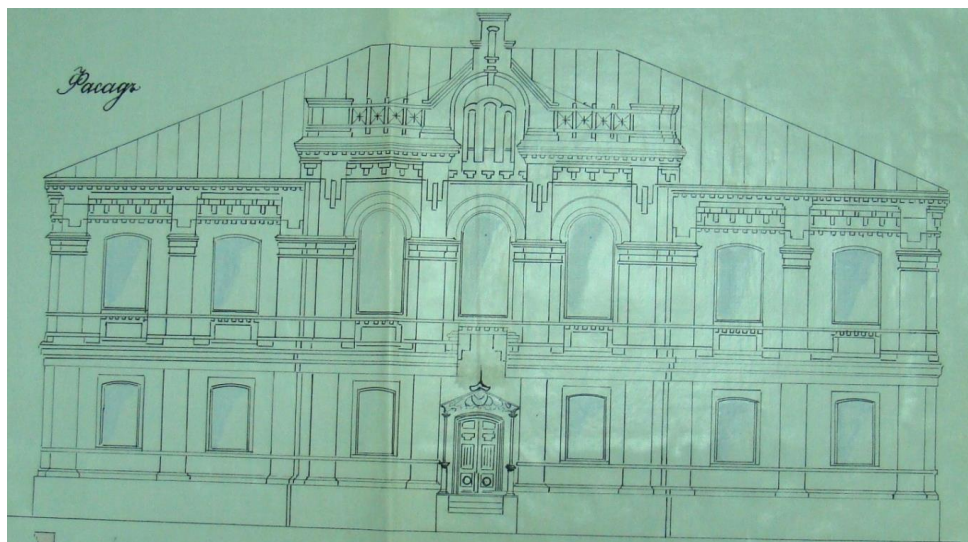

Рис. 6. Реальное училище в г. Слободской. Фасад. 1905 г. [17, л. 7].

Рис. 7. Реальное училище в г. Слободской Вятской губернии. Открытка нач. XX в. Из фондов отдела краеведческой литературы Государственной универсальной областной научной библиотеки им. А. И. Герцена (г. Киров).

Рис. 8. Г. Слободской, ул. Ленина, 69. Здание Реального училища. Фото Н. В. Рыжковой. 2011 г.

Рис. 9. Г. Слободской, ул. Ленина, 69. Здание Реального училища.
Фото Н. В. Рыжковой. 2011 г.

Список литературы

1. Борисова Е. А. Русская архитектура конца XIX – начала XX в. М. : Наука, 1971. 239 с.
2. Борисова Е. А. Русская архитектура второй половины XIX в. М. : Наука, 1979. 320 с.
3. Журнал Слободской городской думы. Слободской, 1904 г.
4. Кириченко Е. И. Русская архитектура 1830–1910 гг. М. : Искусство, 1982. 399 с.
5. Кириченко Е. И. Проблемы развития русской архитектуры середины XIX – начала XX вв. М. : Искусство, 1989. 60 с.
6. Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1905 г. / сост. под ред. Н. Спасского. Вятка : Изд. губерн. стат. ком., 1905.
7. Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1906 г. / сост. под ред. Н. Спасского. Вятка : Изд. губерн. стат. ком., 1906.
8. Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1907 г. / сост. под ред. Н. Спасского. Вятка : Изд. губерн. стат. ком., 1907.
9. Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1908 г. / сост. под ред. Н. Спасского. Вятка : Изд. губерн. стат. ком., 1908.
10. Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1909 г. / сост. под ред. Н. Спасского. Вятка : Изд. губерн. стат. ком., 1909.
11. Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1910 г. / сост. под ред. Н. Спасского. Вятка : Изд. губерн. стат. ком., 1910.
12. Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1911 г. / сост. под ред. Н. Спасского. Вятка : Изд. губерн. стат. ком., 1911.
13. Краткие очерки уездов Вятской губернии. Вып. 1. Уезды: 1. Слободской. 2. Глазовский. 3. Сарапульский и 4. Елабужский / сост. зав. зем. статистикой Вят. губ. Н. Романов. Вятка : Вят. губ. земство, 1875. 225 с.
14. Русское градостроительное искусство. Градостроительство России середины XIX – начала XX в. Кн. 1 / под общ. ред. Е. И. Кириченко. М. : Прогресс-Традиция, 2001. 340 с.
15. Русское градостроительное искусство. Градостроительство России середины XIX – начала XX в. Кн. 2 / под общ. ред. Е. И. Кириченко. М. : Прогресс-Традиция, 2003. 560 с.
16. ЦГАКО (Центральный государственный архив Кировской области). Ф. 205. Оп. 3. Д. 2731.
17. ЦГАКО. Ф. 583. Оп. 528. Д. 173.
18. ЦГАКО. Ф. 587. Оп. 7. Д. 69.
19. ЦГАКО. Ф. 587. Оп. 8. Д. 128.
20. ЦГАКО. Ф. 616. Оп. 5. Д. 89.
21. ЦГАКО. Ф. 881. Оп. 2. Д. 461.

Slobodskoy real college of the Russian governorate in the documents of the central state archives of the Kirov Oblast

N. V. Ryzhkova

PhD in Historical Sciences, associate professor of the Faculty of philosophy and the Faculty of Humanities and Social Sciences, Udmurt University. Russia, Izhevsk.

ORCID: 0000-0001-9179-9783. E-mail: nataly_izhevsk@mail.ru

Abstract. The relevance of the topic is due to the increased attention of modern society to the problems of preservation, reconstruction and rational use of objects of historical, cultural and architectural heritage of Russia. Of particular interest are the monuments of the Vyatka province of educational types of the XIX – early XX centuries. due to their little study. The Sloboda Real School is unexplored in this context.

The purpose of this study is to identify the historical and architectural features of the Slobodskoy Real School, founded in the early twentieth century in Slobodskoy, Vyatka province. The article discusses issues related to the identification of general trends in the emergence and development of real schools in the Russian Empire, identifies the factors that influenced the emergence and subsequent historical development of the Sloboda Real School, analyzes the features of its architectural appearance in the context of the evolution of architectural trends in Russia.

The article is based on the sources identified by the author – the documents of the Central State Archive of the Kirov region (Kirov), as well as the results of field research conducted by the author in 2011–2022. It is established that the appearance of a real school in Slobodskoy was very popular due to the extremely small number of educational institutions and the need for qualified personnel in the city. Its opening took place thanks to the perseverance and persistent versatile work of the founder of the City Duma, merchant M. P. Onchukov.

It is noted that from an architectural point of view, the school building does not contradict the existing artistic ideals of the era, but has its own characteristics – it is less voluminous, simple in composition and less representative compared to the capital buildings of a similar type.

It is a representative of the so-called "brick" style, which became widespread in the Vyatka province at the turn of the century due to its economy and rationality. Red-brick buildings in figured masonry, and now decorate many cities of the Vyatka province. The facts of the authorship of the building project are interesting and documented in the article.

Keywords: history, archive, college, province, architecture, building.

References

1. Borisova E. A. *Russkaya arhitektura konca XIX – nachala XX v.* [Russian architecture of the end of the XIX – the beginning XX century]. M. Nauka (Science). 1971. 239 p.
2. Borisova E. A. *Russkaya arhitektura vtoroj poloviny XIX v.* [Russian architecture of the second half of XIX]. M. Nauka (Science). 1979. 320 p.
3. *Zhurnal Slobodskoj gorodskoj dumy* – Journal of Slobodskoy Duma. Slobodskoy. 1904.
4. Kirichenko E. I. *Russkaya arhitektura 1830–1910 gg.* [Russian architecture 1830–1910]. M. Iskusstvo (Art). 1982. 399 p.
5. Kirichenko E. I. *Problemy razvitiya russkoj arhitektury serediny XIX – nachala XX vv.* [Problems of development of Russian architecture mid. XIX – beginning XX]. M. Iskusstvo (Art). 1989. 60 p.
6. *Pamyatnaya knizhka Vyatskoj gubernii i kalendar' na 1905 g.* – The commemorative book of the Vyatka province and the calendar for 1905 / comp. under the ed. of N. Spassky. Vyatka. Publishing house of the province stat. com. 1905.
7. *Pamyatnaya knizhka Vyatskoj gubernii i kalendar' na 1906 g.* – Commemorative book of Vyatka province and calendar for 1906 / comp. under the ed. of N. Spassky. Vyatka. Publishing house of the province stat. com. 1906.
8. *Pamyatnaya knizhka Vyatskoj gubernii i kalendar' na 1907 g.* – The commemorative book of the Vyatka province and the calendar for 1907 / comp. under the ed. of N. Spassky. Vyatka. Publishing house of the province stat. com. 1907.
9. *Pamyatnaya knizhka Vyatskoj gubernii i kalendar' na 1908 g.* – Commemorative book of Vyatka province and calendar for 1908 / comp. under the ed. of N. Spassky. Vyatka. Publishing house of the province stat. com. 1908.
10. *Pamyatnaya knizhka Vyatskoj gubernii i kalendar' na 1909 g.* – Commemorative book of Vyatka province and calendar for 1909 / comp. under the ed. of N. Spassky. Vyatka. Publishing house of the province stat. com. 1909.
11. *Pamyatnaya knizhka Vyatskoj gubernii i kalendar' na 1910 g.* – Commemorative book of Vyatka province and calendar for 1910 / comp. under the ed. of N. Spassky. Vyatka. Publishing house of the province stat. com. 1910.

12. *Pamyatnaya knizhka Vyatskoj gubernii i kalendar' na 1911 g.* – The commemorative book of the Vyatka province and the calendar for 1911 / comp. under the ed. of N. Spassky. Vyatka. Publishing house of the province stat. com. 1911.

13. *Kratkie ocherki uezdov Vyatskoj gubernii. Vyp. 1. Uezdy: 1. Slobodskoj. 2. Glazovskij. 3. Sarapul'skij i 4. Elabuzhskij* – Brief sketches of the counties of the Vyatka province. Is. 1. Counties: 1. Slobodskoy. 2. Glazovsky. 3. Sarapulsky and 4. Elabuga / comp. by the head of the land statistics of Vyatka province N. Romanov. Vyatka. Vyatka gubernia zemstvo. 1875. 225 p.

14. *Russkoe gradostroitel'noe iskusstvo. Gradostroitel'stvo Rossii serediny XIX – nachala XX v. Kn. 1* – Russian urban planning art. Urban planning of Russia in the middle of the XIX – early XX century. Book 1 / under the gen. ed. of E. I. Kirichenko. M. Progress-Tradition. 2001. 340 p.

15. *Russkoe gradostroitel'noe iskusstvo. Gradostroitel'stvo Rossii serediny XIX – nachala XX v. Kn. 2* – Russian urban planning art. Urban planning of Russia in the middle of the XIX – early XX century. Book 2 / under the gen. ed. of E. I. Kirichenko. M. Progress-Tradition. 2003. 560 p.

16. CSAKR (Central State Archive of the Kirov region). F. 205. Inv. 3. File 2731.

17. CSAKR. F. 583. Inv. 528. File 173.

18. CSAKR. F. 587. Inv. 7. File 69.

19. CSAKR. F. 587. Inv. 8. File 128.

20. CSAKR. F. 616. Inv. 5. File 89.

21. CSAKR. F. 881. Inv. 2. File 461.

«Украинофилы», «хлопоманы», «хохломаны»: русские мыслители в поисках понятия для иного украинского в середине XIX в.

Е. Р. Рачев

аспирант кафедры истории и археологии,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.
Россия, г. Пермь. E-mail: evgeny.rachev@gmail.com

Аннотация. В статье исследуется терминология русских публицистов, столкнувшихся с популяризацией украинофильских взглядов в отечественной периодической печати середины XIX в. Именно в это время гетерогенное украинофильское движение находит заметное общественное воплощение: от создания просветительских организаций (громад), до оформления собственного представительства в столичном печатном пространстве (журнал «Основа»). Непосредственным следствием ослабления цензуры оказалась возможность публичного рассуждения о самобытной культуре народов, населяющих окраины Российской империи. В отличие от прочих дискурсов украинизации включал в себя не только воспевание провинциального фольклора, но и постановку проблемы самостоятельности малорусского наречия. В совокупности с обострением национального вопроса на Юго-Западном крае Российской империи, образовавшегося вследствие польского восстания 1863 г., украинофильские романтические стремления вызвали сильную реакцию идеологических оппонентов.

Именно в это время консервативные мыслители формируют пул новых понятий, призванных упорядочить и объяснить активизировавшееся малорусское литературное движение. Однако не все исторические названия будут изобретены в ходе обоюдных пикировок писателей в «толстых» журналах и в бульварной прессе. Например, наиболее общий и часто употребляемый термин «украинофильство» впервые применялся еще жандармами III Отделения на допросах по делу о Кирилло-Мефодиевском обществе в 1847 г. Данное обстоятельство накладывает дополнительные коннотации понятия, в особенности, если принять во внимание долгожительское термина, занимающего центральное место в Эмском указе 1876 г. Другие наименования, используемые в отношении украинских мыслителей в изучаемый период, не ведут этимологию из государственных структур, но демонстрируют важные эмоциональные аспекты в восприятии малорусской самости.

Особое внимание в работе уделяется сопоставлению эго-документов, публичных текстов и правовых актов, благодаря которым устанавливается спектр значений, область применения и глубина изобретенных понятий.

Ключевые слова: украинофильство, хлопоманство, хохломанство, словообразование, периодическая печать, Н. И. Костомаров, П. А. Кулиш, М. Н. Катков.

XIX в. в истории запомнился возникновением многих культурных явлений, значительно разнообразивших интеллектуальное пространство человека. Появление новых форм досуга, расширение печатных границ, усложнение социальной структуры общества и прочие факторы послужили благоприятной средой для формирования широкого спектра идей, бросивших вызов устоявшимся стереотипам. Среди новых воззрений важное место занимал национализм. Российская империя столкнулась с ростом самосознания народов заметно позже европейских государств. За исключением событий «Ноябрьской ночи» 1830 г. российским идеологам не предоставилось повода для обсуждения «национального», традиционно вызывающего ассоциации с чем-то иностранным и крамольным. По замечанию А. И. Миллера: «Вытеснение из официального дискурса понятия нация было, прежде всего, вызвано его неразрывной связью с конституцией, национальным представительством и надсословностью» [10]. Поэтому в отечественной периодической печати получил распространение термин «народность», имеющий более умеренную тональность.

Польское восстание 1830 г. не пробудило серьезный интерес общественности к проблеме взаимоотношения народов в сложном организме империи. Скорее, внимание публицистов было сосредоточено на осознании дальнейших перспектив интеграции польского элемента в общеимперскую канву. Более глубокая рефлексия национального феномена пришла на середину XIX в., когда русские мыслители обнаружили на страницах столичных и провинциальных журналов

художественные произведения, знакомившие читателей с уникальной украинской культурой. Подобное проявление идентификации малороссов вызывало тревогу у других акторов, потому что ставило под сомнение трехчастную «конструкцию» русского народа, за которую ратовали сторонники теории «официальной народности». Столкнувшись с вызовом своим убеждениям, многие литераторы пытались выразить отношение к ревнителям украинской старины и породили массу неологизмов, составляющих предмет изучения настоящей статьи.

«Ревнители украинской старины», «собиратели фольклора», «летописцы и антиквары Малороссии» – часто встречающиеся наименования в литературе имперского времени, отражающие одну из сторон сложного гетерогенного явления. Тогда как более абстрактное понятие, которое уместило в себя труды промоутеров украинской самости, сформулировано только в середине XIX в. Причем авторство принадлежит не писателям или ученым, а сотрудникам тайного сыска, сообщающим о подозрительной деятельности так называемых «украинофилов» в материалах следствия о Кирилло-Мефодиевском обществе. Жандармы III Отделения провели масштабную работу по разоблачению литературного кружка, образовавшегося в 1846 г. при Императорском университете Святого Владимира. Анализируя старые прецеденты, полицейские квалифицировали взгляды молодых мыслителей как славянофильские с претензией на украинскую самостоятельность. Хранители правопорядка уловили тесную связь между двумя идейными течениями, чем и объясняется морфологическая схожесть изобретенного слова «украинофильство» с уже знакомым термином «славянофильство».

Ключевую роль в обличении участников Кирилло-Мефодиевского общества сыграл начальник штаба корпуса жандармов – Л. В. Дубельт, курирующий следствие в Киеве. Однако решающее слово в интерпретации творчества юных романтиков осталось за шефом жандармов А. Ф. Орловым. Установив родство воззрений, Орлов осуждал украинофилов в служебных записках к императору и стремился уберечь других мыслителей, находящихся в легальном поле. Он отмечал: «Для предупреждения вреда в этом случае надлежит действовать общими мерами, не отыскивая, кого бы обвинить или наказать, и не прибегая ни к каким строгостям лично против славянофилов, ибо нет причин предполагать, что они действуют злоумышленно, и притом доселе они действовали открыто, как бы с разрешения начальства» [13, с. 308].

Таким образом, лидеры украинского литературного «возрождения» не являлись самостоятельным субъектом национального дискурса до тех пор, пока не обернули идеи славянской взаимности в радикальную форму. Несмотря на «кабинетное» происхождение, термин «украинофильство» укоренился в кругу российских писателей и получил новое толкование во время правления Александра II, когда периодические издания наполнились работами реабилитированных членов Кирилло-Мефодиевского общества.

Возвращение опальных мыслителей заняло длительное время. Сначала любые упоминания в печати о тайной организации и ее членах старательно устранялись цензорами. Так, с запретами столкнулись все кирилломефодиевцы без исключения, в частности П. А. Кулиш в письмах М. Ф. Юзефовичу сетовал: «В статье Д. Костенецкого (№ 11 Москвитянина) напечатаны же слова: «Украина, сочинение П. К.». Пора, мне кажется, пробовать, справедлива ли пословица: «Не до поросят, когда свинью колют». Впрочем, не беда, если цензор и вычеркнет мое имя» [7, с. 312]. Опасения Кулиша были преждевременны, потому что наступала новая эпоха, когда политическая конъюнктура менялась и позволяла рассуждать на более скользкие темы. К тому же дискуссию об южнорусской истории разворачивали славянофилы, которые не занимали бескомпромиссной позиции по данному вопросу. Не случайно, они помещали украинофильские работы в журналах «Москвитянин» и «Русская беседа», оснащая их подробным анализом. Причем замечания славянофилов носили сдержанный и уважительный характер, базируясь на научной аргументации, в отличие от обструкции, последующей в 1860-е гг., когда «московские» одиозные писатели стремились найти эмоциональный отклик у преданных читателей. Именно в этом порыве публицисты достали с пыльной полки истории некогда подзабытое выражение «украинофильство» и придали ему новое значение.

Центральным объектом критики консервативных мыслителей стали авторы двуязычного журнала «Основа». Столичное издание вместило в себя 22 номера-рассуждения о прошлом, настоящем и будущем малороссийского края в произведениях Т. Г. Шевченко, Н. И. Костомарова, Кулиша и других представителей украинской интеллигенции. Без преувеличения можно сказать, что этот журнал привлек внимание и изменил представления российских литераторов об идентификационных потенциях южнорусской народности. Консолидированная позиция украинофилов впервые отчетливо прозвучала в отечественной периодической печати и получила полярные оценки.

Государственная пресса приветствовала коллег, признавая авторов «Основы» выразителями устремлений целого народа. На публицистов возлагались большие надежды и важная экспертная миссия: «... с другой стороны, «Основа» будет следить за современными явлениями в общественной жизни южно-русского края, указывать на светлые и темные ее стороны, на местные потребности, на способы к их удовлетворению и вообще – на развитие всего полезного, разумного и плодотворного, и на устранение всего вредного» [12, с. 50–51]. Вместе с тем в их восприятии резкая активность малорусских писателей оставалась локальным явлением, а сами мыслители не наделялись каким-либо нарицательным наименованием, что подчеркивает нейтральный статус украинофилов в общественном сознании в начале 1860-х гг.

Очередное польское восстание открыло 1863 г. и побудило российскую прессу к размышлениям о причинах национальных волнений на окраинах империи. Встречались разные мнения, но нашлись и специалисты, которые занялись поиском внутренних врагов. По этой причине одним из первых под удар попало движение, защищающее самобытность соседней народности в бастующем регионе. Особую пикантность обвинениям украинофилов придавала не только мнимая помощь польским мятежникам, но и стремление распространить религиозные сказания, написанные на малорусском наречии. Например, к 1862 г. относится попытка издания украинской интерпретации Библии в исполнении Ф. С. Морачевского, попадавшая под действия цензуры. Скрупулезный анализ этого запрета можно найти в 4-й главе фундаментальной монографии Миллера «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.)» [11, с. 96–115]. Запрещение перевода Священного Писания ознаменовало два важных состояния складывающегося отношения государственной власти к малорусским увлечениям:

с одной стороны, в пестрой империи колоссальное значение для самоидентификации подданных имела религиозная идентичность, которая нередко заменяла национальную по типу православный значит русский, поэтому трактовки в церковных текстах подвергались строгой государственной цензуре;

с другой стороны, вспоминая, каким образом доносились до крестьян и рядовых городских обывателей важнейшие государственные установления, наподобие высочайшего манифеста 19 февраля 1861 г., становится очевидным массовость аудитории христианских проповедей. В связи с этим ограничительные меры российского правительства имели цель сохранения маргинальности малорусской литературы.

Спустя год после недопущения к публикации украинской версии Библии Морачевского выходит циркуляр министра внутренних дел П. А. Валуева, закрепляющий главные государственные положения в отношении украинского языка: «... сделать по цензурному ведомству распоряжение, чтобы к печати дозволялись только такие произведения на этом языке, которые принадлежат к области изящной литературы; пропуском же книг на малороссийском языке как духовного содержания, так учебных и вообще назначаемых для первоначального чтения народа, приостановиться» [17, с. 304].

Инициаторов выпуска книг надзорные органы во всеуслышание еще не называли «украинофилами», но в служебной корреспонденции еще со времен кирилло-мефодиевской крамолы установились номенклатурные обозначения проявивших себя представителей общественной мысли. Главным отличием ситуации 1863 г. от сложившейся конъюнктуры «мрачного семилетия» являлась публичность украинских мыслителей, поэтому в печати последовали обоснования нашумевшего решения. Центральным оратором, транслирующим официальную позицию правительства, выступил М. Н. Катков в соавторстве с коллегами из консервативно-охранительного лагеря. Следствием этого стала информационная кампания против малорусских писателей, захватившая первые полосы в «Московских ведомостях» и «Дне».

Узловым понятием, с которым ознакомили читателей московские издания, оказалось витиеватое слово «украинофильство». Оно послужило стартовой вводной для объяснения сущности малорусского литературного «возрождения». Пик упоминаний «украинофильства» пришелся в период с июля по сентябрь 1863 г., совпавший с оглашением государственных распоряжений, ограничивающих выпуск произведений на малорусском наречии. С помощью саркастической интонации авторы политических заметок понижали уровень аргументации в дискуссии об уникальности украинского языка, демонстрируя абсурдность провинциальных симпатий к местным народностям. В преддверии принятия циркуляра Валуева Катков утверждал: «По украинским селам начали появляться, в бараньих шапках, усердные распространители малороссийской грамотности, и начали заводить малороссийские школы, в противность

усилиям местного духовенства, которое вместе с крестьянами не знало, как отбиться от этих непрошенных просветителей» [2, с. 327]. В риторике претенциозного писателя украинофильство превращалось в периферийное занятие книжников – некое романтическое чудачество, которое никогда не найдет отклика у простого народа. «Может быть, в скором времени к украинофилам присоединятся еще какие-нибудь филы», – язвительно отпускал Катков, тем самым развеивая притязания украинских мыслителей на идеологическую субъектность в Юго-Западном крае [3, с. 506].

В целом о какой субъектности может заходить речь, если украинофилов упоминали в печати только в связи с опасениями в их «одурманивании» и использовании польской национальной партией?

Здесь кроются истоки зарождения второго понятия, которым окрестили новое поколение южнорусских патриотов. Таковым стало слово «хлопоманство». Оно вошло в употребление в польской языковой среде в середине XIX в., задолго до революционных событий. Хлопоманами поляки называли молодых шляхтичей, обратившихся в поисках национального «духа» к культуре простого народа Западного края, весьма неоднородного по своей этнической принадлежности. Представители российской публицистики знали об этом явлении, анализировали его стороны и терминологию. «Да по правде сказать, едва ли у какого-нибудь другого славянского народа и могло создаться подобное презрительное слово: только высокошляхетные сарматы, в благородных сердцах которых и сам простолюдин, и его название, *chlór*, издавна вызывали чувство глубокого презрения, только – говорю – наши славные сарматы и могли быть творцами этого слова», – негодовали авторы «Вестника Юго-Западной и Западной России» в 1862 г. [16, с. 139–156].

Каково было удивление украинофилов, когда спустя несколько месяцев после данного разбора их начали ассоциировать с польским демократическим движением? Причем популяризацией термина «хлопоманство» занимались извечные оппоненты украинофилов в Малороссии – «Вестник Юго-Западной и Западной России», а массовое тиражирование производилось «Московскими ведомостями» осенью 1863 г. Еще недавно в полемике с теми же польскими публицистами приводились в качестве аргументации труды Костомарова и Кулиша – самых известных спикеров исторической науки Малороссии, а теперь в их произведениях прослеживают благоволение к хлопоманству. Подобные изменения характерны не только для российской бульварной прессы, склонной оперативно реагировать на внешние события, но и для толстых журналов, где критики претендовали на научность суждений. Лучше всего эту трансформацию зафиксировала редакционная коллегия журнала «Отечественные записки», перечислив расхожие мнения о начинаниях украинофилов в Малороссии. Нейтральная статья по своему содержанию оставила открытый финал украинского сюжета, воздержавшись от каких-либо оценок. Однако примечательна она другим обстоятельством: это одна из немногих работ, которая проводила разделение между украинофилами и хлопоманами. Например, писатели подчеркивали: «Такова политическая сторона обвинений, обрушенных на голову украинских хлопоманов, а вместе с ними и на наших известных малороссийских писателей» [1, с. 35].

С течением времени тонкая грань между самобытным литературным движением и народничеством, привнесенным извне, стирается в восприятии консервативных мыслителей, возглавляемых Катковым. Одновременно с этим в периодической печати набирает популярность термин «хлопоманство», призванный вывести воззрения южнорусской интеллигенции за пределы общеимперского контекста, то есть показать их скрытый сепаратистский потенциал. Такая лингвистическая рокировка приобретает дополнительные коннотации, если сопоставить этимологию навязанного названия с героями произведений украинофилов. Поскольку украинские романтики черпали вдохновение в казацких думах, сказках, былинах и прочих продуктах малорусского народного творчества, их исторические персонажи наделялись определенными чертами национального характера и, как правило, противостояли всему польскому. Например, репертуар Костомарова включил лирическую героиню Марину Лысенко в трагедии «Савва Чалый», Кулиш повествовал о полковнике Шраме в романе «Черная рада», а С. В. Руданский воспевал Павла Полуботка в одноименной поэме. Поэтому ассоциирование украинофилов с деятельностью хлопоманов преследовало цель разрушения представлений о патриотичности и демотичности подобных национальных воззрений.

Наиболее заметно это стремление проявляется к концу 1863 г., когда порицание украинофильства в работах Каткова обретает крайнюю форму. Именно тогда читателей «Московских ведомостей», «Русского вестника» и «Современной летописи» знакомят с понятием «хох-

ломанство». Так же, как и предыдущие названия, оно образовалось путем сложения слов с добавлением стандартного суффикса. Только в данном случае произошла замена основополагающего слова, которое уже имело устойчивые значения. В частности, толковый словарь живого великорусского языка предлагал следующие примеры применения: «Хохол глупее вороны, а хитрее черта. Хохол не соврет, да и правды не скажет. И по воду хохол, и по мякину хохол! Хохлацкий цеп на все стороны бьет (хохлы молотят через руку)» [15, с. 514]. Таким образом, в определении украинского литературного движения начали использоваться выражения, отсылающие к стереотипам, сформированным у потребителей на бытовом уровне. Соответственно воззвания к украинофилам стали носить не просто критический, а откровенно оскорбительный характер. «Так или иначе, но Украина самостоятельна быть не может, и хохломаны в руках новых своих друзей поляков разыгрывают роль той кошки, лапами которой обезьяна доставала горячие каштаны, – в сущности впрочем, ту же самую роль, какую разыгрывают и чиновники, любезничающие с изменниками», – выносил вердикт автор [4, с. 689]. Обструкция украинофилов недолго занимала мысли консервативных писателей, достигла кульминации в слове «хохломанство», отошла на второй план, а потом и совсем пропала со страниц газет и журналов к началу 1864 г.

Вопреки внешнему обращению украинофилы не применяли навязанные названия в общении между собой: в редкой переписке они стремились подчеркнуть свою сопричастность к малорусской культуре, но осторожно высказывались о своей национальной идентичности. Наиболее наглядно эта закономерность проявляется при сравнении позиционирования разных поколений украинофилов. Например, Кулиш в преддверии развития политического дела искренне вопрошал Костомарова: «Зачем вы говорите, что вы не украинец? Что только из гуманистической идеи вертитесь между нами? Мы даем вам право гражданства, притом же маменька ваша – украинка. Я не могу вас так любить, как люблю, когда считаю украинцем. Можно ли так отвергать столь драгоценное для нас имя?» [15, с. 269]. Тем не менее, как только дискурс украинизации выходит за рамки провинциального патриотизма, Костомаров совершенно иначе преподносит себя в письмах к единомышленникам. «Хотел было я перебраться на Украину, чтобы провести остаток дней в стране своей, текущей молоком и медом, но увы! – сильные мира сего, сидящие на седалищах власти, по наущениям суетлаголевых клеветников, не допустили меня. Я любил всю жизнь Украину, ее народ, ее язык, ее природу: за это меня следует лишить возможности дожить и умереть там», – сетовал публицист [6, с. 233–234].

Отчего произошли такие изменения во взглядах малорусского историка? Его малая родина, происхождение и воспитание остались прежними, в то время как украинское идейное течение стало сложнее, разнообразнее и престижнее. В пореформенной России бывшие маргиналы, подвергавшиеся преследованию, получили представительство в столичных изданиях, учредили и распространили по разным уголкам империи громады – воскресные школы, популяризирующие малорусскую культуру.

В текущей ситуации важной задачей идеологов украинской самости стала передача опыта следующей плеяде мыслителей, которая должна была привнести новое «дыхание» в национальное движение. Однако после «Январского восстания» 1863 г. украинофильство испытало сильное давление со стороны оппонентов из консервативно-охранительного лагеря. Развитие национальных воззрений малорусской интеллигенции проходило при значительных ограничениях в печати, поэтому центр украинофильской мысли сместился в г. Киев в лице резидентов «старой громады» В. Б. Антоновича, П. П. Чубинского и П. И. Житецкого, которые настаивали на суверенности малорусского наречия от других языков восточнославянской группы. В контексте усиливающихся подозрений в сепаратизме и непрекращающегося противостояния с польскими критиками участники громады оставляли без внимания свою национальную идентичность, но активно высказывались о будущем юго-западной окраины Российской империи. В эпистолярных источниках киевские писатели редко именовали себя «украинцами», «малороссами» и тем более «украинофилами», что не мешало им признаваться в любви заветному краю. Так, Чубинский в минуты гонений писал:

Вдали от родимой и милой Украины
Я должен томиться, исхода не зная.
Разбитое сердце болезненно стонет
И мысль застывает при звуке цепей...
И дни вереницею длинной проходят
Готов бы проститься я с жизнью моей [9, с. 141].

В результате за несколько десятилетий увлечение культурой Малороссии превратилось из периферийного романтического течения в политическую силу. Акторы, определяющие вектор развития дискурса украинизации, не разделяли официальной риторики в свой адрес и уклонялись от использования чуждой лексики по следующим основаниям.

Во-первых, украинофильство не обладало четкой структурой, олицетворяя собой локальные очаги симпатии к украинской самости. К слову, Миллер к таковым «очагам» относит польское, малорусское и великорусское направления, выделившиеся в середине XIX в. [11]. Казалось бы, отличным маркером для обозначения своей принадлежности могло быть единое языковое пространство. Однако разрозненные писатели не пришли к общему мнению, что привело к созданию собственных интерпретаций украинского языка в виде «кулешовки» и подобных фонетических прочтений малорусской словесности, противоречащих друг другу.

Во-вторых, украинофильство представлялось открытым сообществом, не предъявляющим строгих требований к новым авторам. Исходя из этого, любой литератор, сопереживающий южнорусскому народу, принимался в громадах и печатался в профильных изданиях до тех пор, пока распространение малорусского наречия не сдерживалось такими государственными предписаниями, как «Валуевский циркуляр» и Эмский указ. В результате образовывались неформальные группы деятелей, для которых обобщающие названия оказались не востребованными.

В-третьих, дискурсивная стратегия украинофилов не предполагала серьезного дистанцирования от читательской аудитории, поэтому в пафосном синтезирующем термине, объясняющим сущность творческого объединения украинской интеллигенции, не было надобности. Показательным примером обратной связи украинофильской аудитории может служить прошение Г. К. Костарева, опубликованное в 1861 г. в «Журнале Министерства народного просвещения», в частности, автор сообщал следующее: «Малороссия и Киевская губерния ждут азбучек и других учебников на местном языке; по-моему, эти пособия быстро бы двинули нашу грамотность, потому что легче развивать понятия и учить всякого на местном наречии; подучившись, легко будет освоиться и с великорусским языком, что непременно и последовало бы. В этом случае здесь крепкую надежду возлагают на известных писателей и знатоков малороссийского языка, гг. Костомарова и Кулиша, что они непременно позаботятся о нас» [14, с. 89]. Пожалуй, это лучшая характеристика вклада украинских просветителей в образование простого народа.

В-четвертых, стараниями консервативных мыслителей в российских «толстых» журналах и ежедневных газетах сложились устойчивые коннотации слова «украинофильство», поэтому малорусская интеллигенция сторонилась этого термина, перегруженного неоднозначными смыслами. Тем не менее, когда случалась необходимость публичного заявления – своеобразного послания, направленного московским критикам, в украинских изданиях появлялись статьи с подобными заголовками: «Что такое украинофильство?», «Задачи украинофильства», «Украинофилам», «Об украинофилах и украинофильстве», что свидетельствует о взаимном глубоком понимании природы вычурного понятия.

Подводя итоги, необходимо отметить некоторые важные тенденции, обнаружившиеся при определении иного украинского в изучаемый период.

1. Приведенные в данной статье термины получили распространение в периодической печати Российской империи на короткий срок. Вопреки расхожему мнению активность употребления новых наименований в отношении украинского литературного «возрождения» пришлась не на время существования двуязычного журнала «Основа», не в горячие фазы польского восстания, а на время подготовки, обнародования и первичной рецепции циркуляра Валуева.

2. Рефлексия, выраженная в конструировании специальной терминологии, отразилась в публикациях консервативных мыслителей, настроенных против самобытных устремлений украинофилов. Именно с этим связан выбор выражений с негативной окраской.

3. Порядок включения в оборот новых названий демонстрирует не только повышенное внимание к провинциальному движению, но и значительное изменение в его восприятии: от регионального чудачества к самостоятельному субъекту национального дискурса.

4. При сравнении эго-документов и публичных текстов украинофилов и их противников прослеживается недолговечность и ограниченность изобретенных наименований, имеющих прикладное значение для использования в конкретное время.

5. «Украинофильство», «хлопоманство» и «хохломанство» являются искусственно введенными словами, а не полноценными понятиями. Согласно Р. Козеллеку, «понятие же, напротив, должно сохранять свою многозначность, ибо иначе оно не сможет оставаться понятием» [5, с. 108]. В случае с употреблением изучаемых слов, авторами не ставилась задача раскрытия глубокого социального, культурного, национального контекстов и любого другого эмпириче-

ского наполнения, поэтому названия не выдержали проверку временем и остались на задворках бульварной прессы. Закрепощенные в своей форме, они так и не вышли за пределы узкого спектра оскорбительных значений. Небольшим исключением оказалось слово «украинофильство», приобретающее актуализацию исключительно в исследовательских работах в качестве обобщающего термина для изображения общественно-литературного движения Малороссии.

Список литературы

1. Вопрос об украинофилах и подробное изложение всего, что сказано было против и за них // Отечественные записки. 1863. Т. 149. № 7. Раздел «Современная хроника России». С. 29–42.
2. Катков М. Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1863 г. // Московские ведомости. М. : Издание С. П. Катковой, 21 июня 1897. № 136. С. 326–330.
3. Катков М. Н. Московские передовых статей Московских ведомостей. 1863 г. М. : Издание С. П. Катковой, 3 сентября 1897. № 191. Собр. 506. С. 503.
4. Катков М. Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1863 г. // Московские ведомости. М. : Издание С. П. Катковой, 19 ноября 1897. № 253. С. 689–691.
5. Козеллек Р. Теория и метод определения исторического времени // Логос. 2004. № 5 (44). С. 97–130.
6. Костомаров Н. И. Письмо Н. И. Костомарова к М. А. Максимовичу (1864). Материалы для биографии Н. И. Костомарова // Киевская старина. 1907. № 11. С. 225–274.
7. Кулиш П. А. Письма П. А. Кулиша к М. Ф. Юзефовичу // Киевская старина. Февраль, 1899. Т. 64. С. 303–324.
8. Кулиш П. О. Лист П. О. Кулиша до М. І. Костомарова про надіслання йому виписок з «Літопису величка», праці про хмельницького і повідомлення про закінчення другого тому «Чорної ради» // Кирило-Мефодіївське товариство : У 3 т. Т. 1 / АН УРСР. Археограф, комісія та ін.: упоряд. М. І. Бутич, І. І. Глизь, О. О. Франко; редкол.: П. С. Сохань. К. : Наук, думка. 1990. С. 269.
9. Листи П. П. Чубинського до Я. П. Полонського (1860–1874) // За сто літ. Матеріали з громадського й літературного життя України XIX і початків XX ст. 1930. Кн. 6. С. 134–144.
10. Миллер А. И. История понятия «нация» в России // Отечественные записки. 2012. № 1 (46). URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2012/1/istoriya-ponyatiya-nacziya-v-rossii.html> (дата обращения: 22.05.2022).
11. Миллер А. И. Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб. : Алетейя, 2000. 260 с.
12. Об издании южно-русского литературно-ученого вестника «Основа» // Журнал Министерства народного просвещения. 1860. Т. 108. Отд. IV. С. 49–52.
13. Орлов О. Ф. Проект доповіді О. Ф. Орлова Миколі І про славянофілів // Кирило-Мефодіївське товариство : У 3 т. Т. 3 / АН УРСР. Археограф, комісія та ін.: упоряд. М. І. Бутич, І. І. Глизь, О. О. Франко; редкол.: П. С. Сохань. К. : Наук, думка. 1990. С. 306–308.
14. Распространение грамотности в Киевской губернии // Журнал Министерства народного просвещения. 1861. Т. 111. Отд. IV. С. 87–89.
15. Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля. Ч. 4. Р – V. М. : Типография Т. Рис, у Мясницких ворот. Дом Воейкова № 2. 1866. 626 с.
16. Что такое хлопомания и кто такие хлопоманы? // Вестник Юго-Западной и Западной России. 1862. Т. 2. Отд. IV. С. 139–156.
17. Циркуляр министра внутренних дел П. А. Валуева Киевскому, Московскому и Петербургскому цензурным комитетам от 18 июля 1863 г. // Эпоха цензурных реформ 1859–1865 гг. / М. К. Лемке. СПб. : Герольд, 1904. С. 302–304.

"Ukrainophiles", "khlopomans", "khokhlomans": Russian thinkers in search of a concept for a different Ukrainian in the middle of the XIX century

E. R. Rachev

postgraduate student of the Department of History and Archeology, Perm State National Research University.
Russia, Perm. E-mail: evgeny.rachev@gmail.com

Abstract. The article examines the terminology of Russian publicists who faced the popularization of Ukrainophile views in the domestic periodical press of the mid-XIX century. It was at this time that the heterogeneous Ukrainophile movement finds a noticeable social embodiment: from the creation of educational organizations (communities), to the registration of its own representation in the capital's print space (the magazine "Basis"). The immediate consequence of the weakening of censorship was the possibility of public discussion

about the distinctive culture of the peoples inhabiting the outskirts of the Russian Empire. Unlike others, the discourse of Ukrainization included not only the glorification of provincial folklore, but also the formulation of the problem of the independence of the Little Russian dialect. Together with the aggravation of the national question in the Southwestern edge of the Russian Empire, formed as a result of the Polish uprising of 1863, Ukrainophile romantic aspirations caused a strong reaction of ideological opponents.

It was at this time that conservative thinkers formed a pool of new concepts designed to streamline and explain the intensified Little Russian literary movement. However, not all historical names will be invented during mutual pickings of writers in "thick" magazines and in the tabloid press. For example, the most common and frequently used term "Ukrainophilism" was first used by the gendarmes of the III Department during interrogations in the case of the Cyril and Methodius Society in 1847. This circumstance imposes additional connotations of the concept, especially if we take into account the longevity of the term, which occupies a central place in the Presidential Decree of 1876. Other names used in relation to Ukrainian thinkers during the studied period do not lead to etymology from state structures, but demonstrate important emotional aspects in the perception of the Little Russian self.

Special attention is paid to the comparison of ego documents, public texts and legal acts, thanks to which the range of meanings, scope and depth of the invented concepts are established.

Keywords: Ukrainophilism, Khlopomanism, Khokhlomanism, word formation, periodical press, N. I. Kostomarov, P. A. Kulish, M. N. Katkov.

References

1. *Vopros ob ukrainofilah i podrobnoe izlozhenie vsego, chto skazano bylo protiv i za nih* – The question of Ukrainophiles and a detailed statement of everything that was said against and for them // *Otechestvennye zapiski* – Domestic notes. 1863. Vol. 149. No. 7. Section "Modern Chronicle of Russia". Pp. 29–42.
2. *Katkov M. N. Sobranie peredovyh statej Moskovskih vedomostej. 1863 g.* [Collection of leading articles of the Moscow gazette. 1863] // *Moskovskie vedomosti* – Moscow gazette. M. Ed. by S. P. Katkova, June 21, 1897. No. 136. Pp. 326–330.
3. *Katkov M. N. Moskovskie peredovyh statej Moskovskih vedomostej. 1863 g.* [Moscow advanced articles of the Moscow gazette. 1863.] M. Ed. by S. P. Katkova, September 3, 1897. No. 191. Collection. 506. P. 503.
4. *Katkov M. N. Sobranie peredovyh statej Moskovskih vedomostej. 1863 g.* [Collection of leading articles of the Moscow gazette. 1863] // *Moskovskie vedomosti* – Moscow gazette. M. Ed. by S. P. Katkova, November 19, 1897. No. 253. Pp. 689–691.
5. *Kozellek R. Teoriya i metod opredeleniya istoricheskogo vremeni* [Theory and method of determining historical time] // *Logos* – Logos. 2004. No. 5 (44). Pp. 97–130.
6. *Kostomarov N. I. Pis'mo N. I. Kostomarova k M. A. Maksimovichu (1864). Materialy dlya biografii N. I. Kostomarova* [Letter of N. I. Kostomarov to M. A. Maksimovich (1864). Materials for the biography of N. I. Kostomarov] // *Kievskaya starina* – Kiev antiquity. 1907. No. 11. Pp. 225–274.
7. *Kulish P. A. Pis'ma P. A. Kulisha k M. F. Yuzefovichu* [Letters of P. A. Kulish to M. F. Yuzefovich] // *Kievskaya starina* – Kiev antiquity. February, 1899. Vol. 64. Pp. 303–324.
8. *Kulish P. A. Pis'mo P. A. Kulisha k N. I. Kostomarovu ob otpravke emu vypisok iz "Letopisi Velichka", truda o Hmel'nickom i soobshcheniya ob okonchani vtorogo toma "Chyornoj Rady"* [P. A. Kulish's letter to N. I. Kostomarov about sending him extracts from the "Chronicle of Velichka", the work about Khmel'nitsky and the message about the end of the second volume of the "Black Rada"] // *Kirillo-Mefodievskoe obshchestvo: V 3 t. T. 1* – Cyril and Methodius Society: In 3 vols. Vol. 1 / AS of the Ukrainian SSR. Archeographer, commission, etc.: comp. M. I. Butich, I. I. Gliz, A. A. Franko; ed. board: P. S. Sohan. K. Nauchnaya Mysl' (Scientific Thought). 1990. P. 269.
9. *Pis'ma P. P. Chubinskogo k Ya. P. Polonskomu (1860–1874)* – Letters of P. P. Chubinsky to J. P. Polonsky (1860–1874) // *Sto let. Materialy po obshchestvennoj i literaturnoj zhizni Ukrainy XIX – nachala XX vv. 1930* – A hundred years. Materials on the social and literary life of Ukraine of the XIX – early XX centuries. 1930. Book 6. Pp. 134–144.
10. *Miller A. I. Istoriya ponyatiya "naciya" v Rossii* [The history of the concept of "nation" in Russia] // *Otechestvennye zapiski* – Domestic notes. 2012. No. 1 (46). Available at: <https://magazines.gorky.media/oz/2012/1/istoriya-ponyatiya-nacziya-v-rossii.html> (date accessed: 22.05.2022).
11. *Miller A. I. Ukrainskij vopros v politike vlastej i ruskom obshchestvennom mnenii (vtoraya polovina XIX v.)* [The Ukrainian question in the policy of the authorities and Russian public opinion (the second half of the XIX century)]. SPb. Alethea. 2000. 260 p.
12. *Ob izdanii yuzhno-russkogo literaturno-uchenogo vestnika "Osnova"* – On the publication of the South Russian literary and scientific bulletin "Osnova" // *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* – Journal of the Ministry of Public Education. 1860. Vol. 108. Ed. IV. Pp. 49–52.
13. *Orlov O. F. Proekt doklada O. F. Orlova Nikolayu I o slavyanofilah* [Draft report of O. F. Orlov to Nicholas I on Slavophiles] // In 3 vols. Vol. 3 / Academy of Sciences of the Ukrainian SSR. Archeographer, commission, etc.: comp. M. I. Butich, I. I. Gliz, A. A. Franko; ed. board: P. S. Sohan. K. Nauchnaya Mysl' (Scientific Thought). 1990. Pp. 306–308.

14. *Rasprostranenie gramotnosti v Kievskoj gubernii* – The spread of literacy in the Kiev province // *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* – Journal of the Ministry of Public Education. 1861. Vol. 111. Ed. IV. Pp. 87–89.

15. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka V. I. Dal'a* – Explanatory dictionary of the living Great Russian language V. I. Dal. Part 4. R – V. M. Printing house T. Rice, at the Myasnitsky gate. Voeykov House. No. 2. 1866. 626 p.

16. *Chto takoe hlopomaniya i kto takie hlopomany?* – What is cotton mania and who are cotton lovers? // *Vestnik Yugo-Zapadnoj i Zapadnoj Rossii* – Herald of South-Western and Western Russia. 1862. Vol. 2. Ed. IV. Pp. 139–156.

17. *Cirkulyar ministra vnutrennih del P. A. Valueva Kievskomu, Moskovskomu i Peterburgskomu cenzurnym komitetam ot 18 iyulya 1863 g.* – Circular of the Minister of Internal Affairs P. A. Valuev to the Kiev, Moscow and St. Petersburg Censorship Committees of July 18, 1863 // *Epoha cenzurnyh reform 1859–1865 gg.* – The era of censorship reforms of 1859–1865 / M. K. Lemke. SPb. Typo-lithography "Vestnik" ("Herald"). 1904. Pp. 302–304.

УДК 947(470.342)"1904-1905"

DOI: 10.25730/VSU.2070.22.038

Благотворительная деятельность населения Вятской губернии в период русско-японской войны 1904–1905 гг.

Н. Л. Рыжов

аспирант кафедры истории и политических наук, Вятский государственный университет. Россия, г. Киров.
ORCID: 0000-0003-3097-4845. SPIN-код: 9762-2168. AuthorID: 1111263. E-mail: usr21633@vyatsu.ru

Аннотация. Актуальность данной статьи обусловлена возросшим интересом к жизни российской провинции позднеимперского периода. До настоящего времени слабо изучена жизнь провинциального общества в период русско-японской войны 1904–1905 гг., а также различные аспекты благотворительной деятельности и оказания помощи армии. Цель работы – проанализировать благотворительную деятельность вятчан в период русско-японской войны 1904–1905 гг.

Реализация исследовательских задач была достигнута на основе использования материалов, извлеченных из фондов Центрального государственного архива Кировской области и региональных периодических изданий начала XX в. Особое место занимает популярное провинциальное издание конца XIX – начала XX в. «Приложение к Вятским губернским ведомостям».

Рассмотрены основные направления благотворительной деятельности жителей Вятского края в период русско-японской войны 1904–1905 гг. Освещены общественные настроения провинциального общества во время войны. Особое внимание уделено анализу деятельности Вятского дамского кружка, который оказывал наиболее существенную поддержку российским солдатам и их семьям.

Изучение благотворительной деятельности жителей региона позволяет выявить формы и масштабы помощи вятчан действующей армии в 1904–1905 гг. Кроме того, это дает возможность проследить эволюцию общественных настроений в годы русско-японской войны. Наконец, изучение благотворительности помогает выявить механизмы формирования гражданского общества в дореволюционной России.

Ключевые слова: Вятка, благотворительность, пожертвования, Вятский дамский кружок, купечество.

27 января 1904 г. в г. Вятку поступило телеграфное сообщение, известившее о начале войны с Японией. Это известие привело к резкому росту патриотических настроений: местные жители записывались добровольцами в действующую армию, содействовали медицинским учреждениям и пр. Массовый патриотизм наглядно проявился в сборе пожертвований для армии и флота, а также в оказании помощи инвалидам войны, сиротам и вдовам.

Современник событий отмечал в прессе: «Чье русское сердце не сжалось тоской при чтении той роковой телеграммы, которая возвестила миру о нарушении мира!.. Каждый русский человек глубоко чувствует это оскорбление, этот вызов, сделанный дорогой родине... И наши мысли и наши чувства там, на дальней окраине – там, где уже льется русская кровь... Эта кровь льется за нас всех, за наши интересы, за нашу честь, за достоинство нашей оскорбленной родины... Объединимся же в этом патриотическом чувстве, забудем мелкие интересы; пусть знают наши враги, что не перестало биться русское сердце горячею любовью к отчизне – пусть знают наши герои, которые бьются за нас, что мы душою и сердцем с ними, и что мы готовы принести свои силы, свое достояние, а если потребуют того обстоятельства, и нашу жизнь на алтарь Отечества!.. Заявим свое патриотическое чувство все, кто может, открыто фактическими добровольными жертвами на военные надобности! Пусть не велики будут эти жертвы количеством, но они будут велики своим нравственным значением!..» [48].

30 января 1904 г. в Троицком кафедральном соборе г. Вятки обнародовали манифест о начале войны с Японией. Затем произошло молебствие о даровании победы над врагом [21].

Вскоре после начала войны в г. Вятке был сформирован санитарный отряд из местных врачей, санитаров и сестер милосердия. 26 марта 1904 г. отряд был отправлен в город Средтенск (Забайкалье), находившийся вблизи Манчжурии. Вместе с тем поступило огромное количество пожертвований как денежных, так и натуральных (продукты питания, медикаменты, теплые вещи), отправленных вместе с отрядом по маршруту Челябинск – Иркутск – Средтенск – Харбин [15]. Вятские сестры милосердия помогли вернуть в строй тысячи раненых и

больных солдат, которые в свою очередь отправляли письма благодарности своим спасительницам.

Значительный приток раненых потребовал открытия госпиталя и в самой Вятке, однако для этого требовалось просторное помещение. Решить данную проблему помог вятский купец П. К. Клепиков, передавший медикам свой дом, располагавшийся на Казанской улице. Более того, он ассигновал 1000 руб. для ремонта и оснащения данного помещения. За этот поступок вдовствующая императрица Мария Федоровна, являвшаяся покровительницей Российского общества Красного Креста, объявила П. К. Клепикову благодарность [3].

Вскоре его примеру последовал известный вятский купец польского происхождения С. О. Якубовский, переоборудовавший под лазарет свой дом [27], который 7 ноября 1904 г. освятило местное духовенство [26]. За весь период функционирования госпиталя лечение здесь прошли 210 больных. В случае необходимости больным выдавали валенки, полушубки и другие вещи, которые жертвовали жители Вятской губернии.

Помимо оказания помощи раненым воинам, вятские предприниматели собирали средства для усиления русского флота. В феврале 1904 г. братья Илья, Федор, Парфен и Иван Вахрушевы ассигновали 1000 руб. военно-морскому флоту [1]. За этот поступок они были удостоены Высочайшей благодарности. В «Вятских губернских ведомостях» отмечалось: «Небывалый подъем патриотических чувств охватил все слои населения нашей необъятной Родины. Пожертвования на военные нужды, флот, Красный Крест и для помощи семействам запасных чинов, призванных на военную службу, льются широкой рекой. Каждый жертвует, что может: деньгами, одеждой, провизией и т. п. Такой подъем патриотического чувства с самого начала войны проявляется и в нашей Вятской губернии. Города и земства созывают экстренные собрания и ассигнуют более или менее значительные суммы на военные нужды. Сельские общества, заводские рабочие и служащий люд также несут на это дело свою лепту. В последнее время главным образом пожертвования предназначаются на усиление военного флота. Некоторые города России собирают пожертвования на постройку военных судов, носящих название их города» [16].

Жители Вятской губернии собирали денежные средства на постройку миноносца «Вятка», который должен был усилить 1-ю Тихоокеанскую эскадру [16; 22]. Деятельное участие в этом мероприятии приняли вятские предприниматели [20].

Активные боевые действия на Дальнем Востоке не только способствовали росту патриотических настроений в обществе, но и резко усилили интерес к району проведения военной кампании [51; 53]. Очевидец событий писал: «Читальня при народном доме попечительства о народной трезвости чрезвычайно охотно посещается простым людом. По воскресным и торговым дням посетителей из города в ней бывает так много, что недостает всем места за большим столом, и многие читают газеты или рассматривают иллюстрированные издания стоя. Особенно, конечно, интересуют посетителя военные события. Около карты Дальнего Востока, висящей на сцене читальни, можно бывает видеть всегда несколько человек, рассматривающих театр военных действий, причем обыкновенно один, более грамотный, указывает на карте пункты сосредоточения войск и военных действий» [58].

Особый интерес вызывала информация о нашем противнике – Японии, о которой жители российской провинции практически ничего не знали. 29 февраля 1904 г. Н. Г. Гусев прочитал в народном доме лекцию «О Японии и японцах», сопровождавшуюся иллюстрацией световых картин. Участниками данного мероприятия стали более 500 жителей губернского центра [10].

К сожалению, рост патриотизма сопровождался и проявлениями ксенофобии. В июне 1905 г., во время ярмарки по случаю прихода чудотворных икон, произошла драма: «По селу ходил персиянин и играл в бубен, чем и зарабатывал себе на пропитание. И вот двум выпившим крестьянам показалось, что это японец. Они сейчас же окружили его и принялись бить: один – палкой, а другой – кулаками. К счастью, вовремя подошли блюстители порядка, которым и удалось спасти избитого и окровавленного персиянина. Потерпевшего отправили в больницу» [50]. Подобные инциденты свидетельствуют не только о проявлениях национализма у отдельных представителей провинциального общества, но и явной нехватке информации о нашем противнике.

Вятские газеты с первых дней войны отмечали стремление земляков всеми силами помочь действующей армии. «Готовность жертвовать на нужды больных и раненых воинов широко охватила все слои русского общества», – указывалось на страницах «Вятских губернских

ведомостей» [28]. Подобные настроения отвечали запросам самой армии, которая нуждалась в теплых вещах (полушубки, валенки и т. п.), продуктах длительного хранения (консервы, чай, сахар, сгущенное и стерилизованное молоко и т. п.), а также в различных медицинских средствах [28].

Существенную помощь в сборе подобных вещей оказали вятские предприниматели. В основном они жертвовали ту продукцию, которую сами производили. Так, весной 1904 г. фабрикант И. И. Сапожников пожертвовал 50 ящиков спичек, а владелец колбасного завода А. Е. Боков 5 шт. окороков и 2 пуда копченой колбасы [44].

Не только пуля или снаряд могли стать причиной смерти солдата, но и холод. Чтобы бойцы не замерзали, в феврале 1904 г. купец А. Г. Миронов отправил на фронт 100 полушубков и 120 пар валенок [32]. Его примеру последовали другие известные предприниматели региона: К. И. Клепиков послал в действующую армию валенки и черные бурки [45], а заводо-владелец Д. И. Первушин – 100 полушубков и 100 пар валенок [52, с. 205].

Губернская власть приняла деятельное участие в оказании помощи пострадавшим от войны. Вятский губернатор П. Ф. Хомутов учредил именную стипендию для самых бедных учеников Вятской мужской гимназии, лишившихся родителей во время войны с Японией.

Довольно необычное пожертвование сделал столяр Семен Антонович Прозоров. Он бесплатно соорудил для местного лазарета Красного Креста операционный стол, две кушетки, штатив для эсмарховских кружек и носилки [42].

При образовательных учреждениях отрывались швейные мастерские, шившие белье и перевязочные материалы раненым и больным воинам. К примеру, подобная мастерская функционировала при Уржумской женской гимназии [29].

Среди прочих необычных пожертвований можно встретить дар отставного военного А. А. Кудрявцева, происходившего из крестьян Слободского уезда. Он пожертвовал двенадцать комплектов военно-морского обмундирования, приобретенных на собственные средства. В дарственной даритель указал, что офицерский мундир должен быть вручен раненому офицеру, защищавшему Порт-Артур, а остальные вещи морским нижним чинам [38].

Солдаты на доброту вятчан отвечали искренней благодарностью [2; 4; 39]. Так, младший унтер-офицер 4-й роты 37-го Восточно-Сибирского запасного батальона Г. Е. Воронов писал: «Имеем честь кланяться Вашему Превосходительству и желаем Вам всех благ и счастья, и благодарим Вас от души за ваши труды и заботы, также благодарим вятский Дамский кружок за подарки и заботы для запасных нижних чинов, выбывших из Вятки на Дальний Восток... В особенности благодарим вятского купца Козьму Игнатьевича Лаптева, который принимал всякого солдата, как свое дитя, и жертвовал нам от всей души. Еще благодарим нашего хозяина Василия Михайловича Хлебникова, также и его супругу Надежду Лаврентьевну за их подарки, труды и заботы. Весьма мы ими довольны, и благодарим за квартиру и за все доброе. Будем за Вас молить Бога о счастье и благополучии. Вы много заботились об нас, как родители о детях, пеклись о нас. Очень мы были довольны Вами. Известный вам доброжелатель, 4 роты младший унтер-офицер Г. Е. Воронов» [5].

Кроме того, в регионе достаточно часто проводились благотворительные спектакли и лотереи, средства от которых шли на нужды армии и флота [8; 9; 19; 32]. 6 февраля 1904 г. в Елабужском городском театре состоялся спектакль, часть средств от которого (10 руб. 80 коп.) направили семьям военных моряков [8].

7 февраля 1904 г. П. Ф. Александров и Б. И. Садовский устроили благотворительный спектакль. Благодаря купеческим женам Н. В. Тырышкиной и Н. А. Лаптевой в фойе вятского театра устроили буфет и все собранные деньги (779 руб. 92 коп.) передали в Вятское управление Красного Креста. Козьма Игнатьевич Лаптев в своем киоске продавал шампанское, и вырученные денежные средства отправили в фонд Красного Креста [32].

Подобная практика благотворительных спектаклей продолжалась в феврале [34], марте [35] того же года.

Весной 1904 г. в Вятке дали концерт артисты Московского театра Солодовникова Е. П. Крылова и Н. В. Соколов [18]. Вырученные средства (226 руб. 7 коп.) были переданы в фонд Вятского дамского кружка для помощи семьям воинов уроженцев Вятской губернии, находящихся в действующей армии на Дальнем Востоке [33].

31 марта 1904 г. вблизи Порт-Артура на японской mine подорвался и затонул броненосец «Петропавловск». В результате погибло свыше 650 чел., в том числе вице-адмирал С. О. Макаров и выдающийся русский художник-баталист В. В. Верещагин. Весть о случившейся-

ся беде донеслась до Вятки. Люди не остались равнодушными. В Троицком кафедральном соборе по погибшим была совершена панихида [36].

В других точках Вятской губернии также осуществили панихиду. Обыватель с. Святица Глазовского уезда отмечал: «Грустная весть о гибели вице-адмирала Макарова достигла и нашей глуши. Все, как громом, были поражены этой печальной вестью» [49].

В апреле 1904 г. в Яранске был показан любительский спектакль. Собранные 96 руб. 55 коп. направили семьям погибших на броненосце «Петропавловск» [9].

Особого внимания заслуживает деятельность Вятского дамского кружка. Данный кружок был образован 8 апреля 1904 г. с целью «сбора пожертвований и содействия личным трудом по изготовлению предметов солдатского обихода для оказания помощи больным и раненым воинам, находящимся в военных госпиталях и лазаретах действующей армии» [54, л. 1]. Дамские кружки обеспечивали армию денежными средствами, нужными вещами: одеждой, бельем и обувью – заботились о раненых солдатах и их семьях [24; 25].

Денежные средства кружка состояли из членских взносов и пожертвований населения. Они распределялись в пропорции: 60 % средств направлялись семьям воинов-уроженцев Вятской губернии, 20 % – больным и раненым, находившимся в военных госпиталях, 20 % – на снабжение воинов предметами солдатского обихода [54, л. 2].

Пособия семьям вятских воинов выдавались одновременно, их размер варьировался от 2 до 20 руб. на семью. В исключительных случаях пособия выдавались и более значительными суммами [54, л. 40 об.]. Так, весной 1904 г. Вятский дамский кружок выделил солдатской вдове Дарье Протасовой 35 руб. на ремонт дома [54, л. 25]. Женщина, потеряв мужа, оказалась в крайне бедственном положении и не могла самостоятельно починить рухнувшую крышу.

За год было выдано нуждающимся семьям пособий на сумму 3459 руб. 2279 руб. 50 коп. от данной суммы было выделено нуждающимся Котельничского уезда [55, л. 29].

Таблица 1

Выданные пособия распределяются по уездам: [55, л. 29]

[Уезды]	Поступило ходатайство	Назначено	Сумма	Отказано ходатайство
Вятскому	25	10	54 руб.	12
Глазовскому	37	20	149 руб.	17
Елабужскому	34	2	25 руб.	3
Котельничскому	853	375	2279 руб. 50 коп.	337
Малмыжскому	18	6	80 руб.	4
Нолинскому	54	23	169 руб.	13
Орловскому	32	14	68 руб.	13
Сарапульскому	29	13	113 руб.	6
Слободскому	11	6	72 руб. 50 коп.	4
Уржумскому	123	22	165 руб.	11
Яранскому	71	42	284 руб.	10
Итого	1287	533	3459 руб.	430

За первый месяц существования кружка удалось собрать 880 руб. 73 коп. [31]. В период с 8 апреля по 8 октября 1904 г. в Вятский дамский кружок поступило денежных пожертвований на сумму 8081 руб. 75 коп. [54, л. 39]. Кроме того, были сделаны пожертвования вещами: холста – 25 926 ½ арш., полотна – 2 куска, ситца – 30 арш., бумази – 1 кусок, рубашек – 74 шт., кальсон – 85 пар, портянок – 57 пуд., носков – 4 пуд., полотенец – 68 шт., наволочек – 8 шт., простыней – 2 шт., носовых платков – 71 шт., головных платков – 3 шт., мыла – 1028 кусков, чаю – 5 3/8 ф., сахару – 20 ф., сушек – 87 пуд., табаку – 9 3/4 ф., курительной бумаги – 51 лист, карандашей – 23 шт., конвертов – 83 шт., почтовой бумаги – 32 лист, пуговиц – 6 ½ дюж., ниток – 23 мотка, иголок – 150 шт., кисетов – 331 шт., сумок – 16 шт., полных комплектов солдатского обихода – 269 экз., фуфаек – 23 шт., шлемов вязаных – 318 шт., варежек – 1 пуд; книг на русском языке – 355 шт. и на польском – 91 шт. [54, л. 40].

Стоит обратить внимание на количество книг на польском языке. Вятская губерния являлась местом размещения политических ссыльных, в том числе участников польского национально-освободительного движения. К их числу относился т. н. «шоколадный король»

С. О. Якубовский, высланный в Вятку за участие в Январском восстании 1863 г. Он занимался активной общественной и благотворительной деятельностью на Вятке. Во многом благодаря его усилиям удалось собрать такое количество книг на польском языке. Ссылный предприниматель не забывал о своих земляках.

Для привлечения пожертвований мелкими суммами дамским кружком распространялись особые чековые книжки (по 100 чеков в каждой). Их было два вида: стоимостью чека по одной копейке и стоимостью чека по пяти копеек. За год работы кружка пожертвования по данным чекам поступили в количестве 2241 руб. 24 коп. [54, л. 30].

Вятский дамский кружок активно предоставлял нижним чинам действующей армии и раненым в военных госпиталях вещи солдатского обихода. В комплект входили: рубаха, кальсоны, полотенце, 2 пары портянок, 2 ф. сахара, $\frac{1}{4}$ ф. чая, $\frac{1}{4}$ ф. табака, 6 иголок, моток ниток, 2 куса мыла, 3 конверта с почтовой бумагой и карандашом [55, л. 30 об.]. Данные комплекты отправлялись в г. Харбин, а уже там распределялись по госпиталям и воинским частям. За год деятельности кружка было отправлено на Дальний Восток 3 вагона с вещами [30; 55, л. 31].

В подарочные комплекты участники кружка вкладывали открытку. В ней они просили получателей подарка ответить на вопросы: «Когда и кем получена посылка и в чем более нуждается воин?» [56, л. 1]. Солдаты в ответных открытках и письмах благодарили дам Вятского кружка за подарки и заботу о них: «...Да поможет вам Господь, добрые люди, что вы не забываете православных воинов...» [56, л. 7 об.]. Также военнослужащие просили прислать некоторые вещи: табак, сахар, почтовые открытки, рубашки, сапоги. Один из русских воинов писал: «пришлите сапоги, а то я с лета натер ноги до крови, простудил ноги осенью, но все время нахожусь в строю» [56, л. 4 об.].

Солдаты, находящиеся в госпиталях на лечении, просили выслать им что-нибудь для развлечения: «...Мы начинаем поправляться и поэтому нуждаемся в развлечении. Предмет же, который мог бы доставить наше удовольствие, это граммофон, гитара и балалайка. За присланные же подарки сердечно благодарим. Книг для чтения у нас очень много, также и газет...» [56, л. 37].

Особенно живо предстает перед нами письмо бомбардира одной из батарей 9-й артиллерийской бригады: «...о горе нам грешным, не имеющим счастья от Господа Бога до сего времени победить лютого врага. И трудно нам ожидать возвращения в свой родной край и в свои родные хижины для свидания с родителями и братьями и видеть оных оставшихся сирот на белом свете. А я адрес ваш оставил при себе, и буду хранить его по гроб своей жизни, и буду уведомлять вас, пока буду живой... Я буду ожидать с нетерпением вашего ответа...» [56, л. 46–47 об.].

Крупные пожертвования в фонд Вятского дамского кружка делали представители различных сословий и вероисповеданий. Узнав о работе кружка, императрица Мария Федоровна пожертвовала в его фонд 3000 руб. [17, с. 118].

Известна практика отчисления части своей заработной платы в пользу нуждающихся. Так поступил педагогический состав Вятской гимназии. На одном из своих совещаний педагоги решили «уделять из своего месячного жалования в пользу Красного Креста по одному проценту на нужды во время военных действий на Дальнем Востоке против Японии» [13; 14].

Чиновники Вятского губернского правления, канцелярии губернатора и служащие губернской типографии тоже изъявили желание отчислять из своего жалования 1 % на военные надобности, военный флот и в пользу Красного Креста [23].

Вятские предприниматели А. Я. и Н. В. Тырышкины, А. П. и И. П. Долгушины, Н. И. Клубуков, В. С. Поскребышев, И. И. Лаптев, А. С. Сунцов, И. Т. Вахрушев, П. И. Александров содержали лечебные заведения, в которых залечивали раны русские воины. 50 руб. стоило оборудовать одно койко-место и 75 руб. каждый месяц обходилось жертвователям его содержание. Данная сумма для некоторых была непосильной, вследствие чего благодетели группировались. Так, дети купца К. И. Лаптева – Лиля, Валя и Маруся – содержали втроем одно койко-место [12].

Содержанием раненых бойцов в госпиталях занимались и крестьяне. В конце 1904 г. крестьяне трех волостей: Поломской, Игринской и Тольенской пожертвовали 950 руб. на содержание одного койко-места в госпитале Дальнего Востока в течение целого года [43].

Крестьяне, как правило, жертвовали сообща, волостными сходами. К примеру, 13 апреля 1904 г. в Ярквской волости Орловского уезда состоялся волостной сход. Перед началом волостного схода были «обрисованы все лишения и невзгоды воинов, отстаивающих грудью честь своей Родины». Сход пожертвовал 31 руб. 70 коп. на содержание койко-мест в госпитале

на Дальнем Востоке [59]. Состоятельные крестьяне осуществляли индивидуальные пожертвования. Так, Н. И. Боков, крестьянин Слободского уезда, отправил в Вятское отделение общества Красного Креста 100 полушубков, которые предназначались раненым и больным воинам [41].

Вятское духовенство также внесло свой вклад в дело помощи российской армии, больным и раненым воинам. В середине февраля 1904 г. Слободской мужской монастырь ассигновал 500 руб. в пользу больных и раненых воинов, находящихся в госпиталях. Также монахи собрали 150 руб. и отправили их на нужды Российского общества Красного Креста [40].

Только за январь 1905 г. духовенством и прихожанами Вятской епархии было собрано 2193 руб. 90 коп. Наибольшую сумму собрали в 1-м благочинническом округе Яранского уезда – 133 руб. [11].

Священнослужители и прихожане жертвовали не только деньгами, но и различными вещами. Так, с конца 1904 г. по сентябрь 1905 г., вятские приходы собрали 1647 шуб и полушубков, 235 овчин, 2805 пар валенок и сапог, ½ тонны чулок и рукавиц, 115 пудов сухарей, а также другие продукты питания длительного хранения (консервы, сахар и пр.) [17].

Во всех сельских церквях «совершены или литургии с молебном, или только напутственные молебны с произнесением пастырями речей, призывающих солдат к выполнению долга службы. Раздавались иконы, крестики и просфоры. Религиозное и патриотическое настроение было приподнято умелыми речами священников» [57, л. 146–147 об.].

Одним из методов сбора пожертвований являлось развешивание на улицах ящичков для папирос [37; 46; 47; 60]. Люди могли положить в них табак, махорку, папиросы, папиросную бумагу и деньги. После сбора все это отправлялось солдатам на фронт.

Иногда дарители оставляли анонимные послания русским воинам в стихотворной форме. Один из подобных случаев произошел в апреле 1905 г. Из ящичка для папирос достали содержимое и увидели, что в ящик спустили 2 копейки, которые были завернуты в бумагу со следующим содержанием: «Почему мало кладу? А потому, что табак не люблю, а хотя мало, да кладу, потому что русского воина люблю. Кури во здравие, сражайся за Царя! Храни православие, не жалея себя за землю родную, пускай пулю боевую, или с честью смерть, или кресты на грудь надеть» [47]. На некоторых папиросах были надписи: «Кури во здравие», «Кури да помни Вятку», «Хорошо и умереть за Царя и Родину» и др. Этот поступок также подчеркивает патриотизм вятских жителей.

Таким образом, русско-японская война, начавшаяся в январе 1904 г., привела к росту патриотических настроений в Вятской губернии. Вятское провинциальное общество заняло активную гражданскую позицию и оказывало различные виды благотворительной помощи действующей армии. Вятчане предоставляли свои дома под госпитали, ассигновали деньги на строительство военных судов, организовывали благотворительные спектакли и лотереи, отправляли на фронт продукты питания и теплые вещи. Эта помощь не только улучшала продовольственное снабжение российских частей в Манчжурии и спасала жизни раненым солдатам, но и положительно влияла на моральный дух воюющей армии.

Список литературы

1. Благодарность // Приложение к Вятским губернским ведомостям. 1904. № 22. С. 1.
2. Благодарность больных воинов // Вятский вестник. 1905. № 214. С. 2.
3. Благодарность Государыни Императрицы Марии Федоровны // Приложение к Вятским губернским ведомостям. 1904. № 124. С. 2.
4. Благодарность раненых и больных воинов // Вятский вестник. 1905. № 91. С. 1.
5. Благодарственное письмо запасных // Вятский вестник. 1905. № 95. С. 1.
6. Благотворительная деятельность населения губернии и расходы городов в 1904 г. по случаю войны с Японией // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1906 г. Вятка, 1906. Отд. II. С. 99–106.
7. Благотворительные и другие общества и учреждения // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1906 г. Вятка, 1906. Отд. III. С. 165–180.
8. Благотворительный маскарад // Приложение к Вятским губернским ведомостям. 1904. № 37. С. 2.
9. Благотворительный спектакль // Приложение к Вятским губернским ведомостям. 1904. № 48. С. 2.
10. В народном доме // Приложение к Вятским губернским ведомостям. 1904. № 27. С. 2.
11. Ведомость // Вятские епархиальные ведомости. 1905. № 5. С. 126.
12. Воззвание // Приложение к Вятским губернским ведомостям. 1904. № 42. С. 1.
13. Выражение верноподданнических чувств и патриотические жертвования // Приложение к Вятским губернским ведомостям. 1904. № 19. С. 2.

14. Выражение верноподданнических чувств и патриотические пожертвования // Приложение к Вятским губернским ведомостям. 1904. № 28. С. 3.
15. Вятский отряд Красного Креста // Приложение к Вятским губернским ведомостям. 1904. № 22. С. 1–2.
16. Желательное сооружение миноносца «Вятка» // Приложение к Вятским губернским ведомостям. 1904. № 27. С. 2.
17. Калейдоскоп // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1906 г. Вятка, 1906. Отд. II. С. 107–235.
18. Концерт Е. П. Крыловой и Н. В. Соколова // Приложение к Вятским губернским ведомостям. 1904. № 52. С. 2.
19. Лотерея // Приложение к Вятским губернским ведомостям. 1904. № 23. С. 2.
20. Миноносец «Вятка» // Приложение к Вятским губернским ведомостям. 1904. № 58. С. 1.
21. Молебствие в Кафедральном соборе // Приложение к Вятским губернским ведомостям. 1904. № 15. С. 1.
22. Мултановский. Открытое письмо вятчанам // Приложение к Вятским губернским ведомостям. 1904. № 35. С. 2.
23. На военные надобности // Приложение к Вятским губернским ведомостям. 1904. № 19. С. 2.
24. Несколько слов о духовном концерте в пользу общества Красного Креста на усиление флота в Вятской женской гимназии // Приложение к Вятским губернским ведомостям. 1904. № 42. С. 2–3.
25. Новое благое начинание // Приложение к Вятским губернским ведомостям. 1904. № 44. С. 1.
26. Освящение госпиталя // Приложение к Вятским губернским ведомостям. 1904. № 133. С. 2.
27. Освящение госпиталя для раненых воинов в г. Вятке // Приложение к Вятским губернским ведомостям. 1904. № 136. С. 3.
28. От исполнительской комиссии РОКК // Приложение к Вятским губернским ведомостям. 1904. № 23. С. 1.
29. Открытие швейной мастерской // Приложение к Вятским губернским ведомостям. 1904. № 23. С. 2.
30. Отправка теплой одежды в действующую армию // Приложение к Вятским губернским ведомостям. 1904. № 137. С. 1.
31. Отчет денежными средствами Вятского дамского кружка за первый месяц его деятельности // Приложение к Вятским губернским ведомостям. 1904. № 59. С. 1.
32. [Отчет по спектаклю] // Приложение к Вятским губернским ведомостям. 1904. № 20. С. 2.
33. Отчет по спектаклю, данному кружком любителей драматического искусства 1 октября 1904 г. в пользу Красного Креста на нужды войны с Японией // Приложение к Вятским губернским ведомостям. 1904. № 120. С. 1.
34. Отчет по спектаклю, устроенному в Вятском городском театре 22 февраля 1904 г., сбор с которого поступил на усиление средств местной общины сестер милосердия Красного Креста // Приложение к Вятским губернским ведомостям. 1904. № 28. С. 3.
35. Отчет по спектаклю, устроенному в Вятском городском театре 7 марта 1904 г. полковником П. Ф. Александровым и Б. И. Садовским в усиление боевого флота // Приложение к Вятским губернским ведомостям. 1904. № 34. С. 3.
36. Панихида // Приложение к Вятским губернским ведомостям. 1904. № 40. С. 1.
37. Папиросы для солдат // Вятский вестник. 1905. № 120. С. 2.
38. Патриотическое пожертвование // Вятский вестник. 1905. № 38. С. 2.
39. Письмо с Дальнего Востока // Вятский вестник. 1905. № 226. С. 2.
40. [Пожертвование] // Приложение к Вятским губернским ведомостям. 1904. № 22. С. 1.
41. Пожертвование // Приложение к Вятским губернским ведомостям. 1904. № 126. С. 2.
42. Пожертвование // Приложение к Вятским губернским ведомостям. 1904. № 129. С. 2.
43. Пожертвование // Приложение к Вятским губернским ведомостям. 1904. № 136. С. 2.
44. [Пожертвования в Красный Крест] // Приложение к Вятским губернским ведомостям. 1904. № 40. С. 2.
45. [Пожертвования для флота] // Приложение к Вятским губернским ведомостям. 1904. № 23. С. 3.
46. Пожертвования папиросами // Вятский вестник. 1905. № 59. С. 2.
47. Пожертвованные папиросы // Вятский вестник. 1905. № 83. С. 1.
48. С нами Бог! // Приложение к Вятским губернским ведомостям. 1904. № 13. С. 1.
49. С. Святица // Приложение к Вятским губернским ведомостям. 1904. № 45. С. 4.
50. Село Великорецкое // Вятский вестник. 1905. № 124. С. 2.
51. Старовеньинская вол. // Вятский вестник. 1905. № 98. С. 2.
52. Участие и отклик нашей губернии по поводу военных событий // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1905 г. Вятка, 1905. Отд. III. С. 199–206.
53. Холуницкий завод // Приложение к Вятским губернским ведомостям. 1904. № 31. С. 3.
54. ЦГАКО (Центральный государственный архив Кировской области). Ф. 153. Оп. 1. Д. 1.
55. ЦГАКО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 2.

56. ЦГАКО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 4.
57. ЦГАКО. Ф. 1155. Оп. 1. Д. 334.
58. Читальня при народном доме попечительства о народной трезвости // Приложение к Вятским губернским ведомостям. 1904. № 27. С. 2.
59. Яркская волость // Приложение к Вятским губернским ведомостям. 1904. № 52. С. 2.
60. Ящик для папирос // Вятский вестник. 1905. № 42. С. 1.

Charitable activity of the population of Vyatka province during the Russian-Japanese War of 1904–1905

N. L. Ryzhov

postgraduate student of the Department of History and Political Sciences, Vyatka State University. Russia, Kirov.
ORCID: 0000-0003-3097-4845. SPIN code: 9762-2168. AuthorID: 1111263. E-mail: usr21633@vyatsu.ru

Abstract. The relevance of this article is due to the increased interest in the life of the Russian province of the late Imperial period. To date, the life of provincial society during the Russian-Japanese War of 1904–1905, as well as various aspects of charitable activities and assistance to the army, have been poorly studied. The purpose of the work is to analyze the charitable activities of the Vyatchans during the Russian-Japanese war of 1904–1905.

The realization of research tasks was achieved on the basis of the use of materials extracted from the funds of the Central State Archive of the Kirov region and regional periodicals of the early XX century. A special place is occupied by the popular provincial edition of the late XIX – early XX century. "Appendix to the Vyatka provincial Gazette".

The main directions of charitable activity of the residents of the Vyatka Region during the Russian-Japanese War of 1904–1905 are considered. The public mood of provincial society during the war is highlighted. Special attention is paid to the analysis of the activities of the Vyatka Ladies' Circle, which provided the most significant support to Russian soldiers and their families.

The study of the charitable activities of the inhabitants of the region allows us to identify the forms and scale of assistance to the Vyatka active army in 1904–1905. In addition, it makes it possible to trace the evolution of public sentiment during the Russian-Japanese war. Finally, the study of charity helps to identify the mechanisms of formation of civil society in pre-revolutionary Russia.

Keywords: Vyatka, charity, donations, Vyatka ladies' circle, merchants.

References

1. *Blagodarnost'* – Gratitude // *Prilozhenie k Vyatskim gubernskim vedomostyam* – Appendix to the Vyatka provincial gazette. 1904. No. 22. P. 1.
2. *Blagodarnost' bol'nyh voinov* – Gratitude of sick warriors // *Vyatskij vestnik* – Vyatka herald. 1905. No. 214. P. 2.
3. *Blagodarnost' Gosudaryni Imperatricy Marii Fedorovny* – Gratitude of the Empress Empress Maria Feodorovna // *Prilozhenie k Vyatskim gubernskim vedomostyam* – Appendix to the Vyatka provincial gazette. 1904. No. 124. P. 2.
4. *Blagodarnost' ranenyyh i bol'nyh voinov* – Gratitude of wounded and sick soldiers // *Vyatskij vestnik* – Vyatka herald. 1905. No. 91. P. 1.
5. A letter of thanks to the spares // *Vyatskij vestnik* – Vyatka herald. 1905. No. 95. P. 1.
6. *Blagotvoritel'naya deyatelnost' naseleniya gubernii i raskhody gorodov v 1904 g. po sluchayu vojny s Yaponiej* – Charitable activity of the population of the province and expenditures of cities in 1904 on the occasion of the war with Japan // *Pamyatnaya knizhka Vyatskoj gubernii i kalendar' na 1906 g. Vyatka, 1906* – Commemorative book of the Vyatka province and calendar for 1906 Vyatka. 1906. Ed. II. Pp. 99–106.
7. *Blagotvoritel'nye i drugie obshchestva i uchrezhdeniya* – Charitable and other societies and institutions // *Pamyatnaya knizhka Vyatskoj gubernii i kalendar' na 1906 g. Vyatka, 1906* – Commemorative book of the Vyatka province and calendar for 1906 Vyatka, 1906. Ed. III. Pp. 165–180.
8. *Blagotvoritel'nyj maskarad* – Charity masquerade // *Prilozhenie k Vyatskim gubernskim vedomostyam* – Appendix to the Vyatka provincial gazette. 1904. No. 37. P. 2.
9. *Blagotvoritel'nyj spektakl'* – Charity performance // *Prilozhenie k Vyatskim gubernskim vedomostyam* – Appendix to the Vyatka provincial gazette. 1904. No. 48. P. 2.
10. *V narodnom dome* – In the People's House // *Prilozhenie k Vyatskim gubernskim vedomostyam* – Appendix to the Vyatka Provincial gazette. 1904. No. 27. P. 2.
11. *Vedomost'* – News // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti* – Vyatka diocesan news. 1905. No. 5. P. 126.
12. *Vozzvanie* – Appeal // *Prilozhenie k Vyatskim gubernskim vedomostyam* – Appendix to the Vyatka provincial gazette. 1904. No. 42. P. 1.

13. *Vyrazhenie vernopoddannicheskikh chuvstv i patrioticheskie pozhertvovaniya* – Expression of loyal feelings and patriotic donations // *Prilozhenie k Vyatskim gubernskim vedomostyam* – Appendix to the Vyatka provincial gazette. 1904. No. 19. P. 2.
14. *Vyrazhenie vernopoddannicheskikh chuvstv i patrioticheskie pozhertvovaniya* – Expression of loyal feelings and patriotic donations // *Prilozhenie k Vyatskim gubernskim vedomostyam* – Appendix to the Vyatka Provincial gazette. 1904. No. 28. P. 3.
15. *Vyatskij otryad Krasnogo Kresta* – Vyatka Red Cross detachment // *Prilozhenie k Vyatskim gubernskim vedomostyam* – Appendix to the Vyatka Provincial gazette. 1904. No. 22. Pp. 1–2.
16. *Zhelatel'noe sooruzhenie minonosca "Vyatka"* – The desirable construction of the destroyer "Vyatka" // *Prilozhenie k Vyatskim gubernskim vedomostyam* – Appendix to the Vyatka provincial gazette. 1904. No. 27. P. 2.
17. *Kalejdoskop* – Kaleidoscope // *Pamyatnaya knizhka Vyatskoj gubernii i kalendar' na 1906 g.* – Memorial book of Vyatka province and calendar for 1906. Vyatka, 1906. Ed. II. Pp. 107–235.
18. *Koncert E. P. Krylovoj i N. V. Sokolova* – Concert by E. P. Krylova and N. V. Sokolov // *Prilozhenie k Vyatskim gubernskim vedomostyam* – Appendix to the Vyatka provincial gazette. 1904. No. 52. P. 2.
19. *Lotereya* – Lottery // *Prilozhenie k Vyatskim gubernskim vedomostyam* – Appendix to the Vyatka provincial gazette. 1904. No. 23. P. 2.
20. *Minosec "Vyatka"* – Destroyer "Vyatka" // *Prilozhenie k Vyatskim gubernskim vedomostyam* – Appendix to the Vyatka provincial gazette. 1904. No. 58. P. 1.
21. *Molebstvie v Kafedral'nom sobore* – Prayer service in the Cathedral // *Prilozhenie k Vyatskim gubernskim vedomostyam* – Appendix to the Vyatka provincial gazette. 1904. No. 15. P. 1.
22. *Multanovskij Otkrytoe pis'mo vyatchanam* – Multanovsky Open letter to the Vyatchans // *Prilozhenie k Vyatskim gubernskim vedomostyam* – Appendix to the Vyatka provincial gazette. 1904. No. 35. P. 2.
23. *Na voennye nadobnosti* – For military needs // *Prilozhenie k Vyatskim gubernskim vedomostyam* – Appendix to the Vyatka Provincial gazette. 1904. No. 19. P. 2.
24. *Neskol'ko slov o duhovnom koncerte v pol'zu obshchestva Krasnogo Kresta na usilenie flota v Vyatskoj zhenskoj gimnazii* – A few words about the spiritual concert in favor of the Red Cross Society to strengthen the fleet in the Vyatka Women's Gymnasium // *Prilozhenie k Vyatskim gubernskim vedomostyam* – Appendix to the Vyatka Provincial gazette. 1904. No. 42. Pp. 2–3.
25. *Novoe blagoe nachinanie* – A new good undertaking // *Prilozhenie k Vyatskim gubernskim vedomostyam* – Appendix to the Vyatka Provincial gazette. 1904. No. 44. P. 1.
26. *Osvyashchenie gospitalya* – Consecration of the hospital // *Prilozhenie k Vyatskim gubernskim vedomostyam* – Appendix to the Vyatka Provincial gazette. 1904. No. 133. P. 2.
27. *Osvyashchenie gospitalya dlya ranenyyh voinov v g. Vyatke* – Consecration of the hospital for wounded soldiers in Vyatka // *Prilozhenie k Vyatskim gubernskim vedomostyam* – Appendix to the Vyatka provincial gazette. 1904. No. 136. P. 3.
28. *Ot ispolnitel'noj komissii ROKK* – From the executive commission of the ROKK // *Prilozhenie k Vyatskim gubernskim vedomostyam* – Appendix to the Vyatka Provincial gazette. 1904. No. 23. P. 1.
29. *Otkrytie shvejnoj masterskoj* – Opening of a sewing workshop // *Prilozhenie k Vyatskim gubernskim vedomostyam* – Appendix to the Vyatka provincial gazette. 1904. No. 23. P. 2.
30. *Otpravka teploj odezhdy v dejstvuyushchuyu armiyu* – Sending warm clothes to the active army // *Prilozhenie k Vyatskim gubernskim vedomostyam* – Appendix to the Vyatka provincial gazette. 1904. No. 137. P. 1.
31. *Otchet denezhnymi sredstvami Vyatskogo damskogo kruzhka za pervyj mesyac ego deyatel'nosti* – Report on the monetary funds of the Vyatka Ladies' Circle for the first month of its activity // *Prilozhenie k Vyatskim gubernskim vedomostyam* – Appendix to the Vyatka provincial gazette. 1904. No. 59. P. 1.
32. *[Otchet po spektaklyu]* – [Report on the performance] // *Prilozhenie k Vyatskim gubernskim vedomostyam* – Appendix to the Vyatka provincial gazette. 1904. No. 20. P. 2.
33. *Otchet po spektaklyu, dannomu kruzhkom lyubitelej dramaticheskogo iskusstva 1 oktyabrya 1904 g. v pol'zu Krasnogo Kresta na nuzhdy vojny s Yaponiej* – Report on the performance given by the circle of lovers of dramatic art on October 1, 1904 in favor of the Red Cross for the needs of the war with Japan // *Prilozhenie k Vyatskim gubernskim vedomostyam* – Appendix to the Vyatka provincial gazette. 1904. No. 120. P. 1.
34. *Otchet po spektaklyu, ustroennomu v Vyatskom gorodskom teatre 22 fevralya 1904 g., sbor s kotorogo postupil na usilenie sredstv mestnoj obshchiny sester miloserdiya Krasnogo Kresta* – Report on the performance staged at the Vyatka City Theater on February 22, 1904, the collection from which was received to strengthen the funds of the local community of the sisters of mercy of the Red Cross // *Prilozhenie k Vyatskim gubernskim vedomostyam* – Appendix to the Vyatka Provincial gazette. 1904. No. 28. P. 3.
35. *Otchet po spektaklyu, ustroennomu v Vyatskom gorodskom teatre 7 marta 1904 g. polkovnikom P. F. Aleksandrovym i B. I. Sadovskim v usilenie boevogo flota* – Report on the performance staged at the Vyatka City Theater on March 7, 1904 by Colonel P. F. Alexandrov and B. I. Sadovsky in strengthening the battle fleet // *Prilozhenie k Vyatskim gubernskim vedomostyam* – Appendix to the Vyatka Provincial gazette. 1904. No. 34. P. 3.
36. *Panihida* – Memorial service // *Prilozhenie k Vyatskim gubernskim vedomostyam* – Appendix to the Vyatka provincial gazette. 1904. No. 40. P. 1.
37. *Papirosy dlya soldat* – Cigarettes for soldiers // *Vyatskij vestnik* – Vyatka herald. 1905. No. 120. P. 2.
38. *Patrioticheskoe pozhertvovanie* – Patriotic donation // *Vyatskij vestnik* – Vyatka herald. 1905. No. 38. P. 2.

39. *Pis'mo s Dal'nego Vostoka* – Letter from the Far East // *Vyatskij vestnik* – Vyatka herald. 1905. No. 226. P. 2.
40. [*Pozhertvovanie*] – [Donation] // *Prilozhenie k Vyatskim gubernskim vedomostyam* – Appendix to the Vyatka Provincial gazette. 1904. No. 22. P. 1.
41. *Pozhertvovanie* – Donation // *Prilozhenie k Vyatskim gubernskim vedomostyam* – Appendix to the Vyatka provincial gazette. 1904. No. 126. P. 2.
42. *Pozhertvovanie* – Donation // *Prilozhenie k Vyatskim gubernskim vedomostyam* – Appendix to the Vyatka provincial gazette. 1904. No. 129. P. 2.
43. *Pozhertvovanie* – Donation // *Prilozhenie k Vyatskim gubernskim vedomostyam* – Appendix to the Vyatka provincial gazette. 1904. No. 136. P. 2.
44. [*Pozhertvovaniya v Krasnyj Krest*] – [Donations to the Red Cross] // *Prilozhenie k Vyatskim gubernskim vedomostyam* – Appendix to the Vyatka Provincial gazette. 1904. No. 40. P. 2.
45. [*Pozhertvovaniya dlya flota*] – [Donations for the fleet] // *Prilozhenie k Vyatskim gubernskim vedomostyam* – Appendix to the Vyatka Provincial gazette. 1904. No. 23. P. 3.
46. *Pozhertvovaniya papirosami* – Donations of cigarettes // Vyatka herald. 1905. No. 59. P. 2.
47. *Pozhertvovannye papirosy* – Donated cigarettes // Vyatka herald. 1905. No. 83. P. 1.
48. *S nami Bog!* – God is with us! // *Prilozhenie k Vyatskim gubernskim vedomostyam* – Appendix to the Vyatka provincial gazette. 1904. No. 13. P. 1.
49. *S. Svyatica* – S. Svyatitsa // *Prilozhenie k Vyatskim gubernskim vedomostyam* – Appendix to the Vyatka provincial gazette. 1904. No. 45. P. 4.
50. *Selo Velikoreckoe* – The village of Velikoretskoye // *Vyatskij vestnik* – Vyatka herald. 1905. No. 124. P. 2.
51. *Staroven'inskaya vol* – Staroveninskaya township // *Vyatskij vestnik* – Vyatka herald. 1905. No. 98. P. 2.
52. *Uchastie i otklik nashej gubernii po povodu voennyh sobytij* – Participation and response of our province about military events // Commemorative book of the Vyatka province and calendar for 1905 Vyatka, 1905. Ed. III. Pp. 199–206.
53. *Holunickij zavod* – Kholunitsky plant // *Prilozhenie k Vyatskim gubernskim vedomostyam* – Appendix to the Vyatka provincial gazette. 1904. No. 31. P. 3.
54. CSAKR (Central State Archive of the Kirov region). F. 153. Inv. 1. File 1.
55. CSAKR. F. 153. Inv. 1. File 2.
56. CSAKR. F. 153. Inv. 1. File 4.
57. CSAKR. F. 1155. Inv. 1. File 334.
58. *Chital'nya pri narodnom dome popechitel'stva o narodnoj trezvosti* – Reading room at the People's house of guardianship on people's sobriety // *Prilozhenie k Vyatskim gubernskim vedomostyam* – Appendix to the Vyatka provincial gazette. 1904. No. 27. P. 2.
59. *Yarkovskaya volost'* – Yarkovskaya township // *Prilozhenie k Vyatskim gubernskim vedomostyam* – Appendix to the Vyatka provincial gazette. 1904. No. 52. P. 2.
60. *Yashchik dlya papiros* – A box for cigarettes // *Vyatskij vestnik* – Vyatka herald. 1905. No. 42. P. 1.

Разрядка в советско-американских отношениях: научно-технологический срез проблемы*

В. Т. Юнгблюд

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и политических наук,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. E-mail: youngblood@vyatsu.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме научно-технического сотрудничества СССР и США в 1969–1979 гг., вошедшие в историю как время разрядки международной напряженности. Обращение к этой теме обусловлено значимым местом внешнеэкономических и научно-технических связей в повестке двусторонних американо-советских отношений. С развитием контактов между учеными двух государств тогда связывались надежды на нормализацию отношений Востока и Запада. В фокусе исследования несколько ключевых вопросов: почему не оправдались надежды на длительное мирное существование и создание устойчивого двуполярного мира? Какую роль в этом сыграла инерция Холодной войны? Как на ход истории влияли идеи и действия конкретных руководителей? Как соотносились потенциалы соперничества и сотрудничества сверхдержав в рамках двустороннего взаимодействия? Статья основана на документах Российского государственного архива новейшей истории и Российского государственного архива экономики. Используются также американские опубликованные документы и электронные документальные базы данных. Обосновывается вывод о том, что научно-технологический и политический треки разрядки не всегда развивались синхронно. Политическое руководство обеих держав действовало в те годы преимущественно в парадигме военно-стратегического паритета и не расставалось с мыслью выйти из сверхдержавного противостояния победителем, что в конечном итоге привело к обвальному завершению детанта и новому витку конфронтации.

Ключевые слова: разрядка, советско-американские отношения, научно-техническое сотрудничество, поправка Джексона – Вэника, Брежнев, Никсон.

Введение. Разрядка в американо-советских отношениях была сложным и многоуровневым процессом. Некоторые ее грани отражены в отечественной и зарубежной историографии [2; 10; 12; 16; 46; 48]. Между тем ряд ее аспектов до настоящего времени освещены фрагментарно, либо включены в общий контекст исследования исторического процесса без выделения их специфических характеристик. К числу таких аспектов следует отнести попытки сверхдержав наладить нормальные торгово-экономические связи, распространив их на максимально широкий спектр товаров, включая наукоемкую продукцию. Другая важная грань взаимодействия сверхдержав напрямую связана с попытками наладить сотрудничества в области научных исследований и технологических обменов. Работ, посвященных этой проблематике, крайне мало [6; 7; 36; 51; 59]. Между тем обращение к ней необходимо, поскольку внешнеэкономические и научно-технические связи занимали значительное место в повестке двусторонних отношений в 1970-е гг. С развитием контактов между учеными двух государств связывались определенные надежды на «фундаментализацию» разрядки, придание процессу нормализации отношений устойчивости и необратимости. Эти надежды не оправдались. Важно понять, почему так произошло? Какую роль в этом сыграла инерция Холодной войны? Как на ход истории влияли идеи и действия конкретных руководителей? Как соотносились потенциалы соперничества и сотрудничества сверхдержав в рамках двустороннего взаимодействия? Перечисленные вопросы тесно взаимосвязаны и ответы на них могут пролить дополнительный свет на главный вопрос: почему объявленная на старте детанта эпоха обновления мира так и не наступила.

При подготовке статьи использованы фонды Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), которые содержат богатые документальные коллекции по истории американо-советских отношений изучаемого периода. Их дополняют документы Белого дома, государственного департамента и Центрального разведывательного управления США, представленные как в официальных изданиях, так и в электронных базах данных. Некоторые из использованных документов в научный оборот вводятся впервые. Препарирование исторических источников и историографического материала осуществлялось в междисциплинарном ключе посредством сочетания традиционных методов исторического исследования с инструментарием истории и теории международных отношений.

Самые охраняемые секреты. Еще до начала «первых заморозков» Холодной войны сверхдержавы приступили к созданию разветвленной и высокопрофессиональной системы защиты собственных научных программ, технологий, разработок и ноу-хау. Важное значение придавалось сбору и анализу данных о состоянии науки и технологий в стане противника. Органы экономической и научно-технической разведки стали неотъемлемой частью механизмов принятия государственных решений в области оборонной, внутренней и внешней политики. От эффективности их работы в значительной степени зависели шансы сверхдержав на сохранение лидирующей роли в возглавляемых ими общественно-политических системах и на способность этих систем как минимум на равных конкурировать друг с другом в Холодной войне.

К концу 1960-х гг. и США, и СССР располагали мощными разведывательными ресурсами, специализировавшимися на научно-технической проблематике. 1 июля 1967 г. в ЦРУ было создано особое структурное подразделение – Управление стратегических исследований (Office of Strategic Research, OSR). Главная задача OSR заключалась в том, чтобы объединить усилия аналитиков, ответственных в ЦРУ за информацию военного значения, и готовить для Директора центральной разведки (Director of Central Intelligence, DCI) итоговые доклады по наиболее важным с точки зрения обороноспособности страны проблемам. В течение 15 лет, – с 1967 по 1981 гг., – этот орган играл ключевую роль в сборе оперативных разведанных и подготовке аналитических материалов.

Параллельно с этим ведомством в структуре ЦРУ функционировали подразделения, ориентированные на изучение научных и технологических ресурсов потенциальных противников США, в первую очередь СССР и его союзников. В частности, одновременно с OSR было создано Управление экономических исследований (Office of Economic Research, OER), более трети общего объема аналитических материалов которого в конце 1960-х гг. составляли сводки, обзоры и доклады, посвященные СССР и Восточной Европе [63, pp. 77–82]. Серьезная аналитическая работа велась также в Исследовательском институте Радио Свободная Европа/радио Свобода (РСЕ/РС), имевшем штаб-квартиру в Мюнхене [23, с. 244, 245].

Управление стратегических исследований тесно сотрудничало с Управлением научной разведки (Office of Scientific Intelligence, OSR) и Центром анализа иностранных ракет и космоса (Foreign Missile and Space Analysis Center, FMSAC) при Дирекции науки и технологий (Directorate of Science and Technology, DS&T) [65, pp. 40, 41]. Собственными разведывательными ресурсами располагали Государственный департамент и Министерство обороны. Белый дом имел возможность в случае необходимости, по каналам Совета национальной безопасности (СНБ), получать разнообразную и качественную информацию об экономических ресурсах СССР, достижениях советских ученых в различных областях знания, включая исследования и разработки (Research and Development, R&D) в военной сфере.

В Советском Союзе защите государственной тайны в научно-технической сфере и сбору научно-технической информации за рубежом также придавали большое значение. С 1963 г. в структуре Первого главного управления Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР (ПГУ КГБ СССР) функции научно-технической разведки были сосредоточены в Управлении «Т», осуществлявшем разведдеятельность по семи приоритетным направлениям – ядерному, авиакосмическому, электронному, медицинскому, химическому, по разной технике и информационно-аналитическому (выполнение заказов различных ведомств) [11]. Кроме того, сбором секретной информации научно-технического характера, добычей документации на продвинутые аппаратные изделия и запрещенное к вывозу в СССР оборудование, а также образцов этих изделий занимались соответствующие подразделения Министерства торговли СССР и Главного разведывательного управления (ГРУ) Министерства обороны СССР.

Значительные объемы ценной информации о прорывных исследованиях и передовых разработках поступали из открытых источников. Эта работа координировалась общесоюзным Государственным комитетом по науке и технике при Совете Министров СССР (ГКНТ СМ СССР), с середины 1960-х гг. разрабатывавшим (совместно с Академией Наук СССР, АН СССР) научно-техническую политику страны. ГКНТ по различным каналам приобретал до полутора миллионов экземпляров западных научно-технических журналов, которые переводились и изучались советскими специалистами. Через Комитет организовывались стажировки сотрудников институтов АН СССР в лучших западных университетах, в его системе создавались специализированные аналитические центры, определявшие приоритеты научно-технического развития, оценивавшие уровень отечественных и зарубежных разработок и на этом основании ставившие конкретные задачи по сбору необходимой информации за рубежом [30, с. 268–270].

Разведывательным органам обеих сторон удавалось добиваться результатов, иногда весьма значительных. Тем не менее степень обособленности советской и американской научно-исследовательской систем продолжала оставаться очень высокой, информационный обмен между ними практически отсутствовал. На основании имевшихся сведений в США считали, что советские ученые добились значительных успехов в ряде отраслей фундаментальной науки, в разработке новейших систем вооружения и в космических исследованиях. В начале 1970-х гг. в аналитическом докладе, подготовленном разведывательным сообществом США для Белого дома, было сказано, что «Советы, когда это возможно, используют достижения ученых других стран», но они «также разрабатывают собственные подходы и высокие технические компетенции, и их современные R&D определенно имеют собственное происхождение» [55, pp. 13, 14]. Кроме того, авторы документа высоко оценивали советскую систему подготовки научных и инженерных кадров. Заинтересованность в устранении барьеров в сфере науки и налаживании систематических академических обменов в США, таким образом, была высокой.

В СССР также стремились к установлению отношений сотрудничества, полагая, что за счет кооперации в этой области удастся преодолеть общее технологическое отставание от Запада, а также перенять опыт модернизации системы управления производством. Советские эксперты приходили к выводу, что гонка вооружений перестает быть единственным фактором в борьбе систем и важной ареной противоборства становятся высокие технологии, способные не только генерировать оружие нового поколения, но и менять качество повседневной жизни людей. Основатель Института США АН СССР Г. А. Арбатов на основании сравнения экономических реалий СССР и США уже в 1968 г. пришел к выводу о том, что для СССР «научно-технологический рывок столь же необходим, как и индустриализация в 1930-е гг.», и призывал инициировать сближение с США [19, л. 36–41]. Руководство СССР серьезно отнеслось к этим советам.

Советско-американская разрядка 1972–1979 г.: научно-технологический срез. Движение СССР и США в направлении разрядки напряженности в двусторонних отношениях в 1969–1972 гг. было медленным и нелинейным. Р. Никсон, возглавивший страну в январе 1969 г., хотя и заявил в своей инаугурационной речи о начале «эры переговоров» с СССР, сразу же взял курс на «увязывание» геополитических и военно-стратегических вопросов с проблемами двусторонней торговли (установлением режима наибольшего благоприятствования, MFN), финансов (расчеты по ленд-лизу и предоставление кредитов), заключения соглашений о сотрудничестве в сфере научных исследований и технологических обменов. В СССР такой подход понимания не находил.

На декабрьском Пленуме ЦК КПСС в середине декабря 1969 г. Л. И. Брежнев констатировал, что «политический курс Никсона в отношении Советского Союза характеризуется переплетением двух противоположных по существу тенденций». С одной стороны, отмечалось его стремление «к подрыву позиций социализма» и противодействию ему «всеми средствами – идеологическими, политическими, экономическими, военными». С другой стороны, констатировалось, что президент, возглавляя «одну из самых демагогических администраций, которая когда-либо была в США», все же обнаруживает «вынужденную тенденцию к переговорам и, возможно, к договоренности с Советским Союзом по отдельным конкретным вопросам» [19, л. 80, 81]. О двойственности политической линии США и личных качествах («самый демагогический президент из всех») президента Брежнев говорил в узком кругу участников обсуждения проекта международного раздела его отчета XXIV съезду КПСС [19, л. 25].

Но в конце 1971 г. ситуация стала меняться. К тому моменту в Вашингтоне больше не

сомневались, что в уровнях стратегических потенциалов главных противников в Холодной войне достигнут паритет. Официальные лица из руководства страны и наиболее квалифицированные эксперты стали рассматривать СССР «как могущественного противника, который сейчас требовал для себя равного с США статуса» [46, р. 16]. К тому же администрации Никсона крайне нужны были значимые внешнеполитические достижения, которые могли бы придать оптимистическую окраску ее предвыборной кампании на президентских выборах. Таким прорывным событием вполне мог стать советско-американский саммит, с которым связывались надежды на заключение соглашений об ограничении гонки вооружений и прекращение войны во Вьетнаме. Форсированной подготовке советско-американской встречи в верхах способствовало и то, что в США начали осознавать, что бесперспективность продолжения политики запретов и санкций в отношении СССР становится все менее эффективной из-за того, что Москва научилась решать многие свои проблемы в этой области путем заключения двусторонних соглашений с государствами Западной Европы [64, р. 261]. В Кремле также были заинтересованы в качественном изменении двусторонних отношений. В такой обстановке была согласована программа визита в СССР президента США Никсона.

Восьмидневный московский саммит 22–30 мая 1972 г., первый из череды американо-советских встреч на высшем уровне в 1970-е гг., изменил многое. В эти дни был подписан ряд соглашений между Москвой и Вашингтоном о сотрудничестве в области науки и техники¹. Для их реализации в июле 1972 г. была достигнута договоренность о создании нескольких советско-американских рабочих групп, каждая из которых должна была курировать определенное направление². В соответствии с Соглашением между Правительством СССР и Правительством США в области науки и техники от 24 мая 1972 г. в марте 1973 г. в Вашингтоне состоялась первая сессия двусторонней Комиссии по научно-техническому сотрудничеству. Этот орган координировал осуществление исследовательских и обменных программ, выполнявшихся в рамках всего комплекса двусторонних соглашений, включая совместные программы АН СССР и Национальной Академией наук США [19, л. 13].

С наступлением нового этапа во взаимоотношениях двух стран заметно участились поездки научных делегаций в СССР и США, проведение совместных экспериментов, стали приниматься меры по унификации исследовательской методологии, взаимной калибровке и стандартизации аппаратуры, расширению обмена публикациями, результатами выполнения научных программ, препаратами и т. д. В частности, советские и американские медики обменялись образцами вирусов и искусственных сердец, достигли успехов в совместном изучении рака и инфаркта миокарда [4; 5, с. 21–23]. Физики провели совместные эксперименты по изучению свойств элементарных частиц в серпуховском Институте высоких энергий и в Национальной ускорительной лаборатории в Батавии [15, с. 4, 10, 12; 21, с. 109]. Изучение океанских течений, биологической продуктивности мирового океана, проблем глубоководного бурения было проведено в ходе совместных экспериментов в рамках проектов ГАРП, ГАТЕ, «Гломар Челленджер» [17, с. 56; 18, с. 10, 15; 27, с. 43]. Активно развивалось сотрудничество СССР и США в космосе: еще в 1967 г. между ними было заключено соглашение о спасении космонавтов, после чего в обеих странах началась разработка средств стыковки космических кораблей («андрогинового типа»). Кульминацией этого проекта стало «рукопожатие в космосе» 15 июля 1975 г. после успешной стыковки советского корабля «Союз-19» с американским «Аполлоном». Также космические ведомства двух стран обменялись имевшимися у них фотографиями

¹ Главным из них было «Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Соединенных Штатов Америки о сотрудничестве в области науки и техники» от 24 мая 1972 г. (рассчитано на 5 лет, в июле 1977 г. продлено еще на 5 лет). К нему примыкало три соглашения о сотрудничестве в конкретных сферах – в области охраны окружающей среды, в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях, в области медицины и здравоохранения. В 1973 г. в Вашингтоне были подписаны еще четыре соглашения – о сотрудничестве в исследованиях в области сельского хозяйства, мирового океана, транспорта, атомной энергии. Всего же в 1972–1977 гг. было достигнуто 11 соглашений о научно-техническом сотрудничестве [63, с. 52].

² Были созданы рабочие группы по применению ЭВМ в управлении производством, научным исследованиям в области сельского хозяйства, химическому катализу, использованию водных ресурсов, производству веществ методом микробиологического синтеза, лесному хозяйству, электрометаллургии, энергетике, теоретической физике, интеллектуальной собственности, научной политике и научно-технической информации, метрологии и стандартизации [3, с. 11, 12; 21, с. 109; 27, с. 29].

Луны и пробами лунного грунта, материалами исследований Луны и Марса, провели совместные эксперименты на советских биологических спутниках «Космос-782» и «Космос-936» [14, с. 7; 24, с. 69; 25, с. 43; 60, pp. 160, 161].

Четвертая статья Соглашения о сотрудничестве в области науки и техники ориентировала американские фирмы на расширение связей с Советским Союзом и подписание соглашений с ГКНТ СМ. За первые пять лет было заключено около 60 таких сделок [47, р. 7]. Некоторые из них были обычными декларациями о намерениях и не предполагали ничего, кроме переговоров об экспортных продажах в рамках установленных процедур с использованием стандартных механизмов экспортного контроля. Тем не менее для некоторых американских фирм («Дженерал электрик», «Катерпиллар», «Суинделл-Дресслер», «Хьюлетт-Пакард», «Браун энд рут», «Кайзер индастриз», «Контролдэйта», «Бэрроуз», «Зингер компани» и другими) были определены более мягкие правила³.

Развитие связей между СССР и США сказывалось и на характере взаимоотношений Востока и Запада в целом. В 1970-е гг. увеличилось число патентов, проданных соцстранами на Запад⁴, к середине десятилетия их число достигло около 700, а доходы от их продажи приблизились к 40 млн долл.⁵ Правда, стоит отметить, что эта цифра была не столь велика по сравнению с 500 млн долл., затраченными на приобретение соцстранами западных технологий [68, р. 302].

По итогам опросов среди американских участников к концу пятилетнего срока действия первых соглашений о научных обменах и совместных программах большинство их участников с американской стороны признавали, что США получили значительную пользу от расширившихся контактов с СССР и высказались за их продолжение [47, р. 6]. Наиболее плодотворным было признано сотрудничество в области физики и электрометаллургии [50, р. 458]. Без разочарований также не обошлось – были случаи, когда американцы сетовали на ограниченность полученных сведений (из-за разницы технологического развития СССР и США, политических барьеров и соображений национальной безопасности⁶).

КОКОМ и санкционные списки США в годы разрядки. С точки зрения Москвы в пакете майских договоренностей 1972 г. исключительно важное место занимала подписанная Брежневым и Никсоном декларация «Основы взаимоотношений между СССР и США» [33]. 31 мая, докладывая на заседании Политбюро ЦК КПСС о результатах переговоров, Брежнев особо подчеркнул, «что правящие круги Соединенных Штатов вынуждены теперь открыто признавать и фиксировать в обязывающей международно-правовой форме принцип равенства сил обеих сторон, принцип равенства безопасности обеих сторон, принцип полного уважения Советского государства и его союзников. Это можно считать принципиально новой чертой, характеризующей достигнутые соглашения» [19, л. 94]. Буквально через несколько часов, выступая перед Конгрессом, Никсон также упомянул этот документ и дал ему высокую оценку [57].

«Основы взаимоотношений» были документом, фиксирующим и «дух», и «букву» де-танта. Смысл провозглашенного в Москве в конце мая 1972 г. поворота в международных отношениях заключался в признании новых реалий и согласии придерживаться согласованных правил, как в двусторонних отношениях, так и в мировой политике. Этот документ демонстрировал своего рода солидарность сверхдержав и их особую ответственность перед мировым сообществом.

³ Среди главных сделок 1970-х гг. следует назвать соглашение о научно-техническом сотрудничестве между Государственным комитетом Совета министров СССР по науке и технике и группой американских предприятий во главе с фирмой «Оксидентал Петролеум» о добыче и переработке нефти и газа, производстве различных химикатов, строительстве комплекса предприятий по производству удобрений в Тольятти. Были заключены крупные сделки на поставку американского оборудования (примерно на 1 млрд долл.) для строящегося Камского автозавода. См.: [3, с. 13; 9, с. 69; 22, с. 99; 26, с. 23, 24; 29, с. 26].

⁴ В частности, американскими компаниями были заключены лицензионные соглашения с СССР на систему испарительного охлаждения доменных печей, разливку алюминия в электромагнитном поле, дешевый метод извлечения магния, на «водяную пушку» для дробления пород, на технологию подземной газификации бурого угля на больших глубинах залегания [8, с. 98].

⁵ Более половины патентов было продано Чехословакией. Остальные – СССР, Венгрией, ГДР, Польшей, Югославией, Болгарией, Румынией [68, р. 301].

⁶ Американских специалистов не допустили в интересовавшую их Черноголовскую лабораторию.

В историографии порой встречаются оценки, принижающие статус этого документа из-за его декларативности. «Брежнев и его кремлевские товарищи придавали «Основам взаимоотношений» исключительно большое значение, потому что в них было сформулировано то, чего они добивались не один год – принцип равенства. Но о нем мало кто знал в США, потому что Киссинджер и Никсон скрыли этот документ от государственного секретаря Уильяма Роджерса», – пишет Д. Рейли [58, р. 10]. Этот несбалансированный и по своей сути неверный вывод сводит разрядку к истории личных отношений между лидерами двух государств.

Президент США и Генеральный секретарь ЦК КПСС действительно сумели во время личной встречи преодолеть имевшиеся у них предубеждения и наладить личный контакт, что значительно облегчило продвижение многих инициатив в последующие годы. Однако реальный сдвиг в межгосударственных отношениях не был следствием только субъективного фактора. И советские, и американские документы запечатлели многочисленные отзывы обоих руководителей друг о друге, свидетельствующие о том, что каждый из них отдавал должное уму, проницательности и деловым качествам партнера. В то же время оба осознавали себя лидерами великих государств («... а не какой-нибудь Гвинеи») [58, р. 30], военно-политических блоков и социально-экономических систем. В этой роли они прагматично и последовательно добивались поставленных целей, руководствуясь интересами своих государств. И, конечно, Никсон и его помощник по национальной безопасности «не скрывали» от американской общественности факт подписания этой декларации, более того, она была представлена Конгрессу как значительное достижение.

Интерпретация «Основ взаимоотношений» обеими сторонами не допускала двусмысленностей. В коммерческой сфере этот документ ориентировал на распространение друг на друга принципа наиболее благоприятствуемой нации (MFN), в области науки и технологий – равное и взаимовыгодное сотрудничество в интересах народов двух стран. Весьма показательным, что в перечне заключенных научно-технических соглашений отразились в первую очередь те отрасли знаний, которые находились под наиболее пристальным вниманием разведок обоих государств. Участникам соглашений в тот момент хотелось делиться секретами друг с другом. Конечно, не все, но многие из них считали, что у разрядки есть долговременная перспектива.

Внутреннее напряжение в американо-советском диалоге тем не менее после подписания этого документа сохранялось, и несмотря на установление рабочих и продуктивных связей между государственными руководителями и успешную работу ряда двусторонних органов, некоторые вопросы оставались нерешенными.

Изменение правил торговли с СССР в США обсуждалось с первых недель пребывания у власти администрации Никсона. Еще в 1969 г. был принят «Закон о регулировании экспорта». В ходе дебатов по поводу его принятия отмечалось, что необоснованное ограничение экспорта отрицательно сказывается на платежном балансе США, предлагалось провести работу по пересмотру и сокращению санкционных списков, включавших товары и технологии, которые, по мнению американской стороны, имели военное или двойное назначение. Более широкому научно-технологическому обмену препятствовали также сохранявшиеся ограничения в рамках созданного по инициативе США еще в 1949 г. Координационного комитета по экспортному контролю (КОКОМ), которому было предназначено стать своего рода «экономической рукой» НАТО [45, р. 361].

И списки КОКОМ, и рестрикционные реестры самих Соединенных Штатов формировались на основании главным образом оборонных и политических мотивов, эти механизмы с началом разрядки продолжали функционировать. 24 мая 1972 г. Г. А. Арбатов направил на Л. И. Брежневу и А. Н. Косыгину записки «О предоставлении СССР режима наибольшего благоприятствования» и «О развитии экспортных отраслей» с приложением обширного перечня товаров возможного советского экспорта в США, облагаемых высокими дискриминационными пошлинами, включавший сотни наименований. Помимо традиционного перечисления видов сырья и строительных материалов, документ включал машины, оборудования, дизели, гидротурбины, вертолеты и иные изделия, способные, по мнению автора записки, выдержать конкуренцию на американском рынке [19, л. 101–103].

Другое приложение было посвящено проблеме контроля за экспортом из США в Советский Союз. В нем констатировалось, что все контролируемые экспортные товары делятся на две группы: во-первых, оружие, военное снаряжение и атомные материалы; во-вторых – «товары новейшей технологии: электронное оборудование, химические товары, нефтепродукты, приборы и аппаратуру для научных исследований, некоторые металлы и минералы, оборудо-

вание для химической и нефтяной промышленности, синтетический каучук и синтетические материалы». Отдельно указывалось на контроль над продажей в СССР новых технологических процессов. Далее сообщалось, что на середину 1971 г. американские списки содержали около 1000 товарных позиций и по-прежнему носили «более запретительный характер, чем списки, которыми руководствуются при экспорте в социалистические страны другие страны Запада». Списки КОКОМ к тому времени насчитывали порядка 600 позиций [19, л. 104].

Вступая в переговоры на предмет устранения дискриминационных ограничений в торговле и научно-техническом взаимодействии, советская сторона исходила из того, что на основе взаимности удастся устранить большую часть существовавших ограничений. Тем не менее в ряде случаев дискриминация сохранялась.

Наиболее показательными были примеры, касавшиеся компьютерной техники. Около двух третей компьютеров в США в то время использовались в военных целях, и лишь треть – в гражданских [35, р. 135]. Американцам удалось достичь явного лидерства в производстве вычислительной техники. Советник президента Дж. Форда по науке и технике, возглавивший в 1976 г. только что созданное Управление научно-технической политики, Гейфорд Стивенс в интервью 1993 г. отмечал, что будучи председателем американо-советской комиссии по технологическим обменам, в середине 1970-х гг. он посетил в СССР несколько предприятий по производству электроники и пришел к выводу, что «в области электроники, производства компьютеров, создания чипов они (советские ученые. – *Авт.*) были намного позади нас. По части создания чипов они находились в самом начале пути» [62]. Отставание стран СЭВ в этой отрасли было и количественным⁷, и качественным (по разным оценкам, на срок от 2–3 лет, а по некоторым компонентам – и до 10 лет) [66, р. 423; 67, р. 499].

Стремясь удерживать такое положение как можно дольше, Вашингтон строго контролировал импорт компьютеров, их компонентов и лицензий из стран Запада. В частности, в 1960-х гг. американской стороной неоднократно блокировались попытки продажи британских компьютеров в СССР на том основании, что они могли быть использованы в военных целях [36, р. 137, 139, 140]. В 1970 г. британская фирма International Computers Limited (ICL) получила заказ на два компьютера ICL 1906A для Института физики высоких энергий в Серпухове на замену советской БЭСМ⁸ (первоначально им планировалось закупить американские CDC 6600, однако эта заявка была заблокирована в КОКОМ), но вынуждена была запросить одобрения американской стороны. Министерство обороны США выступило резко против такой сделки, и только в ходе переговоров британского премьер-министра Э. Хита с президентом Никсоном и госсекретарем У. Роджерсом вопрос был решен положительно. При этом в качестве условия СССР пришлось согласиться на обеспечение доступа иностранных инспекторов к импортируемым компьютерам, чтобы те могли контролировать использование техники исключительно в мирных целях. Впоследствии данное условие применялось и в остальных аналогичных сделках [67, р. 500].

Продажа вычислительной техники оставалась проблемным вопросом на протяжении всего периода разрядки. В начале первого президентского срока Никсон выступил с заявлением об ужесточении контроля в сфере экспорта компьютерных технологий. К продаже в социалистические страны допускались процессоры со скоростью обработки данных не более 8 млн бит в секунду. Затем на фоне политического «потепления» последовали некоторые послабления. 14 марта 1974 г. Киссинджером был подписан меморандум национальной безопасности NSDM-247, в котором операционная скорость доступных к продаже устройств повышалась до 32 млн бит в секунду [44, р. 1, 23].

Во второй половине 1970-х гг. политика «разрядки» пошла на убыль, что отразилось и на экспортном курсе США. В июне 1977 г. Картер наложил запрет на продажу в СССР компьютеров CDC Cyber 76 для использования в метеорологических исследованиях [31, с. 29]. Через год, в июне 1978 г., была сорвана намечавшаяся сделка по продаже за 6,8 млн долл. компьютера Sperry-Univac для советского ТАСС (при этом ранее в СССР уже были проданы более мощные компьютеры компаний CDC и IBM [66, р. 422]).

⁷ На долю стран СЭВ в 1970 г. приходилось только 6 % мирового рынка компьютеров. Сильно отставали они и по количеству компьютеров на душу населения: в СССР на миллион человек приходилось 23 компьютера, в ГДР – 21, в Болгарии – 5, в Румынии – 2 (для сравнения: в Японии – 56, в Великобритании – 91, в США – 344, средний мировой показатель – 31) [68, р. 294].

⁸ Большая электронная счетная машина.

Другие ограничительные меры в области высокотехнологичных поставок Картер также объяснил желанием ограничить конкурентные возможности СССР, прежде всего на углеводородном рынке, а также в других ключевых областях мировой торговли [40]. Президент подчеркивал, что разрядка не отменяет конкуренцию между системами, которая по его оценке должна была продлиться не менее 15–20 лет [43]. И в этом контексте все чаще в качестве триггера для ужесточения контроля над поставками в СССР наукоемких технологий использовалась правозащитная тематика. Президент и высокопоставленные члены его администрации регулярно делали публичные заявления о том, что советское руководство добровольно подписало Заключительный Акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и Декларацию о правах человека ООН, и подчеркивали, что любые нарушения норм, закрепленных в этих документах, заслуживают осуждения [38].

Картер, не желая давать поводов для обвинений во вмешательстве во внутренние дела СССР, регулярно отрицал наличие прямой связи между санкционной политикой и преследованием диссидентов в СССР [41]. На пресс-конференции 20 июля 1978 г. он уверял, что отмена компьютерной сделки продиктована не политическими, а техническими и экономическими соображениями, поскольку новый Sperry-Univac мог позволить Советам совершить мощный технологический скачок в области собственного компьютерного производства [40]. В итоге советская сторона вышла из положения посредством покупки оборудования у французской фирмы Honeywell Bull, а в 1979 г. американцы сняли запрет на покупку «Юниваков» [34, р. 94]. Но произошло это незадолго до того, как началась одна из наиболее интенсивных санкционных компаний против СССР второй половины XX в.

Поправка Джексона – Вэника и проблема прав человека. Отмена сделки по приобретению компьютера Sperry-Univac по времени совпала с арестами советских диссидентов А. Гинзбурга, А. Щаранского и ряда других участников Московской Хельсинкской группы. Эти события вызвали в США оживленную кампанию, во время которой продвигалась идея использования правозащитной темы для усиления давления на СССР, в том числе и путем свертывания сотрудничества в научно-технической сфере.

Судьба диссидентов и условия выезда из СССР евреев неоднократно возбуждали на Западе дискуссии и призывы к прекращению или сокращению сотрудничества с социалистическими странами. Эти темы использовались для пропагандистских компаний, становились поводами для законодательных ограничений в торговле. Наиболее резонансным и значимым по своим последствиям событием такого рода стала поправка Джексона – Вэника 1974 г., фактически обнулившая одно из главных достижений 1972 г. – торговое соглашение, распространившее принцип MNF на двусторонние коммерческие связи [32]. История 1970-х изобиловала разного рода демонстративными актами^{9,10} официальными обращениями деятелей культуры и науки¹⁰, отменами поездок западных ученых в СССР (как, например, в ответ на судебные процессы по делу физика Ю. Орлова) [50, р. 460]. В США создавались общественные организации, ставившие целью борьбу против притеснений ученых в СССР, такие как «Комитет обеспокоенных ученых» (Нью-Йорк, 1973 г.), Комитет американских ученых в поддержку Сахарова, Орлова и Щаранского (Scientists for Sakharov, Orlov & Shcharansky, SOS) в Беркли (1978 г.) [13, с. 314; 50, р. 462, 463]. Эти группы выступали за введение моратория на контакты с СССР и на запрет передачи сложных технологий до тех пор, пока советские власти не прекратят нарушать права человека. Член исполнительного комитета SOS Курт Готфрид отмечал, что СССР, нуждаясь в передовых технологиях, не в состоянии обеспечить ту степень свободы, которая необходима для технологического прогресса, так как в современном мире общения посредством научных публикаций для ученых недостаточно, им необходимы личные контакты, свободный обмен мнениями и достижениями [50, р. 463].

Глубокая ревизия советско-американских отношений в области научно-технологического обмена была проведена в 1976 г. Для этого была создана специальная комиссия под председательством вице-президента компании «Тексас Инструментс» Дж. Ф. Бьюси, которая

⁹ В августе 1973 г. группа из 41 западного ученого, прибывших в СССР на Международную конференцию по магнетизму, посетила физика Александра Воронеля, которому было запрещено участвовать в этой конференции [50, р. 461].

¹⁰ Президент Национальной Академии наук США Ф. Хэндлер предупредил президента АН СССР М. В. Келдыша, что давление на А. Н. Сахарова может привести к ухудшению отношений между двумя Академиями наук [50, р. 461].

высказалась за пересмотр контрольных списков КОКОМ, сосредоточив внимание на «критических технологиях» (в частности, компьютерах и буровом оборудовании), доступ которых в социалистические страны рекомендовалось минимизировать [53, р. 101–103]. Заключение Комиссии Бьюси впоследствии использовалось при подготовке новых ограничительных списков для внешнеторговых ведомств.

К концу 1970-х гг. и в СССР, и в США все более явным становилось разочарование по поводу неоправдавшихся ожиданий от детанта. Российские исследователи В. О. Печатнов и А. С. Маныкин в этой связи справедливо указывали на то, что укоренившееся в сознании элит обоих государств конфликтное поведение ослабляло «фундамент разрядки» [16, с. 448]. С американской стороны все чаще стали звучать реплики в том смысле, что СССР получает слишком много односторонних преимуществ от обмена технологиями с развитыми западными странами.

У советской стороны имелся набор встречных упреков, и в верхней части списка находились дискриминационная поправка Джексона – Вэника к «Акту о торговле 1974 г.», факты вмешательства во внутренние дела СССР в связи с поддержкой диссидентов, обвиненных в государственной измене, а также проволочки с ратификацией ОСВ-2 и решение НАТО о размещении в Европе ракет средней дальности.

Руководство СССР болезненно воспринимало обвинения в нарушениях прав человека и квалифицировало американские представления об интеллектуальной свободе и свободе передвижения в СССР как пропагандистские манипуляции. Встречаясь с группой американских сенаторов, посетивших СССР в августе 1983 г., Председатель Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропов, в ответ на реплику о притеснении диссидентов и препятствиях, якобы чинимых советскими властями для выезда из страны «желающих», «особенно евреев», сказал буквально следующее: «За последний период, вплоть до первого июля этого года, из Советского Союза выехали на постоянное жительство в Израиль более 273 тысяч человек. Из рассмотренных за эти годы заявлений с просьбой о выезде было удовлетворено 92,8 %. И лишь 7,2 % из общего числа подавших заявления не получили заявления на выезд. Это были люди, которые по роду своей деятельности имели доступ к сведениям, составлявшим государственную тайну, или лица, отбывающие наказания за совершенные ранее преступления. Могу еще добавить, что из Советского Союза в Соединенные Штаты за последние пять с половиной лет выехали на постоянное жительство 12,7 тысяч человек, а на временное жительство – еще около 10,5 тысяч человек. Разве это похоже на создание препятствий для желающих выехать?» [19, л. 131, 133, 134].

Вопрос советского руководителя был риторическим. К тому моменту разрядка уже стала историей, возможности подвести под ее основание фундамент научного сотрудничества, технологических, образовательных и культурных обменов и взаимовыгодной торговли была упущена. Лидерам СССР и США не удалось сбалансировать ее конкурентные и кооперативные аспекты разрядки.

В 1980–1982 гг. были полностью прекращены или заморожены советско-американские научные программы. Национальная академия наук США заявила о приостановлении контактов с АН СССР на полгода. Более половины опрошенных американских ученых высказались за сокращение научных обменов с СССР и даже за отказ от дипломатических отношений с Москвой. Масла в огонь подлила горьковская ссылка академика А. Н. Сахарова. В ответ на это событие на рассмотрение Конгресса США 30 января 1980 г. была внесена резолюция «Определение политики США в отношении научно-технологических обменов с СССР», в которой предлагалось прекратить поездки американских ученых в Советский Союз на год, за исключением случаев важных с точки зрения национальной безопасности [50, р. 471].

Советское правительство категорично отвергало обвинения американской стороны, выражало протесты в связи с продолжавшимися попытками Вашингтона вмешиваться во внутренние дела СССР и по поводу сохранявшихся дискриминационных правил экспорта интересовавших Москву товаров и технологий. Во время упоминавшейся ранее встречи с сенаторами Конгресса США Ю. В. Андропов, в ответ на обвинения в том, что действия СССР привели к срыву разрядки, напомнил, что США заняли деструктивную позицию в отношении СССР по многим вопросам, включая ратификацию договора ОСВ-2, еще до ввода ограниченного контингента советских войск в Афганистан, «и, таким образом, эти события тут ни при чем» [19, л. 131, 133, 134]. Такова была официальная позиция советского руководства. Вряд ли она могла быть иной – за пять месяцев до того, как были сказаны эти слова,

президент Р. Рейган назвал СССР «империей зла» и публично указал на его безнадежную технологическую отсталость.

Выводы. Ввод ограниченного контингента советских войск в Афганистан 25 декабря 1979 г. вызвал новое обострение международных отношений. Вашингтон выступил с резким осуждением действий СССР. В обращении к нации 4 января 1980 г. Картер заявил: «Советы должны понять наше глубокое беспокойство. Мы отложим открытие каких бы то ни было новых американских и советских консульских служб, большая часть культурных и экономических обменов, возможность которых в настоящее время рассматривается, также будет приостановлена. Торговля с Советским Союзом будет строго ограничена. Я решил остановить или сократить экспорт в Советский Союз по трем направлениям, которые особенно важны для них. Эта новая политика будет скоординирована с нашими союзниками. Я распорядился прекратить выдачу лицензий на продажу Советскому Союзу высоких технологий и стратегических материалов впредь до пересмотра нашей политики лицензирования» [39, р. 23].

Следует отметить, что документ о приостановке выдачи лицензий на торговлю с СССР и об иных мерах экспортного контроля был направлен на рассмотрение Конгресса 29 декабря, т. е. всего через четыре дня после начала афганских событий [37, pp. 2290–2297]. Высокая «реактивность» в принятии решения по вопросу о торговле и обменах, на изучение которого в обычное время тратятся многие месяцы, говорит о том, что администрация в принципе была готова к такому повороту.

Вскоре против СССР был введен пакет новых санкций. В частности, 18 марта 1980 г. вступил в силу запрет на продажу Советскому Союзу любых технологий, а 19 января 1982 г. на очередной конференции КОКОМ был утвержден пакет экономических мер против СССР, включавший запрет на продажу компьютеров, электрооборудования, полупроводников, робототехники, телекоммуникационного оборудования [52, р. 526]. Дальнейшие законодательные акты правительства США и постановления КОКОМ способствовали закреплению курса на сокращение обменов с СССР [49, р. 1151].

Массированное экономическое давление не изменило курс советского правительства. Оскудение потока товаров и технологий из США не произвело шокового эффекта на советскую экономику – отчасти из-за того, что Москва уже научилась находить альтернативных поставщиков и обладала достаточно современной научно-технологической базой, но главным образом потому, что в предшествующие годы этот поток так и не стал существенной опорой советской экономики. Последствия санкций носили отложенный характер. Были заморожены некоторые крупные проекты, усугубились многие старые экономические проблемы, что в условиях нарастающего системного кризиса имело негативные последствия¹¹.

Разрядка завершилась. Политические последствия ее обвального прекращения известны. Что касается других ее граней, таких, например, как влияние срыва на последующее развитие науки и технологий, то здесь еще многое предстоит выяснить.

Историк из Великобритании Д. Рейнольдс пишет, что к началу 1970-х гг. сложились две изолированные, но взаимодополняемые системы Большой Науки, и приходит к заключению, что «технологии, которые сформировали мир конца XX в., были продуктом не коммунизма, а капитализма, и это обстоятельство оказалось чрезвычайно важным для итогов Холодной войны» [59, р. 382]. В этой связи следует отметить, что даже после того, как многие технологические инновации Запада получили возможность продемонстрировать свои возможности в конце XX – начале XXI в., данный вывод не кажется безоговорочным.

Мы никогда не узнаем, каким был бы мир, если бы не были прерваны те научные программы, которым был дан старт в начале 1970-х, но и сегодня очевидно, что деятели науки мыслили преимущественно категориями не «самоизоляции», а «взаимодополняемости».

Научно-технологический и политический треки разрядки далеко не всегда развивались синхронно. Политическое руководство обеих держав действовало в те годы преимущественно в парадигме военно-стратегического паритета и не расставалось с мыслью выйти из этого противостояния победителем. Несмотря на обилие миролюбивой риторики, в 1970-е гг. многие инструменты Холодной войны сохранились (научно-техническая разведка, экономические санкции и другие дискриминационные меры, внутреннее законодательство, блокирую-

¹¹ Например, из-за запрета экспорта фосфорной кислоты в СССР была сорвана сделка по продаже Москвой крупной партии фосфатов иностранным потребителям на сумму 20 млрд долл. Из-за ограничений на поставку труб в СССР отложилось до 1982 г. завершение строительства трубопровода «Уренгой – Помары – Ужгород» [1, с. 57; 61, р. 47].

щее межгосударственные соглашения и проч.) или даже укрепили свои позиции. В этом смысле Холодная война в годы разрядки не прекращалась ни на мгновение.

И в Белом доме, и в Кремле на процессы научно-технологического обновления мира по инерции смотрели как на вторичные, тогда как в 1970-е гг. именно в этом ядре зарождались наиболее продуктивные процессы мировой истории. Рассогласованность геополитических устремлений, военно-стратегических амбиций, миссионерских программ и научно-технологических возможностей привела к парадоксальному и весьма травмирующему для всего мирового сообщества результату – глобализация начиналась с нового раскола мира.

Список литературы

1. Архипова В. В., Комолов О. О. Развитие международных санкционных режимов: исторический аспект // Российский внешнеэкономический вестник. 2016. № 3. С. 53–69.
2. Батюк И. В. Холодная война между США и СССР (1945–1991) : очерки истории. М. : Весь мир, 2018. 336 с.
3. Берденников Н. А. Важная область советско-американского сотрудничества // США. Экономика, политика, идеология. 1972. № 11. С. 3–13.
4. Венедиктов В. В. Советско-американское сотрудничество в области здравоохранения // США. Экономика, политика, идеология. 1979. № 4. С. 3–13.
5. Венедиктов Д. Д. Первые итоги сотрудничества в области здравоохранения // США. Экономика, политика, идеология. 1973. № 9.
6. Гейвандов С. К. «Технологическая политика» США в отношении СССР / отв. ред. П. Т. Подлесный. М. : Наука, 1985. 189 с.
7. Глобальная стратегия США в условиях научно-технической революции / отв. ред. Г. А. Арбатов. М. : Мысль, 1979. 452 с.
8. Елисеев Л. СССР – США: отношения развиваются // Международная жизнь. 1972. № 6.
9. Камбалов С. Л. Важное средство развития торговли // США. Экономика, политика, идеология. 1974. № 6.
10. Кириченко Э. В. Экспортный контроль как инструмент поддержания лидерства США в меняющемся мире // Полис. Политические исследования. 2020. № 1. С. 74–88.
11. Колпакиди А. И. Внешняя разведка СССР. URL: <https://history.wikireading.ru/50490>.
12. Кременюк В. А. Уроки холодной войны : монография. М. : Аспект Пресс, 2015. 320 с.
13. Орлов Ю. Ф. Опасные мысли: мемуары из русской жизни. М. : Аргументы и факты, 1992. 349 с.
14. Петров Б. Н. Перспективы советско-американского сотрудничества в исследовании космического пространства // США. Экономика, политика, идеология. 1973. № 2.
15. Петросьянц А. М. Сотрудничество по программе «мирный атом» // США. Экономика, политика, идеология. 1974. № 3.
16. Печатнов В. О., Манькин А. С. История внешней политики США. М. : Международные отношения, 2012. 672 с.
17. Писарев В. Д. Итоги и перспективы океанографического сотрудничества СССР – США // США. Экономика, политика, идеология. 1979. № 7. С. 56–59.
18. Писарев В. Д. Советско-американское сотрудничество в области исследования Мирового океана // США. История, политика, идеология. 1974. № 10.
19. РГАНИ (Российский государственный архив новейшей истории). Ф. 2. Оп. 3, Д. 168; Ф. 5. Оп. 60. Д. 486; Ф. 80. Оп. 1. Д. 90, 792, 794; Ф. 82. Оп. 1. Д. 36. Л. 131, 133–134.
20. РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 9480. Оп. 9. Д. 2230.
21. Серегин И. СССР – США: научно-техническое сотрудничество // Международная жизнь. 1972. № 4. С. 109.
22. Ситников Б. П. За взаимовыгодную торговлю без дискриминации // США. Экономика, политика, идеология. 1976. № 4.
23. Улунян Ар. А. Восточноевропейская часть СЭВ глазами «главного противника»: оценки и прогнозы ЦРУ США в 1964–1978 гг. // Мировая система социализма и глобальная экономика в середине 1950-х – середине 1970-х гг. / отв. ред. М. А. Липкин. М. : Изд-во Весь мир, 2019. С. 232–241.
24. Хозин Г. С. Новое соглашение об исследовании космоса // США. Экономика, политика, идеология. 1977. № 8. С. 68–72.
25. Хозин Г. С. ЭПАС и перспективы сотрудничества в космосе // США. Экономика, политика, идеология. 1976. № 4. С. 36–44.
26. Шейдина И. Л. Научно-технические связи с американскими фирмами // США. Экономика, политика, идеология. 1974. № 12. С. 28–27.
27. Шейдина И. Л. О сотрудничестве в области науки и техники // США. Экономика, политика, идеология. 1974. № 1. С. 28–39.
28. Шейдина И. Л. Советско-американские научно-технические связи // Международная жизнь. 1974. № 11. С. 51–56.

29. *Шершнев Е. С.* Советско-американские экономические отношения, их перспективы // США. Экономика, политика, идеология. 1973. № 1. С. 18–28.
30. *Шмухрылёв М. В., Москвин С. В.* Опыт НТР СССР и его применение в современных условиях // Политическая история России: прошлое и современность. Исторические чтения. СПб., 2021. С. 266–278.
31. *Юлин В. А.* Политика «условной гибкости» в торговле с СССР // США. Экономика, политика, идеология. 1980. № 6.
32. *Юнгблуд В. Т., Ильин Д. В.* Поправка Джексона – Вэника и развитие советско-американских отношений в 1972–1975 гг. // Вестник МГИМО-Университета. 2020. № 13 (2). С. 7–39.
33. Basic Principles of Relations between the United States of America and the Union of Soviet Socialist Republics. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/text-the-basic-principles-relations-between-the-united-states-america-and-the-union-soviet> (дата обращения: 08.12.2022).
34. *Bingham J. B.* The Export Administration Act of 1979: A Congressional Perspective (with the remarks by Ed. L. Goldman) // Proceedings of the Annual Meeting (American Society of International Law). 1980. Vol. 74. Pp. 88–94.
35. *Cain F.* Computers and the Cold War: United States Restrictions on the Export of Computers to the Soviet Union and Communist China // Journal of Contemporary History. 2005. Vol. 40. No. 1. Pp. 131–147.
36. *Cain F.* Economic Statecraft during the Cold War: European responses to the Cold War. N. Y. : Routledge, 2007. 211 p.
37. *Carter J.* Export Controls for Foreign Policy Purposes. Letter to the Speaker of the House and the President of the Senate, December 29, 1979 // Public Papers of the Presidents of the United States: Jimmy Carter. 1980–81 (in two books). Book II – June 23 to December 1931, 1979. Washington : US GPO, 1980. Pp. 2290–2297.
38. *Carter J.* Interview with the President Question-and-Answer Session with West German Reporters, July 11, 1978. The American Presidency Project. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/interview-with-the-president-question-and-answer-session-with-west-german-reporters> (дата обращения: 08.12.2022).
39. *Carter J.* Soviet invasion of Afghanistan. Address to Nation, January 4, 1980 // Public Papers of the Presidents of the United States: Jimmy Carter. 1980–81 (in three books). Book I – January 1 to May 23, 1980. Washington : US GPO, 1981. Pp. 21–24.
40. *Carter J.* The President's News Conference, July 20, 1978. The American Presidency Project. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/the-presidents-news-conference-987> (дата обращения: 08.12.2022).
41. *Carter J.* The President's News Conference, June 11, 1978. The American Presidency Project. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/node/248660> (дата обращения: 08.12.2022).
42. *Carter J.* The President's News Conference, June 14, 1978. The American Presidency Project. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/the-presidents-news-conference-989> (дата обращения: 08.12.2022).
43. *Carter J.* The President's News Conference, June 26, 1978. The American Presidency Project. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/the-presidents-news-conference-990> (дата обращения: 08.12.2022).
44. Council on International Economic Policy Decision Memorandum 22 (March 14, 1974). U.S. Policy on the Export of Computers to Communist Countries. URL: https://fas.org/irp/offdocs/nsdm-nixon/nsdm_247.pdf (дата обращения: 08.12.2022).
45. *Cupitt R. T., Grillot S. R.* COCOM is Dead, Long Live COCOM: Persistence and Change in Multilateral Security Institutions // British Journal of Political Science. 1997. Vol. 27. № 3. Pp. 361–389.
46. *Hatzivassiliou E.* Pointing to the Emerging Soviet Dead Ends: NATO Analysis of the Soviet Economy, 1971–1982. Wilson Center, Cold War International History Project. Working Paper 87. 2018. 109 p.
47. Key Issues in US – USSR Scientific Exchanges and Technology Transfer. Report prepared by the Subcommittee on Science, Research and Technology of the Committee on Science and Technology. US House of Representatives, Ninety-Sixth Congress, First Session. Serial W. November 1979. Washington : US Government Printing Office, 1979. 46 p.
48. *Kieninger S.* Dynamic Détente: The United States and Europe, 1964–1975. Lanham : Lexington Books, 2016. 356 p.
49. *Letterman G. G.* United States Regulation of High-Technology Exports. 1986. Vol. 20. URL: <https://scholar.smu.edu/til/vol20/iss4/4> (дата обращения: 08.12.2022).
50. *Lubrano L. L.* National and International Politics in US-USSR Scientific Cooperation // Social Studies of Science. 1981. Vol. 11. № 4. Pp. 451–480.
51. *Mastanduno M.* Economic Containment: CoCom and Politics of East-West Trade. Ithaca : Cornell University Press, 1992. 353 p.
52. *Mastanduno M.* Strategies of Economic Containment: U.S. Trade Relations with the Soviet Union // World Politics. 1985. Vol. 37. Pp. 503–531.
53. *Mastanduno M.* The United States Defiant: Export Controls in the Postwar Era // Daedalus. 1991. Vol. 120. № 4. Pp. 91–112.
54. *Moss R. A.* Nickson's back channel to Moscow: confidential diplomacy and Détente. Lawrence : the University Press of Kansas, 2016. 396 p.
55. National Intelligence Estimate 11-12-72. Soviet Military Research and Development, 19 September 1972. № 176. 66 p.

56. National Security Decision Memorandum 247. URL: https://irp.fas.org/offdocs/nsdm-nixon/nsdm_247.pdf (дата обращения: 08.12.2020).
57. Nixon R. Address by President Nixon to a Joint Session of the Congress Washington, June 1, 1972. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-joint-session-the-congress-return-from-austria-the-soviet-union-iran-and-poland> (дата обращения: 27.11.2022).
58. Raleigh D. R. «I Speak Frankly Because You Are My Friend»: Leonid Ilich Brezhnev's Personal Relationship with Richard M. Nixon // *The soviet and post-soviet review*. 2018. Pp. 1–32. DOI: 10.1163/18763324-20171286.
59. Reynolds D. Science, Technology and the Cold War // *Cambridge History of the Cold War*. Vol. III. Endings. Ed. by M. Leffler and O. A. Westad. Cambridge : Cambridge University Press, 2010. Pp. 378–399.
60. Souza K. A. The Joint US-USSR Biological Satellite Program // *BioScience*. 1979. Vol. 29. № 3. DOI: 10.2307/1307796.
61. Stankovsky J., Vale M. East-West Trade 1980 and Prospects for 1981 // *Soviet and Eastern European Foreign Trade*. 1982. Vol. 18. № 2. Pp. 3–39.
62. Stever G. H. An Interview Conducted by John Bryant, IEEE History Center, March 17, 1993. URL: https://ethw.org/Oral-History:H_Guyford_Stever (дата обращения: 08.12.2022).
63. Supplementary detailed Staff Reports on Foreign and Military Intelligence. Book IV: Final report of the Selected Committee to study Governmental operations with respect to intelligence activities. United States Senate. April 23 (under authority of the order of April 14), 1976. Washington : US GPO, 1976. 175 p.
64. Van Oudenaren J. De`tente in Europe: The Soviet Union and the West since 1953. Durham : Duke University Press, 1991. 490 p.
65. Vickers R. D. CIA's Office of Strategic Research: a brief History // *Studies in Intelligence*. 2018. Vol. 62. № 1. Pp. 39–47.
66. Wade N. American-Soviet Relations: The Canceled Computer // *Science, New Series*. 1978. Vol. 201. № 4354. Pp. 422–426. DOI: 10.1126/science.201.4354.422.
67. Wade N. Computer Sales to U.S.S.R.: Critics Look for Quid Pro Quos // *Science, New Series*. 1974. Vol. 183. № 4124. Pp. 499–501. DOI: 10.1126/SCIENCE.183.4124.499.
68. Wilczynski J. The East-West Technological Gap and the «Reverse» Flow of Technology // *Acta Oeconomica*. 1975. Vol. 15. № 1. Pp. 293–308.

Detente in Soviet-American relations: scientific and technological cross-section of the problem

V. T. Yungblud

Doctor of Historical Sciences, professor, professor of the Department of History and Political Sciences, Vyatka State University. Russia, Kirov. E-mail: youngblood@vyatsu.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of scientific and technical cooperation between the USSR and the USA in 1969–1979, which went down in history as a time of defusing international tension. The appeal to this topic is due to the significant place of foreign economic and scientific and technical ties on the agenda of bilateral US-Soviet relations. With the development of contacts between scientists of the two states, hopes were then pinned on the normalization of relations between East and West. The research focuses on several key questions: why did the hopes for long-term peaceful coexistence and the creation of a stable bipolar world not come true? What role did the inertia of the Cold War play in this? How have the ideas and actions of specific leaders influenced the course of history? How did the potentials of rivalry and cooperation of superpowers correlate within the framework of bilateral cooperation? The article is based on the documents of the Russian State Archive of Modern History and the Russian State Archive of Economics. American published documents and electronic documentary databases were also used. The conclusion is substantiated that the scientific, technological and political tracks of detente have not always developed synchronously. The political leadership of both powers acted in those years mainly in the paradigm of military-strategic parity and did not part with the idea of emerging from the superpower confrontation as a winner, which ultimately led to the collapse of the detente and a new round of confrontation.

Keywords: detente, Soviet-American relations, scientific and technical cooperation, Jackson–Vanik amendment, Brezhnev, Nixon.

References

1. Arhipova V. V., Komolov O. O. *Razvitie mezhdunarodnyh sankcionnyh rezhimov: istoricheskij aspekt* [Development of international sanctions regimes: historical aspect] // *Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik – Russian Foreign Economic herald*. 2016. No. 3. Pp. 53–69.

2. *Batyuk I. V. Holodnaya vojna mezhdru SShA i SSSR (1945–1991) : ocherki istorii* [The Cold War between the USA and the USSR (1945–1991) : essays on history]. M. The whole world (Ves' mir). 2018. 336 p.
3. *Berdennikov N. A. Vazhnaya oblast' sovetsko-amerikanskogo sotrudnichestva* [An important area of Soviet-American cooperation] // *SShA. Ekonomika, politika, ideologiya – USA. Economics, politics, ideology*. 1972. No. 11. Pp. 3–13.
4. *Venediktov V. V. Sovetsko-amerikanskoe sotrudnichestvo v oblasti zdravoohraneniya* [Soviet-American cooperation in the field of healthcare] // *SShA. Ekonomika, politika, ideologiya – USA. Economics, politics, ideology*. 1979. No. 4. Pp. 3–13.
5. *Venediktov D. D. Pervye itogi sotrudnichestva v oblasti zdravoohraneniya* [The first results of cooperation in the field of healthcare] // *SShA. Ekonomika, politika, ideologiya – USA. Economics, politics, ideology*. 1973. No. 9.
6. *Gejvandov S. K. "Tekhnologicheskaya politika" SShA v otnoshenii SSSR* ["Technological policy" of the USA in relation to the USSR] / ed. P. T. Podlesny. M. Nauka (Science). 1985. 189 p.
7. *Global'naya strategiya SShA v usloviyah nauchno-tekhnicheskoy revolyucii* – The global strategy of the USA in the conditions of the scientific and technological revolution / ed. G. A. Arbatov. M. Mysl (Thought). 1979. 452 p.
8. *Eliseev L. SSSR – SShA: otnosheniya razvivayutsya* [USSR – USA: relations are developing] // *Mezhdunarodnaya zhizn' – International life*. 1972. No. 6.
9. *Kambalov S. L. Vazhnoe sredstvo razvitiya torgovli* [An important means of trade development] // *SShA. Ekonomika, politika, ideologiya – USA. Economics, politics, ideology*. 1974. No. 6.
10. *Kirichenko E. V. Eksportnyj kontrol' kak instrument podderzhaniya liderstva SShA v menyayushchemsya mire* [Export control as a tool for maintaining U.S. leadership in a changing world] // *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political studies*. 2020. No. 1. Pp. 74–88.
11. *Kolpakidi A. I. Vneshnyaya razvedka SSSR* [Foreign Intelligence of the USSR]. Available at: <https://history.wikireading.ru/50490>.
12. *Kremenyuk V. A. Uroki holodnoj vojny : monografiya* [Lessons of the Cold War : monograph]. M. Aspect Press. 2015. 320 p.
13. *Orlov Yu. F. Opasnye mysli: memuary iz russkoj zhizni* [Dangerous thoughts: memoirs from Russian life]. M. Arguments and facts. 1992. 349 p.
14. *Petrov B. N. Perspektivy sovetsko-amerikanskogo sotrudnichestva v issledovanii kosmicheskogo prostranstva* [Prospects of Soviet-American cooperation in space exploration] // *SShA. Ekonomika, politika, ideologiya – USA. Economics, politics, ideology*. 1973. No. 2.
15. *Petros'yanc A. M. Sotrudnichestvo po programme "mirnyj atom"* [Cooperation under the Peaceful Atom program] // *SShA. Ekonomika, politika, ideologiya – USA. Economics, politics, ideology*. 1974. No. 3.
16. *Pechatnov V. O., Manykin A. S. Istoriya vneshnej politiki SShA* [The history of US foreign policy]. M. International Relations. 2012. 672 p.
17. *Pisarev V. D. Itogi i perspektivy okeanograficheskogo sotrudnichestva SSSR – SShA* [Results and prospects of oceanographic cooperation of the USSR – USA] // *SShA. Ekonomika, politika, ideologiya – USA. Economics, politics, ideology*. 1979. No. 7. Pp. 56–59.
18. *Pisarev V. D. Sovetsko-amerikanskoe sotrudnichestvo v oblasti issledovaniya Mirovogo okeana* [Soviet-American cooperation in the field of world ocean research] // *SShA. Istoriya, politika, ideologiya – USA. History, politics, ideology*. 1974. No. 10.
19. RSAMH (Russian State Archive of Modern History). F. 2. Inv. 3, File 168; F. 5. Inv. 60. File 486; F. 80. Inv. 1. File 90, 792, 794; F. 82. Inv. 1. File 36. Sh. 131, 133–134.
20. RSE (Russian State Archive of Economics). F. 9480. Inv. 9. File 2230.
21. *Seregin I. SSSR – SShA: nauchno-tekhnicheskoe sotrudnichestvo* [USSR – USA: scientific and technical cooperation] // *Mezhdunarodnaya zhizn' – International Life*. 1972. No. 4. P. 109.
22. *Sitnikov B. P. Za vzaimovыgodnuyu torgovlyu bez diskriminacii* [For mutually beneficial trade without discrimination] // *SShA. Ekonomika, politika, ideologiya – USA. Economics, politics, ideology*. 1976. No. 4.
23. *Ulunyan Ar. A. Vostochnoevropskaya chast' SEV glazami "glavnogo protivnika": ochenki i prognozy CRU SShA v 1964–1978 gg.* [The Eastern European part of the COMECON through the eyes of the "main enemy": estimates and forecasts of the US CIA in 1964–1978] // *Mirovaya sistema socializma i global'naya ekonomika v seredine 1950-h – seredine 1970-h gg.* – The world system of socialism and the global economy in the mid-1950s – mid-1970s. / ed. M. A. Lipkin. M. : The whole world. 2019. Pp. 232–241.
24. *Hozin G. S. Novoe soglasenie ob issledovanii kosmosa* [New agreement on space exploration] // *SShA. Ekonomika, politika, ideologiya – USA. Economics, politics, ideology*. 1977. No. 8. Pp. 68–72.
25. *Hozin G. S. EPAS i perspektivy sotrudnichestva v kosmose* [EPAS and prospects of cooperation in space] // *SShA. Ekonomika, politika, ideologiya – USA. Economics, politics, ideology*. 1976. No. 4. Pp. 36–44.
26. *Shejdina I. L. Nauchno-tekhnicheskie svyazi s amerikanskimi firmami* [Scientific and technical relations with American firms] // *SShA. Ekonomika, politika, ideologiya – USA. Economics, politics, ideology*. 1974. No. 12. Pp. 28–27.
27. *Shejdina I. L. O sotrudnichestve v oblasti nauki i tekhniki* [On cooperation in the field of science and technology] // *SShA. Ekonomika, politika, ideologiya – USA. Economics, politics, ideology*. 1974. No. 1. Pp. 28–39.

28. Shejdina I. L. *Sovetsko-amerikanskije nauchno-tekhicheskie svyazi* [Soviet-American scientific and technical relations] // *Mezhdunarodnaya zhizn'* – International life. 1974. No. 11. Pp. 51–56.
29. Shershnev E. S. *Sovetsko-amerikanskije ekonomicheskie otnosheniya, ih perspektivy* [Soviet-American economic relations, their prospects] // *SShA. Ekonomika, politika, ideologiya – USA*. Economics, politics, ideology. 1973. No. 1. Pp. 18–28.
30. Shmuhrylyov M. V., Moskvina S. V. *Opyt NTR SSSR i ego primenenie v sovremennykh usloviyakh* [The experience of the NTR of the USSR and its application in modern conditions] // *Politicheskaya istoriya Rossii: proshloe i sovremennost'. Istoricheskie chteniya* – Political history of Russia: past and present. Historical readings. SPb. 2021. Pp. 266–278.
31. Yulin V. A. *Politika "uslovnoy gibkosti" v torgovle s SSSR* [The policy of "conditional flexibility" in trade with the USSR] // *SShA. Ekonomika, politika, ideologiya – USA*. Economics, politics, ideology. 1980. No. 6.
32. Yungblyud V. T., Il'in D. V. *Popravka Dzheksona – Venika i razvitie sovetsko-amerikanskikh otnoshenij v 1972–1975 gg.* [The Jackson–Vanik Amendment and the development of Soviet-American relations in 1972–1975] // *Vestnik MGIMO-Universiteta* – Herald of MSUIR University. 2020. No. 13 (2). Pp. 7–39.
33. Basic Principles of Relations between the United States of America and the Union of Soviet Socialist Republics. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/text-the-basic-principles-relations-between-the-united-states-america-and-the-union-soviet> (date accessed: 08.12.2022).
34. Bingham J. B. The Export Administration Act of 1979: A Congressional Perspective (with the remarks by Ed. L. Goldman) // *Proceedings of the Annual Meeting (American Society of International Law)*. 1980. Vol. 74. Pp. 88–94.
35. Cain F. Computers and the Cold War: United States Restrictions on the Export of Computers to the Soviet Union and Communist China // *Journal of Contemporary History*. 2005. Vol. 40. No. 1. Pp. 131–147.
36. Cain F. *Economic Statecraft during the Cold War: European responses to the Cold War*. N. Y. : Routledge, 2007. 211 p.
37. Carter J. Export Controls for Foreign Policy Purposes. Letter to the Speaker of the House and the President of the Senate, December 29, 1979 // *Public Papers of the Presidents of the United States: Jimmy Carter. 1980–81 (in two books). Book II – June 23 to December 1981, 1979*. Washington : US GPO, 1980. Pp. 2290–2297.
38. Carter J. Interview with the President Question-and-Answer Session with West German Reporters, July 11, 1978. The American Presidency Project. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/interview-with-the-president-question-and-answer-session-with-west-german-reporters> (date accessed: 08.12.2022).
39. Carter J. Soviet invasion of Afghanistan. Address to Nation, January 4, 1980 // *Public Papers of the Presidents of the United States: Jimmy Carter. 1980–81 (in three books). Book I – January 1 to May 23, 1980*. Washington : US GPO, 1981. Pp. 21–24.
40. Carter J. The President's News Conference, July 20, 1978. The American Presidency Project. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/the-presidents-news-conference-987> (date accessed: 08.12.2022).
41. Carter J. The President's News Conference, June 11, 1978. The American Presidency Project. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/node/248660> (date accessed: 08.12.2022).
42. Carter J. The President's News Conference, June 14, 1978. The American Presidency Project. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/the-presidents-news-conference-989> (date accessed: 08.12.2022).
43. Carter J. The President's News Conference, June 26, 1978. The American Presidency Project. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/the-presidents-news-conference-990> (date accessed: 08.12.2022).
44. Council on International Economic Policy Decision Memorandum 22 (March 14, 1974). U.S. Policy on the Export of Computers to Communist Countries. Available at: https://fas.org/irp/offdocs/nsdm-nixon/nsdm_247.pdf (date accessed: 08.12.2022).
45. Cupitt R. T., Grillot S. R. COCOM is Dead, Long Live COCOM: Persistence and Change in Multilateral Security Institutions // *British Journal of Political Science*. 1997. Vol. 27. No. 3. Pp. 361–389.
46. Hatzivassiliou E. Pointing to the Emerging Soviet Dead Ends: NATO Analysis of the Soviet Economy, 1971–1982. Wilson Center, Cold War International History Project. Working Paper 87. 2018. 109 p.
47. Key Issues in US – USSR Scientific Exchanges and Technology Transfer. Report prepared by the Subcommittee on Science, Research and Technology of the Committee on Science and Technology. US House of Representatives, Ninety-Sixth Congress, First Session. Serial W. November 1979. Washington : US Government Printing Office, 1979. 46 p.
48. Kieninger S. *Dynamic Détente: The United States and Europe, 1964–1975*. Lanham : Lexington Books, 2016. 356 p.
49. Letterman G. G. United States Regulation of High-Technology Exports. 1986. Vol. 20. Available at: <https://scholar.smu.edu/til/vol20/iss4/4> (date accessed: 08.12.2022).
50. Lubrano L. L. National and International Politics in US-USSR Scientific Cooperation // *Social Studies of Science*. 1981. Vol. 11. No. 4. Pp. 451–480.
51. Mastanduno M. *Economic Containment: CoCom and Politics of East-West Trade*. Ithaca : Cornell University Press, 1992. 353 p.
52. Mastanduno M. *Strategies of Economic Containment: U.S. Trade Relations with the Soviet Union* // *World Politics*. 1985. Vol. 37. Pp. 503–531.

53. *Mastanduno M.* The United States Defiant: Export Controls in the Postwar Era // *Daedalus*. 1991. Vol. 120. No. 4. Pp. 91–112.
54. *Moss R. A.* *Nickson's back channel to Moscow: confidential diplomacy and Détente*. Lawrence : the University Press of Kansas, 2016. 396 p.
55. National Intelligence Estimate 11-12-72. Soviet Military Research and Development, 19 September 1972. No. 176. 66 p.
56. National Security Decision Memorandum 247. Available at: https://irp.fas.org/offdocs/nsdm-nixon/nsdm_247.pdf (date accessed: 08.12.2020).
57. *Nixon R.* Address by President Nixon to a Joint Session of the Congress Washington, June 1, 1972. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-joint-session-the-congress-return-from-austria-the-soviet-union-iran-and-poland> (date accessed: 27.11.2022).
58. *Raleigh D. R.* "I Speak Frankly Because You Are My Friend": Leonid Ilich Brezhnev's Personal Relationship with Richard M. Nixon // *The soviet and post-soviet review*. 2018. Pp. 1–32. DOI: 10.1163/18763324-20171286.
59. *Reynolds D.* *Science, Technology and the Cold War* // *Cambridge History of the Cold War*. Vol. III. Endings. Ed. by M. Leffler and O. A. Westad. Cambridge : Cambridge University Press, 2010. Pp. 378–399.
60. *Souza K. A.* The Joint US-USSR Biological Satellite Program // *BioScience*. 1979. Vol. 29. No. 3. DOI: 10.2307/1307796.
61. *Stankovsky J., Vale M.* East-West Trade 1980 and Prospects for 1981 // *Soviet and Eastern European Foreign Trade*. 1982. Vol. 18. No. 2. Pp. 3–39.
62. *Stever G. H.* An Interview Conducted by John Bryant, IEEE History Center, March 17, 1993. Available at: https://ethw.org/Oral-History:H_Guyford_Stever (date accessed: 08.12.2022).
63. Supplementary detailed Staff Reports on Foreign and Military Intelligence. Book IV: Final report of the Selected Committee to study Governmental operations with respect to intelligence activities. United States Senate. April 23 (under authority of the order of April 14), 1976. Washington : US GPO, 1976. 175 p.
64. *Van Oudenaren J.* *De`tente in Europe: The Soviet Union and the West since 1953*. Durham : Duke University Press, 1991. 490 p.
65. *Vickers R. D.* CIA's Office of Strategic Research: a brief History // *Studies in Intelligence*. 2018. Vol. 62. No. 1. Pp. 39–47.
66. *Wade N.* American-Soviet Relations: The Canceled Computer // *Science, New Series*. 1978. Vol. 201. No. 4354. Pp. 422–426. DOI: 10.1126/science.201.4354.422.
67. *Wade N.* Computer Sales to U.S.S.R.: Critics Look for Quid Pro Quos // *Science, New Series*. 1974. Vol. 183. No. 4124. Pp. 499–501. DOI :10.1126/SCIENCE.183.4124.499.
68. *Wilczynski J.* The East-West Technological Gap and the "Reverse" Flow of Technology // *ActaOeconomica*. 1975. Vol. 15. No. 1. Pp. 293–308.

ИСТОРИЯ В ДОКУМЕНТАХ

УДК 940.3/.4(55)

DOI: 10.25730/VSU.2070.22.040

Персия в арийских планах: тихие сражения Первой мировой войны

В. В. Марковчин

кандидат исторических наук, доцент, профессор, Юго-Западный государственный университет,
Россия, г. Москва. E-mail: markovchin@yandex.ru

Аннотация. Данная публикация продолжает цикл статей, посвященных взаимоотношениям между Германией и Персией, которые развивались еще в ходе Первой мировой войны. Публикуемые материалы представляют собой копии немецких телеграмм, которыми обменивались в конце 1915 – начале 1916 г. дипломаты и разведчики в здании телеграфа в г. Куме¹. Все они посвящены попыткам организации нового фронта на персидской территории с тем, чтобы облегчить положение рейхсвера на основных фронтах мировой войны.

Особую пикантность этим документам придает тот факт, что человек, первым расшифровавший немецкие телеграммы, а затем и сделавший их перевод, носил фамилию фон Бах². При этом среди немецкого персонала, оперировавшего в Персии, имелся господин Бах. Русский подданный в конкретный период времени занимал должность исполняющего обязанности Первого секретаря русской дипломатической миссии в Тегеране. Вторая же часть аналогичных материалов была отправлена в Санкт-Петербург, где ее также успешно расшифровали, получив ценную информацию о замыслах немцев в Персии, а также о роли представителей других государств, находившихся там же.

Благодаря общим усилиям Персия не пошла по пути, проложенному более года назад немецкими технологами в Константинополе, которым удалось с помощью золота и двух боевых кораблей с экипажами втянуть Османскую империю в губительную для нее войну против Антанты³.

Ключевые слова: Первая мировая война, Германия, Россия, Персия, деятельность немецкой разведки, расшифрованные телеграммы.

Документ 1

Тегеран, 8-го февраля 1916 г.

Шифрованные телеграммы германских агентов, захваченные на Кумском телеграфе, которые мне удалось разобрать, относятся ко времени от 1-го по 4-е декабря, т. е. ко дням, непосредственно предшествовавшим занятию нами Хамадана⁴ и разгрому неприятельских сил у Рабат-Керима⁵.

Телеграммы эти зашифрованы простым буквенным ключом, экземпляр которого при сем прилагается. Добытый материал с ясностью раскрывает планы наших врагов и обнаруживает главных руководителей германской организации.

Как известно, с отъездом принца Рейсского⁶ из Тегерана, германская агитация почти всецело была сосредоточена в руках второстепенных агентов. Оказывается, в дальнейшем эти агенты вели свое дело, можно сказать, самостоятельно, рассчитывая собственными усилиями создать из персов послушную и достаточно сильную организацию, чтобы с успехом бороться против русских войск и в конце концов перетянуть Персию на сторону наших врагов.

© Марковчин В. В., 2022

¹ Столица одноименной провинции в Иране, священный город шиитов.

² Бах фон Генрих Генрихович (1881 – после 1961), камер-юнкер, надворный советник, дипломат. В 1902 г. окончил Императорский Александровский лицей. С 1907 г. служил в российском императорском Министерстве иностранных дел. С 1917 г. – в эмиграции.

³ Явные орфографические ошибки в текстах документов исправлены.

⁴ Город в Иране, столица одноименной провинции.

⁵ Имеются в виду боестолкновения под селением Рабат-Керим, которое произошло 9 (22) декабря 1915 г., с участием частей русского экспедиционного кавалерийского корпуса и немецкими наемниками, федаинами и подразделениями жандармов под командованием эмира Хишмета.

⁶ Принц Рейсский – германский посол в Тегеране.

Для осуществления этого плана они не надеялись на помощь турецкого посла, зрелый опыт которого не мог не относиться отрицательно к неосновательной затее графа Каница⁷, Шюнемана⁸, Ронера⁹ и др. В своей телеграмме от 2-го декабря Шюнеман даже просит предупредить Каница, что «посол всеми силами орудует против наших планов». Ассим-бей¹⁰, очевидно, стремился задерживать ход событий до возможного прихода в Персию турецких войск, без наличия которых, по его мнению, всякий серьезный успех был исключен. Германские агенты, напротив, всемерно ускоряли темп событий, стараясь соблюдать при этом строгую тайну своих приготовлений. Их телеграммы отличаются необыкновенной самонадеянностью и верою в свои стратегические способности. Главные руководители – граф Каниц и Шюнеман. Последний в особенности возомнил себя великим полководцем. Его телеграммы Каницу от 3-го и 4-го декабря содержат придуманный им план наступления широким фронтом на Казвин¹¹. Рабат-Керимский удар положил конец этой иллюзии.

Персидские жандармы широко входят во все комбинации германских агентов. На них они рассчитывают как на главную боевую силу. Из разобранных телеграмм роль жандармов обнаруживается довольно наглядно. Не все шведские инструкторы согласны подчиняться германским директивам. Майор Нюстрём (нынешний начальник оставшихся на персидской службе жандармов) в достойном тоне телеграфирует Шюнеману из Кашана¹², отказывая исполнить просьбу о содействии. С начальником жандармов, полковником Эдвалем, человеком нерешительным, крайне ограниченным и лишенным личного авторитета, германские агенты решили не церемониться. В некоторых местах их телеграммы говорят о затруднениях, чинимых жандармским начальством. В одной из них упомянуто даже о выступлении жандармов в Саве¹³ против приказа из Тегерана. Из этого явствует, что жандармерия в целом не решалась перейти на сторону наших врагов. Однако с этими препятствиями Шюнеман рассчитывает покончить после занятия Тегерана и низвержения персидского правительства. Из шведских инструкторов большим доверием германских агентов, видимо, пользовался Фрик (телеграмма Ронера от 3-го декабря). Несомненно, что у Каница с некоторыми из шведов были заключены определенные контракты. Это обнаружено одной телеграммой Шюнеману.

Нет сомнения, что германские агенты не прекращали надеяться на выезд шаха¹⁴ из Тегерана еще 4-го декабря, ибо Шюнеман этим числом телеграфирует Ронери, что он считает главной целью, чтобы путь для шаха был всегда открыт.

Телеграммы лишней раз подтверждают, что с бахтиарскими¹⁵ ханами германцы были в постоянном общении.

При сем приложено в переводе девять наиболее содержательных телеграмм германских агентов из Кума, Солтанабада¹⁶ (Эрак) и Мелайера¹⁷ (Довлетабад).

Бах [1].

Документ 2

Копия секретного письма посланника в Тегеране от 11 февраля 1916 г., № 683.

Имею честь представить при сем Вашему превосходительству записку, поданную мне и. о. Первого секретаря вверенной мне миссии, камер-юнкером фон Бахом, которому удалось разобрать буквенный германский ключ, которым пользовались германский военный агент граф Каниц и другие германские агенты в Персии.

При сем представляется как самый ключ, так и переводы главных телеграмм, разобранных последним.

⁷ Георг Карл Элиас граф фон Каниц (1842–1922) – член германского рейхстага и военный атташе Германской империи в Тегеране.

⁸ Имеется в виду германский консул в Куме.

⁹ Ронер – представитель немецкого консульства в Султанабаде.

¹⁰ Мустафа Ассим Тургут (1870–1937) – турецкий государственный и политический деятель, младотурок. В 1914–1916 гг. был послом в Тегеране.

¹¹ Город на севере Ирана, административный центр остана Казвин.

¹² Город в Иране, в остане Исфahan.

¹³ Город на западе Ирана, в провинции Меркези.

¹⁴ Имеется в виду Ахмад Шах Каджар (1898–1930), персидский шах с 1909 по 1925 гг.

¹⁵ Группа племен юго-западного Ирана, проживающих в провинциях Чехармехаль и Бахтиария, Исфahan, а также в восточных частях Луристана и Хузестана.

¹⁶ Город в центральном остане Ирана, административный центр.

¹⁷ Город на западе Ирана, в провинции Хамадан.

Вместе с сим экземпляром означенного ключа пересылается генеральному консулу в Мешхеде¹⁸ и и. о. чиновника для пограничных сношений при наместнике.

Примите и пр.

Верно. Пом. секретаря: Мих. Алешин [2].

Документ 3

Германский буквенный ключ германских агентов в Персии 1915 г. [3].

A=O	B=N	C=P	D=Q	E=U	F=R
G=S	H=T	I=I	K=V	L=W	M=X
N=B	O=A	P=C	Q=D	R=F	S=G
T=H	U=E	V=K	W=L	X=M	Y=Y
Z=Z	J=J				

Документ 4

Перевод с немецкого. Секретно.

Шюнеман телеграфирует из Кума агенту Ронеру в Арак¹⁹ 1/14 декабря 1915 г.:

Эдваль думает, что он располагает²⁰ событиями. Однако мы его толкаем. Никакого выбора я ему не даю. Телеграфируйте Каницу, чтобы он не беспокоился, здесь в Куме дела идут отменно хорошо. Я убедительно прошу, чтобы он там, у себя, русских как можно дольше задержал бы. (Шифром) Мы выступаем отсюда в воскресенье ночью с 3000 на Тегеран и оттуда со всеми имеющимися у нас силами сейчас же на Казвин. Как только будет получено отсюда известие, что мы уже находимся по пути к Казвину, необходимо, чтобы у Хамадана русские были атакованы всеми силами. Этот план следует держать в полнейшем секрете, и ни один перс, кто бы он ни был, не должен быть в него посвящен. (Клером²¹) Положение у Саве хорошее. Жандармы против приказа из Тегерана сегодня выступили в Саве. Вышлите ваших жандармов тоже сюда, а равно и всех людей Ходжабр-эс-Салтанэ²². (Шифром) Во время нашего действия против Тегерана нам необходимо оттянуть как можно больше неприятельских сил отсюда, а также получить все ваши силы как можно скорее сюда. (Клэрор) Прошу вас выслать сюда все взрывчатые вещества и как можно скорее денег и т. д. [4].

Документ 5

Перевод с немецкого. Секретно. Срочно.

Шюнеман телеграфирует из Кума германскому консулу в Исфахане²³ 1/14 декабря.

(Шифром) Благоволите выслать Пашена с тремя ящиками золота кратчайшим путем в Кум. Пашен должен день и ночь скакать. За каждый час опоздания я его привлеку к самой строгой ответственности [5].

Документ 6

Перевод с немецкого.

Вероятно, Ронер телеграфирует из Султанабада Шюнеману в Кум (вероятно, 2/15 декабря 1915 г.).

Каниц просит его извещать о положении дел. Он выехал с де Маре²⁴ в Нехавенд²⁵. Настроение хорошее. Ему крайне необходимо получить как можно скорее лебелевские²⁶ патроны (шифром) в сборном пункте Нехавенд. Главные силы русских в Хамадане. Мы покамест остаемся в Мелайере. Выступим вперед, как только получим подкрепления через Низама. Как обстоят дела в Ноберане²⁷? Где эмир Хишмет²⁸? Каниц вас уполномочивает расторгнуть со

¹⁸ Город на северо-востоке Ирана, административный центр провинции Хорасан-Резави.

¹⁹ Столица провинции Маркази в Иране.

²⁰ Имеется в виду – управляет событиями.

²¹ Клер – часть телеграфного сообщения, передаваемого без элементов кодирования (шифрования).

²² Имеется в виду Кавам-эс-Солтане Ахмед (1879–1955) – государственный деятель Ирана, министр внутренних дел с 1911 г.

²³ Административный центр провинции Исфахан.

²⁴ Де-Маре – шведский инструктор, работавший в персидской жандармерии.

²⁵ Город на западе Ирана, в провинции Хамадан.

²⁶ Патроны для винтовки, сконструированной французским оружейником Николаем Лебелем в конце XIX в.

²⁷ Район в провинции Саве, Иран.

шведами контракт, если они не начнут военные действия, как только получат о том ваш приказ. (Кл.) Прошу срочно сообщить комитету, что я от него получаю сведения, противоречащие моим распоряжениям. Я такого вмешательства со стороны персов не допущу, так как сам знаю, как поступать [6].

Документ 7

Перевод с немецкого. Секретно.

Шюнеман телеграфирует из Кума агенту Ронеру в Арак 2/15 декабря 1915 г.

Из Тегерана сообщают и жалуются, что линия на Керманшах прервана нашими людьми. Сделайте все, что только в ваших силах, чтобы было установлено особое сообщение курьерами из Мелайера в Керманшах, ибо здесь находится много важных телеграмм для принца Рейсского и Cospoli²⁹.

Благоволите телеграфировать об успехе принимаемых вами мер в этом смысле. Доложите Каницу, что (шифром) посол всеми силами орудует против наших планов (кл.) Сегодня распространился слух из Тегерана, что министр-председатель³⁰ собирается подать в отставку. Прошу поддержать мои планы и для сего по возможности подкрепить имеющиеся здесь в моем распоряжении силы.

Помета: Вероятно, для Константинополя. Подпись (Паугс) [7].

Документ 8

Перевод с немецкого. Секретно.

Шюнеман телеграфирует из Кума агенту Хауку в Мелайер 3/16 декабря 1915 г.

Поздравляю с Железным крестом³¹. Необходимо много важных телеграмм отправить в Керманшах. Сделайте возможное, чтобы установить телеграфную связь посредством прокладки телеграфной линии Сэне-Хасанабад³² на Нахавенд³³. Таким образом мы не будем зависеть от Хамадана. Благоволите приказать Гаазе, который, как мне известно, находится по пути к Ноберану, чтобы он самым основательным образом и на далекое расстояние разрушил телеграфную линию Хамадан-Тегеран. Русские, по-видимому, придумали новый план. Они хотят (шифром) значительный отряд с Хамаданского направления выслать на Кум и Тегеран (кл.) Сообщите Каницу, что этому плану всячески следует противодействовать (шифром). Необходимо, чтобы он всячески занялся русскими и их задержал, пока мы не возьмем Тегерана и не будем уже на пути к Казвину. Тогда же, однако, необходимо повести наступление всеми силами и, если только окажется возможным, особенно стремительно во фланг русским у Ноберана и у Авэ. Я советую уже теперь концентрировать наши главные силы в этом направлении. Жду ответа [8].

Документ 9

Перевод с немецкого. Секретно.

Агент Ронер из Султанабада телеграфирует консулу Шюнеману (вероятно, 3/15 декабря 1915 г.).

Если ваше приказание аналогично с приказаниями комитета, то прошу вас мне таковые передавать непосредственно. В таком случае, мои распоряжения не будут отменяемы комитетом. Иначе я не могу работать. Каниц сообщает (шифром) постараюсь как можно больше денег ввезти в страну. Русские двинулись из Саманабада на Турукан. Это нам дает надежду, что наш крупный денежный транспорт дойдет сюда по кратчайшему пути. Высылаю завтра 3000 турецких фунтов с жандармом. Получил эти деньги из Боруджерда³⁴. Это для покрытия самых необходимых расходов. Нусретулла хан выступает завтра с 210 жандармами и 40 пехотинцами. Если будут недоразумения, то прошу устроить дело через Фрика. Англичанин Иэнг

²⁸ Эмир Хишмет – один из предводителей организованного немцами восстания в Иране.

²⁹ Латинское название Константинополя.

³⁰ Председателем правительства Персии в этот период был Мирза Хасан-хан Мустовфи аль-Мемалик.

³¹ Военный орден, с 1813 по 1945 г. последовательно вручался в Пруссии, Германской империи и нацистской Германии.

³² Город на западе Персии, в провинции Курдистан.

³³ Город на западе Персии, в провинции Хамадан.

³⁴ Город на западе Ирана, в провинции Лурестан.

по слухам прибыл в Шевехабд с деньгами. Он старается повлиять на бахтиар, особенно на Амира Дженга³⁵ и на Сердара Мохташема, чтобы их привлечь на сторону англичан. Благоволите всемерно противодействовать английским махинациям.

(Кл.) 60 верблюдов ушли за патронами. Сообщите немедленно, сколько будет выслано и сколько необходимо для Каница [9].

Документ 10

Перевод с немецкого. Секретно.

Граф Каниц из Арака телеграфирует Шюнеману в Кум (вероятно, 4/17 декабря 1915 г.).

(Шифром) Де Марэ отступил против моего распоряжения к Мелайеру. Люди очень устали. Надеюсь, однако, через несколько дней повести их опять вперед. Наступление русских на Кум мне кажется маловероятным. Ожидаю наступление их на Керманшах. Когда вы выступите по направлению к Тегерану? [10].

Документ 11

Перевод с немецкого. Секретно.

Шюнеман телеграфирует из Кума агенту Ронеру в Арак 4/17 декабря 1915 г.

Верблюдов здесь очень трудно найти. Постараюсь вам послать патроны. Повторяю свое требование, чтобы жандармы и все силы, которыми вы располагаете, были бы концентрированы по направлению к Куму, чтобы (шифром) путь для шаха был бы всегда открытым (кл.). Это теперь главная цель. Где находится Ходжабр-ос-Салтанэ? Находятся ли его люди по пути сюда? Что хочет Риза-хан³⁶ в Тегеране? Прошу немедленно ответить [11].

Документ 12

Перевод с немецкого. Секретно.

Шюнеман телеграфирует из Кума агенту Ронеру в Арак 4/17 декабря 1915 г.:

Для Каница (шифром) Я здесь прилагаю все усилия к тому, чтобы через Тегеран продвинуться вперед на Казвин. Все приготовления идут успешно. Жандармы еще делают затруднения, но они должны будут пойти с нами, как только мы низвергнем тегеранское правительство. Я вас прошу приблизительно до 23 декабря (нов. ст.) перегруппировать ваши силы таким образом, чтобы ваше правое крыло пришло в соприкосновение с моим левым крылом у Саве и Ноберана. Это ваше правое крыло я вас прошу усилить вашими лучшими войсками. Тогда мы, установив связь между собой и начав наступление на Казвин, будем в состоянии атаковать отступающие на Казвин и Тегеран русские войска, при весьма невыгодных для последних условиях, и мы их с Божьей помощью победим. Считая жандармов, я соберу в Тегеране приблизительно 5000 человек. Если вам удастся, не обращая излишнего внимания на Довлетабад³⁷ и Кенгавер³⁸, продвинуть ваше правое крыло в тыл неприятеля, то мне кажется при установившейся связи по всей нашей линии и одновременном наступлении вашего левого края наша диспозиция должна быть очень выгодной для нанесения решающего удара. Можете ли вы произвести перегруппировку вашего правого крыла до указанного срока? Мне кажется, что многое от этого зависит, ибо без этой перегруппировки и без установления тесной связи я боюсь, что нам не удастся одновременно и наиболее целесообразным образом использовать имеющиеся у нас силы, и что мы рискуем потерять наши лучшие шансы на успех [12].

Немецкая авантюра по вовлечению в Первую мировую войну Персии закончилась полной неудачей. Учитывая масштабы готовившегося восстания, а также степень любви восточных людей к звонкой монете, стоит предполагать, что эта авантюра обошлась немцам в очень круглую сумму.

Остается только добавить, что беспримерной доблестью солдат и офицеров корпуса под руководством генерала Н. Н. Баратова все попытки дестабилизации обстановки в Персии,

³⁵ Амир Бахадур-Дженг (1855–1917) – персидский политический и государственный деятель, министр обороны Персии.

³⁶ Мирза Риза-хан Арфа од-Довла (1846–1937) – иранский государственный и политический деятель, просветитель.

³⁷ Имеется в виду Даулатабад, селение в провинции Восточный Азербайджан.

³⁸ Город на западе Ирана, в провинции Керманшах.

предпринятые немецкими «специалистами», турецкими войсками и сочувствовавшими им заговорщиками, были решены в пользу российских войск. А русские дипломаты заранее узнали планы противника, чем снискали себе почет и уважение.

Список литературы и источников

1. АВП РИ (Архив внешней политики Российской империи). Ф. 134. Оп. 473. Д. 120.
2. АВП РИ (Архив внешней политики Российской империи). Ф. 134. Оп. 473. Д. 120. Л. 46.
3. АВП РИ (Архив внешней политики Российской империи). Ф. 134. Оп. 473. Д. 120. Л. 47.
4. АВП РИ (Архив внешней политики Российской империи). Ф. 134. Оп. 473. Д. 120. Л. 2.
5. АВП РИ (Архив внешней политики Российской империи). Ф. 134. Оп. 473. Д. 120. Л. 3.
6. АВП РИ (Архив внешней политики Российской империи). Ф. 134. Оп. 473. Д. 120. Л. 4.
7. АВП РИ (Архив внешней политики Российской империи). Ф. 134. Оп. 473. Д. 120. Л. 5.
8. АВП РИ (Архив внешней политики Российской империи). Ф. 134. Оп. 473. Д. 120. Л. 8.
9. АВП РИ (Архив внешней политики Российской империи). Ф. 134. Оп. 473. Д. 120. Л. 9.
10. АВП РИ (Архив внешней политики Российской империи). Ф. 134. Оп. 473. Д. 120. Л. 10.
11. АВП РИ (Архив внешней политики Российской империи). Ф. 134. Оп. 473. Д. 120. Л. 11.
12. АВП РИ (Архив внешней политики Российской империи). Ф. 134. Оп. 473. Д. 120. Л. 12.

Persia in Aryan plans: quiet battles of the First World War

V. V. Markovchin

PhD in Historical Sciences, associate professor, professor, Southwestern State University,
Russia, Moscow. E-mail: markovchin@yandex.ru

Abstract. This publication continues the series of articles devoted to the relationship between Germany and Persia, which developed during the First World War. The materials presented are copies of German telegrams exchanged in late 1915 – early 1916 by diplomats and intelligence officers in the telegraph building in the city of Kum. All of them are devoted to attempts to organize a new front on Persian territory in order to ease the position of the Reichswehr on the main fronts of the World War.

A special piquancy to these documents is given by the fact that the person who first deciphered the German telegrams, and then made their translation, bore the surname von Bach. At the same time, among the German personnel operating in Persia, there was Mr. Buck. The Russian citizen held the position of Acting First Secretary of the Russian diplomatic mission in Tehran for a specific period of time. The second part of similar materials was sent to St. Petersburg, where it was also successfully deciphered, having received valuable information about the intentions of the Germans in Persia, as well as about the role of representatives of other states who were there.

Thanks to common efforts, Persia did not follow the path laid out more than a year ago by German technologists in Constantinople, who managed to drag the Ottoman Empire into a disastrous war against the Entente with the help of gold and two warships with crews.

Keywords: World War I, Germany, Russia, Persia, German intelligence activities, decrypted telegrams.

References

1. АФП РЕ (Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire). F. 134. Inv. 473. File 120.
2. АФП РЕ. F. 134. Inv. 473. File 120. Sh. 46.
3. АФП РЕ. F. 134. Inv. 473. File 120. Sh. 47.
4. АФП РЕ. F. 134. Inv. 473. File 120. Sh. 2.
5. АФП РЕ. F. 134. Inv. 473. File 120. Sh. 3.
6. АФП РЕ. F. 134. Inv. 473. File 120. Sh. 4.
7. АФП РЕ. F. 134. Inv. 473. File 120. Sh. 5.
8. АФП РЕ. F. 134. Inv. 473. File 120. Sh. 8.
9. АФП РЕ. F. 134. Inv. 473. File 120. Sh. 9.
10. АФП РЕ. F. 134. Inv. 473. File 120. Sh. 10.
11. АФП РЕ. F. 134. Inv. 473. File 120. Sh. 11.
12. АФП РЕ. F. 134. Inv. 473. File 120. Sh. 12.

Археология Амура: опыт интерпретации изображения двойной череповидной личины петроглифов Сикачи-Аляна

З. С. Лапшина

кандидат исторических наук, докторант Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточное отделение Российской академии наук. Россия, г. Владивосток; доцент кафедры церковно-практических и исторических дисциплин, Хабаровская духовная семинария. Россия, г. Хабаровск. ORCID: 0000-0002-4283-7365. E-mail: Lapshinazoy@gmail.com

Аннотация. Возле селений Сикачи-Аляни Мальшево в Хабаровском крае находится памятник петроглифов, занимающий центральное место по количеству (более 200) и разнообразию рисунков. Первые печатные сообщения о нем появились в конце XIX в. Древние рисунки привлекали внимание отечественных и зарубежных ученых. Целенаправленное изучение петроглифов проводилось отрядом Дальневосточной археологической экспедиции во второй половине XX в.: был создан фундамент знаний по наскальному искусству Амура. Научные интересы автора сосредоточены на исследованиях нижнеамурских петроглифов. Предмет изучения – двойная личина на камне № 62. Цель статьи – описание двойной личины и интерпретация ее смыслового содержания. Методы исследования: культурно-исторический, а также авторский прием иконографии рисунков нижнеамурских личин, апробированный в течение более десятка лет. В итоге создана концепция о двойной череповидной личине как художественном образе двух мифических рожаниц, причастных к расположенной на камне трехчастной идеограмме «столб людоеда». Последняя включает маску верховного духа, вторую позицию занимает изучаемая нами двойная личина, третья позиция принадлежит изображению личины жертвы обряда. Череповидный и устрашающий вид рожаниц свидетельствует об их перемещении из небесной сферы космоса, где они были дарительницами жизни, в подземную, где стали выполнять функции владычиц преисподней, поглотителей душ умерших, их перерождения. В процессе перехода от материнского рода к отцовскому, рожаницы стали частью идеологии тайной мужской социальной группы, сформировавшей представления о нижнем мире и неизбежности смерти, а также мифологию трехчастного «столба людоеда». Четырнадцать комплексов подобного содержания выделены автором в Сикачи-Аляне, Шереметьеве, на реке Кия. Двойные череповидные рожаницы в качестве составной части идеограммы обнаружены лишь на камне № 62.

Ключевые слова: иконографический анализ, двойные рожаницы, мифологический персонаж, идеограмма «столб людоеда».

Введение. Наскальное искусство Нижнего Приамурья изучается с 60-х гг. XIX в. по настоящее время. В числе первооткрывателей полковник генштаба В. Л. Альфтан, член Хабаровского отделения ИРГО П. И. Ветлицын. Петр Ветлугин осматривал рисунки в 1890 и 1895 гг., он назвал их мальшевскими, позднее их стали чаще называть сикачи-альянскими [1; 3, с. 17]. Среди тех, кто проявил к ним научный интерес, этнограф и археолог А. М. Золотарев, американский антрополог Б. Лауфер и др. [4, с. 7–8; 16, с. 749–750]. Основные полевые исследования по выявлению всей совокупности памятников петроглифов на территории Хабаровского края, их топографии, подробной фиксации (калькирование, эстампаж, фотографирование, прорисовки) и описанию проведены в 60–70-е гг. XX в. археологами отряда Дальневосточной археологической экспедиции Института археологии и этнографии СО АН СССР под руководством А. П. Окладникова. Помимо полевых работ, проведены научные исследования по интерпретации источников и публикации материалов [10; 11].

Предыстория проблемы исследования. Первыми специалистами, работавшими над описанием наскальных изображений памятников Амура, были А. П. Окладников и сотрудники Института археологии и этнографии СО АН СССР. Первый опыт системного исследования петроглифов памятника Сикачи-Алян А. П. Окладников представил в книге «Лики Древнего Аму-

ра». Изучаемое нами изображение описано под № 7 и названо «личиной... наиболее сложной из всех», автор писал на с. 28–29: «это типично "обезьянья" голова, широкая сверху с огромными круглыми глазами, двумя маленькими ноздрями под ними и огромным ртом, образованным двумя слипшимися кружками. Над глазами на месте лба выбит треугольник. Над головой высоко возвышаются два выступа – как бы рога, заканчивающиеся спиралевидными завитками с кружками внутри...». Из текста видно, что она не воспринималась автором как двойная личина и описана отдельно от других изображений на том же валуне [10, с. 28–29]. Монография «Петроглифы Нижнего Амура» посвящена всем изученным до 1970 г. памятникам. Здесь использована иная система описания рисунков, в основе которой лежит презентация каждой каменной глыбы и всех рисунков и знаков на ней. Так как данный рисунок относится к камню № 62 (табл. 68–70), подробно описаны рисунок 1, он назван трехмерным изображением с использованием выпуклого рельефа глыбы; рисунок 2 – глубоко выбитый концентрический круг, рисунок 3 – «частично пострадавшая от выветривания личина». Изучаемый нами рисунок получил номер 4: «расположен также, как и рис. 1, на выпуклости глыбы и производит такое же объемное, скульптурное впечатление». В этом издании рисунок описан как две «обезьяньи» личины, одна над другой [11, с. 35–36, табл. 68–70]. Они не названы двойной личиной, и в целом все рисунки представлены как отдельные изображения без связи друг с другом.

В нашем исследовании рисунок 4 на камне № 62 представлен и описан как двойная личина в едином алгоритме, применяемом ко всем рисункам личин. Указанный подход предусматривает описание каменной глыбы, внутреннего и внешнего состава рисунка, художественного образа композиции и тематического содержания, связи с другими изображениями на этом камне [6]. Первичное описание они получили в монографии «Архаическая модель мира в наскальных рисунках Амура и Уссури». Издание посвящено описанию личин амуро-уссурийских петроглифов, относящихся к трем сферам архаического космоса [7, с. 64–68; 8, с. 122–124]. В первичной трактовке личина рассматривалась как одиночное локальное изображение. В соответствии с определенным набором признаков она была отнесена к низшим духам земной сферы и представлена как «устрашающая череповидная антропоморфная личина, на голове которой угнездилась некая сущность, возможно, это дух – помощник» [8, с. 124]. В дальнейшем этот рисунок получает новую разработку после вовлечения в анализ всех рисунков композиции на камне № 62. Он рассматривается как двойная череповидная личина в составе комплекса идеограммы «столб людоеда». Личина занимает второе место после центрального персонажа (череповидной устрашающей личины 1) и выполняет функцию помощника верховного духа каннибала (рис. 1 а). Изображения на камне № 62 составили комплекс VI из десяти, выделенных на памятнике Сикачи-Алян-Мальшево [9, с. 161–164]. В продолжении разработки образа двойной личины в предлагаемой статье она рассматривается как изображение двух рожаниц, хозяйек нижнего мира, переместившихся в преисподнюю по мере формирования мифологических представлений о третьей сфере мироздания.

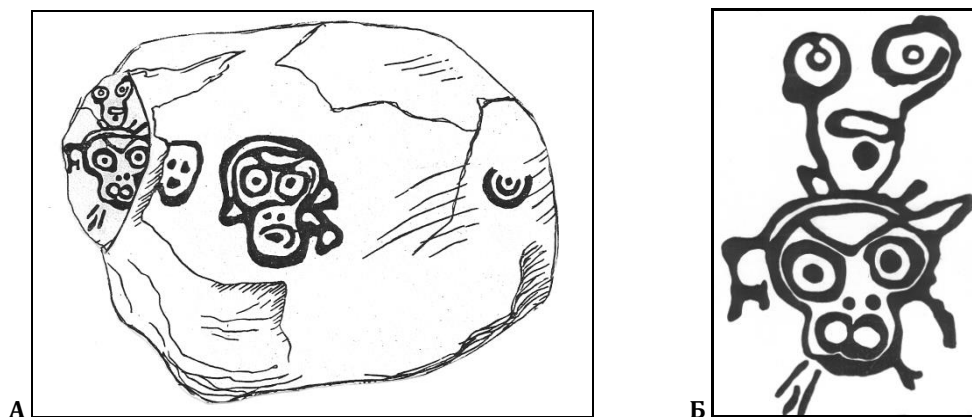

Рис. 1. Сикачи-Алян. А – схема расположения рисунков на камне № 62;
Б – двойная череповидная личина (по Окладников, 1971).

Описание рисунка двойной личины 4 на камне № 62 (рис. 1 б). Второй пункт памятника Сикачи-Алян расположен между нанайским селом Сикачи-Алян и русским селением Мальшево. Занимает каменную косу в устье ручья, сложенную галечником и крупнозернистым

песком, заросшую кустарником. Нумерация изображений соответствует той, что имеется в монографии А. П. Окладникова [11]. *Описание камня № 62 и расположение на нем рисунка 4.* Камень занимает место посередине седловидного участка гряды глыб. Он имеет пористую заветрелую поверхность, изображения плохой сохранности. Рисунок 4 занимает торцовую часть глыбы, многие участки можно было определить наощупь. Рисунок представляет собой композицию из двух личин: на голове основной законченной личины расположена вторая с незаконченными очертаниями.

Верхняя личина. *Характеристика внешней контурной линии.* Рисунок не имеет общего контура, но каждая ее часть окружена линией – желобком. Контуром очерчен подбородок, он вдвое уже, нежели участок глаз, конусовидной формы и прямой в основании. *Описание внутреннего заполнения личин.* А) *Наличие симметрии.* В деталях и в общем облике асимметрична. Б) *Разделение элементов рисунка на составные части.* Личина зрительно разделяется на четыре части: левый глаз, правый глаз, в третьей части – рот и подбородок; четвертую часть составляют левая и правая конечности. В) *Характеристика составных частей личин.* 1. Левый глаз выполнен огибающей несомкнутой линией – желобком в виде спирали. На конце линия чуть расширена, с прямым завершением. Глаз несколько вытянут по горизонтали, зрачок выпукло-рельефный. 2. Правый глаз выполнен аналогичными приемами, соблюдены правильные окружности. Выпукло-рельефный круг не сомкнут в верхней части. Оба глаза держатся на желобчатых линиях, как на ветках. 3. Подбородок сужается к прямому основанию, которое лежит на тонких конечностях. Рот овальный, вытянут по горизонтали и немного сдвинут влево, под ним крупная ямка. Справа у подбородка обозначен угол, он вливается в правую конечность. 4. Левая и правая конечности. Обе конечности снабжены короткими отростками, с их помощью верхняя личина держится на нижней личине. Они исходят непосредственно от подбородка в разные стороны. Левая конечность представляет собой тонкую линию, которая охватывает череп нижней личины. К ней относится короткий отросток конусовидный и закругленный на конце, ниже фигура в виде петли показывает согнутую в суставе конечность. Правая конечность вытянута линией параллельно черепу нижнего персонажа. В нижней своей части конечность изогнута под углом 90 градусов, вытянута прямо и делится на два отростка под прямым углом друг к другу. Нижние отделы обеих конечностей напоминают присоски для плотного закрепления на какой-либо поверхности, в данном случае, на черепе нижней личины. Г) *Характеристика лобной части.* Лобная часть отсутствует.

Нижняя личина. *Характеристика внешней контурной линии.* Нижняя личина имеет контур в виде гибкой линии-желобка, который подчеркивает череповидный характер изображения. Линия контура обрисовывает оба глаза, выделяя эту часть как самую широкую; ниже уровня линия контура резко (под углом 90 град.) уходит вниз, очерчивая узкий подбородок (вдвое уже верхней части). *Описание внутреннего заполнения личин.* А) *Наличие симметрии.* В деталях симметрия прослеживается слабо: глаза разные, ноздри разные, знаки ниже носа разные по начертанию; симметричен знак на лбу: угол с одинаковыми сторонами, соответствующий центру подбородка. Но между этими точками ничто не совпадает по оси. Нет симметрии и за пределами контурной линии. Личина асимметрична в деталях, при этом общий облик внутреннего заполнения гармоничен. Б) *Разделение элементов рисунка на составные части.* Условно делится на пять составных частей: глаза, нижняя часть личины (ноздри и рот), лоб, левая и правая стороны рисунка. В) *Характеристика составных частей.* 1. В наиболее широкой части рисунка размещены глаза и они являются центром внимания зрителя. Оба выполнены в одной манере: зрачки показаны выбитыми ямками в кругах. Вокруг правого глаза круг более широкий и глаз выглядит более крупным. Они расположены асимметрично: правый расположен ближе к центру и подчинен вертикальной оси, а левый смещен к боковой линии. 2. Нижняя часть состоит из рта и ноздрей. Ноздри в виде двух круглых ямок, из которых левая больше правой. Рот в виде двух крупных кружков: левый поменьше, правый крупнее и немного сдвинут вниз. 3. Лоб имеет купольную форму, содержит один символический знак в виде угла с одинаковыми сторонами, он опирается в участок между глазами. 4. Характеристика правой стороны. На правой стороне от глаза и подбородка начертаны два отростка: верхний загнут вовнутрь, а нижний тянется вверх, на конце он рассечен надвое. Отростки не соединяются. Они как бы ограничивают крупную округлую выпукло-рельефную фигуру, которая не сохранилась полностью. 5. По левой стороне внизу от подбородка тянутся три тонкие короткие линии, они не касаются внешнего контура личины. Это также могут быть несохранившиеся детали облика личины или знаки. Г) *Заключение по рисунку и содержанию*

художественного образа. Рисунок создан в мотиве гибкой кривой линии. Он представляет собой композицию из двух персонажей, расположенных двумя этажами. Верхний персонаж прочно укрепился на нижнем с помощью гибких конечностей. При этом он по своим художественным особенностям занимает подчиненное положение по отношению к нижнему персонажу. Последний являет более законченный и цельный образ. Рисунок представляет устрашающую череповидную личину, на голове которой расположена бесконтурная череповидная личина с конечностями. Нижняя личина подчеркнута асимметричная, с разными глазами, ноздрями, частями рта. Символ в виде угла на лбу часто встречается на личинах в памятниках региона, возможно, это знак племени или отдельной фратрии, он несет социальную нагрузку. Внешний контур подчеркивает облик черепа. Назначение нижнего рисунка связано с устрашением зрителя, а также с целым пучком представлений: традицией восприятия черепа как знака культа предков, прародителей представлений о рождении и смерти. Верхняя личина не обрисована полным внешним контуром, линия нижней части контура как бы держит два автономных глаза. Она имеет свое особенное назначение: с одной стороны, она несет облик черепа и причастность в теме предков и нижнего мира, с другой стороны, она выглядит незаконченной, подчиненной нижнему персонажу. Несамостоятельность верхней личины подчеркнута оригинально, а именно тонкими гибкими конечностями с присосками. Она привязана к нижней личине своим функциональным назначением и неразрывна с ней, что можно воспринимать как статус младшего персонажа в мифе. Отсутствие симметрии в чертах личин, их внешняя диспропорция свидетельствует о нарушении внутренней гармонии. Отталкивающая и устрашающая внешность являются признаками иного мира, они выброшены из гармоничного пространства и обитают в демонической сфере мироздания, которая отнесена к нижнему миру. Их облик ассоциируется со злом и смертью.

По опыту изучения петроглифов региона Нижнего Амура сложились представления об изменении модели мира в конце эпохи материнского рода и формирования патриархата, соответствующих концу каменного века и началу освоения металлов (V–III тыс. л. н.). Архаическая двухчастная модель вселенной с небесной и земной сферами преобразуется в модель с тремя сферами. Появились представления о третьей, подземной области, населенной душами предков и злобными существами. Женские мифологические персонажи могут переместиться из небесной – в подземную сферу, где души умерших поглощаются подземными властителями и перерождаются. Исследуемая двойная личина по своему облику более подходит к перемещенным в нижний мир двойным рожаницам.

Теоретическое обоснование культа мифических двойных женских персонажей в модели мира древнего человека. Появление в древности культа двойных женских мифических персонажей разработано и обосновано академиком Б. А. Рыбаковым [13; 14]. Им проведено исследование семантического содержания группы глиняных парных фигурок как бы сросшихся женщин в коллекциях материалов земледельцев Балкано-Дунайского региона. Они не были единичными, значит, речь шла о культе двух, тесно связанных друг с другом, женщин [14, с. 224–225]. Подобные композиции оказались распространенными и в ранней Трипольской земледельческой культуре. На поселениях Липканы, Трушешти и др. часто встречались двойные женские фигурки, в том числе в композиции перед алтарем изображались как подательницы дождя и как рожаящие матери [14, с. 273–274]. Скульптурки несли в себе идеи о богинях-подательницах дождя и влаги, урожая на полях, а также рождения, как зерна в поле, так и потомства в семье. Двойные женские персонажи нашли свое место и в дошедшей до нас мифологии. В крито-микенских текстах прославляется пара женских богинь, подательниц жизни и благ, Артемида (дочь) и Лето (мать), они утвердились и в греческой мифологии, хотя известны и греческие богини – мать Деметра и ее дочь Кора (Персефона) [14, с. 483, 486]. Подобная женская пара имеется и в славянской мифологии: Лада – покровительница свадеб, ее дочь Леля – покровительница деторождения и младенцев. Среди славянских языческих божеств большое значение играл Род, при нем всегда изображались две его помощницы – рожаницы мать и дочь [14, с. 629]. Подобные парные рожаницы известны и в Южной Прибалтике. Ученый назвал рожаницами все двойные женские персонажи. Он показал в своих работах широкое распространение как географически (Северная Евразия), так и хронологически (от позднего палеолита до этнографического времени), культа двойных женских рожаниц, дарительниц жизни. Им прослежены эти образы в изобразительном творчестве: на скальном искусстве, орнаменте древних сосудов, скульптуре и глиняной, металлической и деревянной мелкой пластике, в вышивке, деревянной и каменной резьбе; в устном народном

творчестве, в обрядах: свадебных песнопениях, охотничьей мифологии. Обширный фольклорно-мифологический пласт архаических образов двух небесных женщин сохранился также в преданиях шаманской культуры охотников Европейского Севера, Сибири и Дальнего Востока. Северные народности, сформировавшие охотничье-скотоводческие культуры, сохранили вплоть до начала XX в. древние представления о полуживотных богинях, старшей и младшей, которые покровительствовали таежным охотникам и оленеводам. Они были подательницами благ в виде потомства оленей, удачной охоты и увеличению промыслового стада, рождению семьи охотника-скотовода и появления потомства. Б. А. Рыбаков раскрыл семантику композиции на камне неолитических петроглифов Чалмы-Варрэ Кольского полуострова. Плоскости камня покрыты изображениями двух женских фигур в позе рождения и вокруг них показано множество новорожденных оленят [14, с. 664–665]. А. А. Попов в шаманской мифологии самоедов, и А. Ф. Анисимов, систематизировавший картину представлений о мире народностей Севера и Дальнего Востока, свидетельствуют о распространении двойных (матери и дочери) полуживотных персонажах верхнего мира [2; 13; 14]. А. А. Попов в своей книге о культуре самоедов тавгийцев приводит рассказ шамана о его путешествии в некие миры, где он слышит речи от скалы и от животных; попадает в то место, где живут две голые женщины с рогами на головах и разговаривают с ним как с будущим шаманом. Одна из них при нем родила двух оленят, которых выпустила в разные выходы, чтобы они служили – один для пользы тундренных людей (тавгийцев), а другой – для лесных людей (долган и эвенков) [12, с. 88–87].

Б. А. Рыбаков выделил глубокое смысловое мировоззренческое направление, которое берет начало от первых позднепалеолитических женских изображений охотников на мамонтов и доживает до этнографической эпохи (времени фиксации учеными живой устной традиции). Представленные им аргументы доказывают наличие культа пары женских персонажей, дарующих жизнь в человеческом коллективе и в промысловом стаде. Они всецело позитивны, несут добро и жизнь.

Заметим, что мировая культура не знает примеров двойных мужских мифических персонажей, выступающих воедино. Известны представления о мужских культурных героях, занимающих противоположные позиции, противостоящих друг другу и воплощающих добро и зло, как два разных полюса мироздания. Это направление разработано А. М. Золотаревым в 1930–1940-х гг. Оно опубликовано в виде монографии в 1964 [5].

Опираясь на очерченный теоретический базис, изображения двойной личины на камне № 62 нами отождествляются именно с женскими парными персонажами, мифологическими рожаницами. В архаическом мировоззрении каменного века их функции заключались в помощи человеку и всему живому, они представлялись в преданиях небожительницами, женщинами полуживотного облика, освещенными солнечными лучами. К ним обращаются с просьбами о помощи в деторождении, в увеличении промыслового стада и облегчении участи обитателей земного мира [2, с. 28–29; 12, с. 88–89]. Но внешний облик изучаемых личин на камне № 62 свидетельствует об утрате чувства любви и дарения жизни, в своем облике они несут страх смерти. Хотя не следует исключать возможность дарования жизни через ужас горнила смерти, что соответствует представлениям об умирающем и воскресающем божестве [15, с. 340–345]. Такие представления характерны для всех народов в древности, не исключаются они и для культуры оседлых рыболовов Амура. В изображении двойной череповидной личины можно увидеть продолжение мифологической истории пары рожаниц в иную эпоху, когда формируются представления о единстве рождения и смерти, о возрождении через смерть.

В предлагаемой концепции интерпретации двойная череповидная личина является частью комплекса «столб людоеда», которая выявлена автором на камне № 62 [9, с. 161–164]. Главный герой идеограммы изображен как устрашающая череповидная личина (рис. 1). Он олицетворяет сакральное лицо, верховного духа и руководителя обряда с каннибализмом. Двойная личина (рис. 4) олицетворяет помощниц верховного духа-людоеда и хозяек нижнего мира, которые переместились из небесной сферы в нижнюю. Это вторая часть идеограммы. Третьей частью является контурная личина, состоящая из трех ямок (глаза и рот) (рис. 3), олицетворяющая жертву обряда с каннибализмом. Она изображается без каких-либо знаков-признаков: погибшая жертва лишена социальной символики, отражающей принадлежность к племени, фратрии и другим социальным группам (рис. 3).

Метаморфозы мифологических женских персонажей соответствуют социальным переменам конца каменного века, эпохи бронзы и раннего железного века. Именно тогда мужчина начинает занимать в социуме главенствующее положение, оттеснив женщин в сферу семьи.

Благодаря этим социальным переменам в космологических мифах появляются сильные властные мужские персонажи. А прежние праматери всего сущего, хозяйки водного мира, земли или тайги становятся супругами хозяина природной сферы, либо выдворяются из верхнего мира в нижний и обретают соответствующие черты, становятся злыми хозяйками преисподней [2, с. 37–39, 41].

В процессе художественного осмысления коллективами новой мифологии неизбежно должны возникать персонажи с обликом двойных личин или неких противоречивых признаков. Наличие разных глаз в облике мифологической героини может свидетельствовать о прежнем пребывании в верхнем мире, когда она, как прародительница, содержала в себе еще и астральные качества. Разные глаза в изображениях женских героинь, как правило, означают связь с солнцем (большой глаз) и с луной (малый глаз), самих героинь отождествляют с небесной сферой. К новым чертам облика относится череповидный контур личин. Верхняя личина – это персонаж, в прежние времена занимавший место второй (младшей) рожаницы, он превращается в помощника хозяйки преисподней, воплощенной в нижней личине композиции. Но и этим не завершается их мифологическое бытование. В рассматриваемой структуре «столба людоеда» хозяйкам нижнего мира отведено место рядом с главной фигурой сакрального действия. Это означает, что и в системе ценностей верховного духа танцора-людоеда они занимают важное место, возможно, олицетворяют нижнюю часть структуры мира или, собственно, самую смерть, которая дает возрождение. Через горнило смерти проходит все живое и заново возрождается. Представления об умирающем и воскресающем боге составляют сердцевину картины мира древних цивилизаций [15, с. 340–345].

Выводы. Итоги наших исследований заключаются в интерпретации смыслов изображения двойных череповидных личин на камне № 62: 4 памятника Сикачи-Алян-Мальшево. В процессе анализа рисунков был выделен ряд признаков, раскрывающих их смысловое содержание: 1. Сопричастность друг другу двух личин. 2. Женская ипостась изображений. 3. Череповидный облик и асимметричность черт, устрашающий характер персонажей. 4. Принадлежность ко второй части трехчастной идеограммы «столб людоеда». В совокупности эти признаки позволили трактовать личины как изображение двойных женских рожаниц, прежних небожителей и дарительниц жизни, перемещенных в нижний мир и получивших функцию его владычиц. Присутствие их в композиции «столба людоеда» свидетельствует о привлечении мифологии преисподней в новую картину мира, создаваемую на Амуре тайными мужскими организациями в период завершения материнского рода и формирования отцовского рода. Главенство мужчин в общественной жизни утверждалось в сознании соплеменников с помощью идеологии подчинения и устрашения. Двойные череповидные личины стали важным элементом новой модели мира в культуре оседлых рыболовов Нижнего Амура. Время их появления, предположительно, можно связывать с концом неолита и началом эпохи палеометаллов (V–III тыс. л. н.).

Список литературы

1. Альфтан В. Л. Общий очерк движения пяти охотничьих команд 2-й стрелковой бригады во время экспедиции по исследованию Уссурийского края летом 1894 г. // Приамурские ведомости. 1895. № 77 (приложение).
2. Анисимов А. Ф. Космологические представления народов Севера. М.–Л., 1959. 106 с.
3. Ветлицын П. И. Заметки о древних гольдских памятниках близ селения Малышевского // Приамурские ведомости. 22 января 1895. С. 17–18.
4. Золотарёв А. М. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск : Дальгиз, 1939. 205 с.
5. Золотарёв А. М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964. 328 с.
6. Лапина З. С. К вопросу о методике описания наскальных изображений Амуро-Уссурийского петроглифического комплекса // Вестник развития науки и образования. Научный журнал. 2011а. № 1. С. 66–73.
7. Лапина З. С. Личины петроглифов Амуро-Уссурийского комплекса: структура рисунка и художественный образ // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы : мат-лы Междунаро. научн. конф., Кемерово, 22–26 августа 2011 г. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2011б. Т. 2. С. 64–68.
8. Лапина З. С. Архаическая модель мира в наскальных рисунках Амура и Усури. Хабаровск : ХГИИК, 2012. 212 с.
9. Лапина З. С. Модель мира в семантическом содержании череповидных личин Амура и Усури. Хабаровск : ХГИИК, 2015. 236 с.
10. Окладников А. П. Лики древнего Амура. Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1968. 238 с.

11. *Окладников А. П.* Петроглифы Нижнего Амура. Ленинград : Наука, 1971. 335 с.
12. *Попов А. А.* Тавгийцы : мат-лы по этнографии авамских и вадеевских самоедов. М.–Л., 1936. 94 с.
13. *Рыбаков Б. А.* Космогония и мифология земледельцев энеолита // Советская археология. 1965. № 1. С. 24–48; № 2. С. 13–33.
14. *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян : переизд. М. : Русское слово, 1997. 824 с.
15. *Фрэзер Дж.* Миф об Осирисе // Золотая ветвь. М. : Изд-во политич. лит-ры, 1986. С. 340–345.
16. *Laufer B.* Petroglyphs on the Amour // American Anthropologist. 1899. № 51. Pp. 746–750. URL: <http://www.publicanthropology.org/archives/american-anthropology/american-anthropologist-1890/american-anthropologist-1899/>.

Amur Archeology: experience of interpreting the image of the double skull-shaped face of the Sikachi-Alyan Petroglyphs

Z. S. Lapshina

PhD in Historical Sciences, doctoral student of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Russia, Vladivostok; associate professor of the Department of Church-Practical and Historical Disciplines, Khabarovsk Theological Seminary. Russia, Khabarovsk. ORCID: 0000-0002-4283-7365. E-mail: Lapshinazoy@gmail.com

Abstract. Near the villages of Sikachi-Alyani Malyshevo in the Khabarovsk Territory there is a monument of petroglyphs, which occupies a central place in terms of the number (more than 200) and variety of drawings. The first printed reports about him appeared at the end of the nineteenth century. Ancient drawings attracted the attention of domestic and foreign scientists. Purposeful study of petroglyphs was carried out by a detachment of the Far Eastern Archaeological Expedition in the second half of the twentieth century: the foundation of knowledge on the Amur rock art was created. The author's research interests are focused on the research of the Lower Amur petroglyphs. The subject of study is a double disguise on stone No. 62. The purpose of the article is to describe the double disguise and interpret its semantic content. Research methods: cultural-historical, as well as the author's method of iconography of drawings of the Lower Amur disguises, tested for more than a dozen years. As a result, the concept of a double skull-like face was created as an artistic image of two mythical women involved in the three-part ideogram "ogre's pillar" located on the stone. The latter includes the mask of the supreme spirit, the second position is occupied by the double disguise we are studying, the third position belongs to the image of the disguise of the victim of the rite. The skull-shaped and terrifying appearance of the women in labor testifies to their movement from the celestial sphere of space, where they were the givers of life, to the underground, where they began to perform the functions of the lords of the underworld, the devourers of the souls of the dead, their rebirth. In the process of transition from the maternal to the paternal kind, women in labor became part of the ideology of a secret male social group that formed ideas about the lower world and the inevitability of death, as well as the mythology of the three-part "cannibal pillar". Fourteen complexes of similar content were identified by the author in Sikachi-Alyan, Sheremetyevo, on the Kiya River. Double skull-shaped faces as an integral part of the ideogram were found only on stone No. 62.

Keywords: iconographic analysis, double roshanitsy, mythological character, ideogram "ogre's pillar".

References

1. *Al'ftan V. L.* *Obshchij ocherk dvizheniya pyati ohotnich'ih komand 2-j strelkovoј brigady vo vremya ekspedicii po issledovaniyu Ussurijskogo kraya letom 1894 g.* [A general outline of the movement of five hunting teams of the 2nd Rifle Brigade during an expedition to explore the Ussuri region in the summer of 1894] // *Priamurskie Vedomosti – Priamur news.* 1895. No. 77 (appendix).
2. *Anisimov A. F.* *Kosmologicheskie predstavleniya narodov Severa* [Cosmological representations of the peoples of the North]. M.–L. 1959. 106 p.
3. *Vetlicyn P. I.* *Zametki o drevnih gol'dskih pamyatnikah bliz seleniya Malyshevskogo* [Notes on ancient Gold monuments near the village of Malyshevsky] // *Priamurskie Vedomosti – Priamur news.* January 22, 1895. Pp. 17–18.
4. *Zolotaryov A. M.* *Rodovoj stroj i religiya ul'chej* [The tribal system and the religion of the Ulchi]. Khabarovsk. Dalgiz, 1939. 205 p.
5. *Zolotaryov A. M.* *Rodovoj stroj i pervobytnaya mifologiya* [Generic system and primitive mythology]. M. 1964. 328 p.
6. *Lapshina Z. S.* *K voprosu o metodike opisaniya naskal'nyh izobrazhenij Amuro-Ussurijskogo petroglificheskogo kompleksa* [On the issue of the methodology for describing rock carvings of the Amur-Ussuri petroglyphic complex] // *Vestnik razvitiya nauki i obrazovaniya. Nauchnyj zhurnal – Herald of the Development of Science and Education. Scientific journal.* 2011a. No. 1. Pp. 66–73.

7. Lapshina Z. S. *Lichiny petroglifov Amuro-Ussurijskogo kompleksa: struktura risunka i hudozhestvennyj obraz* [Disguises of petroglyphs of the Amur-Ussuri complex: the structure of drawing and artistic image] // *Naskal'noe iskusstvo v sovremennom obshchestve. K 290-letiyu nauchnogo otkrytiya Tomskoj pisanicy : mat-ly Mezhdunarodn. nauchn. konf., Kemerovo, 22–26 avgusta 2011 g.* – Rock art in modern society. To the 290th anniversary of the scientific discovery of the Tomsk Scribble : Materials of the International Scientific Conference, Kemerovo, August 22–26, 2011. Kemerovo. Kuzbassvuzizdat. 2011b. Vol. 2. Pp. 64–68.
8. Lapshina Z. S. *Arhaicheskaya model' mira v naskal'nyh risunkah Amura i Ussuri* [Archaic model of the world in the rock paintings of Amur and Ussuri]. Khabarovsk. KhSIIK. 2012. 212 p.
9. Lapshina Z. S. *Model' mira v semanticheskoy sodержanii cherepovidnyh lichin Amura i Ussuri* [The model of the world in the semantic content of the skull-like larvae of Amur and Ussuri]. Khabarovsk. KhSIIK. 2015. 236 p.
10. Okladnikov A. P. *Liki drevnego Amura* [Faces of the ancient Amur]. Novosibirsk. Western-Sib. Publishing house. 1968. 238 p.
11. Okladnikov A. P. *Petroglify Nizhnego Amura* [Petroglyphs of the Lower Amur]. L. Nauka (Science). 1971. 335 p.
12. Popov A. A. *Tavgijcy : mat-ly po etnografii avamskih i vadeevskih samoedov* [Tavgians : materials on the ethnography of the Avam and Vadeyev Samoyeds]. M.–L. 1936. 94 p.
13. Rybakov B. A. *Kosmogoniya i mifologiya zemledel'cev eneolita* [Cosmogony and mythology of the farmers of the Eneolithic] // *Sovetskaya arheologiya* – Soviet archaeology. 1965. No. 1. Pp. 24–48; No. 2. Pp. 13–33.
14. Rybakov B. A. *Yazychestvo drevnih slavyan : pereizd.* [Paganism of the ancient Slavs: reprint]. M. Russkoe slovo (Russian Word). 1997. 824 p.
15. Fraser J. *Mif ob Osirise* [The Myth of Osiris] // *Zolotaya vetv' – Golden Branch*. M. Publishing House of political lit., 1986. Pp. 340–345.
16. Laufer B. *Petroglyphs on the Amour* // *American Anthropologist*. 1899. No. 51. Pp. 746–750. Available at: <http://www.publicanthropology.org/archives/american-anthropology/american-anthropologist-1890/american-anthropologist-1899/>.

Археологическое изучение средневековых городов Азербайджана в XVIII – начале XX вв.

Г. Г. Нагиев

кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук,
Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии –
МВА имени К. И. Скрябина. Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0002-8206-9583. E-mail: hnagiev@gmail.com

Аннотация. Вопросы о становлении городской культуры – причины возникновения городских поселений, внутренние и внешние факторы в их формировании, роль городов в экономической, военно-политической, социально-культурной жизни общества являются актуальными проблемами исторической науки. Особое значение раннего города как историко-культурного центра осознавалось учеными самых разных направлений с первой половины XIX в. Исследователи с каждым годом все больше обращаются к тем далеким временам, когда строились города, закладывались основы городских поселений в Азербайджане. Определить причины, время и закономерности формирования древнего города, выявить историческую обусловленность, тенденции развития на различных исторических этапах – цель и задача не только историков, археологов, но и исследователей других отраслей знания.

На протяжении длительного времени учеными Азербайджана и мира исследуются остатки городищ разных периодов. Сегодня в одних городах проведены серьезные систематические исследования, в других только начаты изыскательные работы, третьи локализируются. Периодизация истории изучения градостроительных процессов в Азербайджане проанализирована недостаточно.

Результаты анализа имеющихся письменных источников, материалы, полученные в ходе археологических исследований, внедряются в историографию городов страны, обобщаются научные подходы и теоретические выводы. В решении многих вопросов по истории древних городов особое значение имеет метод анализа степени их изученности, систематизация научной литературы по проблемам этих городов. Объектом настоящей статьи являются исторические города Азербайджана и история их археологического исследования в XVIII – начале XX вв. В статье представлен краткий обзор истории археологического исследования исторических азербайджанских городов. Географические рамки работы охватывают в основном территории северного (Республика Азербайджан) и частично южного (на северо-западе Ирана) Азербайджана.

Цель работы – обобщать и систематизировать материалы об истории изучения древних городов Азербайджана на основе таких методологических принципов, как историзм, научная объективность, системность, всесторонность и критический анализ.

Ключевые слова: археология Азербайджана, изучение древних городов, Габала, Гянджа, Баку, историческая наука.

В условиях современных глобальных процессов более актуальным становится изучение процессов урбанизации, сохранение исторического и культурного наследия. Градостроительные процессы, формирование государственности в древности – результат взаимовлияния местных и соседних цивилизаций.

Письменные источники и результаты археологических изысканий подтверждают, что в Азербайджане издавна существовали поселения городского типа, которые в средневековый период стали центрами социально-экономической, административно-политической, религиозной, научно-культурной жизни страны. Для развития азербайджанских городов значительную роль играли магистральные торговые пути из регионов Ближнего и Среднего Востока, благоприятные климатические условия, надежные местности с точки зрения обороны, которая была постоянно действующим и решающим фактором. На разных этапах исторического развития эти города имели свои характерные черты, их социальная организация, уровень культуры, способы обороны соответствовали всем необходимым требованиям своего времени [27].

Археологические исследования на территории современной Азербайджанской республики ведутся со второй половины XIX в., в основном иностранными путешественниками, коллекционерами, любителями артефактов древности. В то же время в трудах авторов XVIII в. имеются незначительные информации о древних городах и городских памятниках Азербайджана. В 20-е гг. XVIII в. ученые Д. К. Кантемир, И. Г. Гербер и Ф. И. Соймонов, сопровождаю-

щие Петра I во время его завоевательных походов в Прикаспийский регион, получали указание изучить и описать старинные памятники Дербента. Материалы, собранные Д. К. Кантемиром, и план укрепления города были опубликованы в 1728 г. историком Ф. З. Байером.

В 1723 г., когда русский флот находился в Бакинской бухте, составитель первого описания Каспийского моря русский мореплаватель Ф. И. Соیمانов осмотрел остатки затопленных сооружений, принимал их за караван-сарай: «Въ Бакинскомъ заливѣ, двѣ версты отъ города къ Югу, видны, на четыре сажени глубины, остатки большаго каменнаго строенія, котораго хотя большая часть уже и развалилась, однако въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выше воды еще знаки есть. Сказываютъ, что-то былъ караванъ-сарай, которой въ старину стоялъ на твердой землѣ, и землетрясеніемъ поглощенъ моремъ» [25; 33, с. 37].

В 1770–1774 гг. академик С. Г. Гмелин при исследовании западного побережья Каспийского моря описал ряд средневековых археологических и архитектурных памятников Азербайджана [12]. В 1807 г. географ А. И. Михайловский, составивший карту Бакинской бухты, первым заявил, что остатки затопленных сооружений являются оборонительными сооружениями [24].

Известный азербайджанский историк А. А. Бакиханов (1794–1846) был одним из первых исследователей, который собирал сведения о средневековых поселениях, городах, оборонительных сооружениях Азербайджана [17]. Он в труде «Гюлистан Ирем» (1835 г.) при изучении проблем средневековья, наряду с письменными источниками, впервые в историографии Азербайджана использовал материальные памятники культуры. Его интересовали развалины таких древних городов, как Гянджа, Шамкир, Бейлаган, Шабран, Габала и Баилковский замок. А. А. Бакиханов сообщил, что под водами Каспийского моря между Баку и Сальяном, в 50 верстах от берега, есть городские руины, и даже арендовал две парусные лодки и попытался осмотреть памятник [4].

А. Бакиханов писал: «Я собрал, сколько мог материалов, сличил разбросанные сведения, сверил предания с памятниками и, имея в виду летописи, грамоты, монеты, надписи и разные исторические записки современников и предков, по возможности старался соблюсти условия историка – описать происшествия в связи и порядке, руководствуясь строгим беспристрастием в отношении к единоверцам своим и к родине, почитая весь род человеческий одним семейством, а шар земной – общим отечеством» [7, с. 132].

В XIX в. развалины некоторых городов были посещены разными исследователями, в основном, как выше указано, археологами-любителями. Ими были описаны лишь наземные памятники, и данные сведения имеют общий характер. В 1846 г. в «Журнале Министерства народного просвещения» вышла статья А. Яновского, где говорится и о некоторых городах Северного Азербайджана (часть Кавказской Албании) [3, с. 11–12].

В 1819 г. английский писатель, путешественник Роберт Кер Портер (1781–1842), который продолжительное время работал в России, посетил руин города Шиз (Тахти Сулейман) в Южном Азербайджане и впервые научно описал его. В первой половине XIX в. У. Монтейс, исследовавший Муганскую равнину¹ и южные берега Каспийского моря, посетил крепость Ултан и зафиксировал этот памятник [37].

В середине и второй половине XIX в. памятниками Азербайджана средневекового периода интересовались такие выдающиеся востоковеды, как Н. В. Ханьков, Б. А. Дорн, Г. Д. Франк. Особого внимания заслуживают исследования памятников Б. А. Дорна на Ширване² и Н. В. Ханькова на Нахчыване. В 1852 г. Н. В. Ханьков осмотрел остатки города Хараба Гилан. На основании найденной в городе каменной плитки с надписью с датой 712 г. хиджры (1312–1313 гг.) и предварительных исследований ученый пришел к выводу, что город был брошен в 712 г. хиджры [38, с. 84].

В работах С. П. Зелинского [15], К. А. Никитина [28], И. Шопена [33], Н. Э. Энгельгарта [35] встречаются описания средневековых памятников Нахчыванского края. Предварительное обследование мавзолея (ханагах) Пир Хусейна тоже совпадает с этим периодом. В 1858 г. ханагах посетил востоковед, нумизмат И. Бартоломей, сам памятник, особенно его изразцовый декор, вызвал большой интерес у исследователей [20].

¹ Равнина в восточном Закавказье (юго-восток Азербайджанской Республики), расположенная к югу от слияния рек Аракс и Кура.

² Историческая область Азербайджана на западном побережье Каспийского моря простиралась от Дербента на севере до дельты реки Кура на юге.

В 1848 г. известный русский востоковед Н. Н. Ханыков обследовал некоторые памятники городов Барды и Нахчывана.

Широкие археологические раскопки, произведенные после 70-х гг. XIX в., играли существенную роль в исторической науке по изучению городской культуры Азербайджана, крепостных сооружений, укрепленных поселений. Значительное влияние на развитие археологического изучения Азербайджана оказали создание Кавказского археологического комитета в Тифлисе (Тбилиси) в 1871 г. и созыв V Всероссийского археологического съезда в 1881 г.

Кавказский археологический комитет сделал попытки для изучения этого региона, однако эти попытки не увенчались успехом. Вызывает большое сожаление необъективное отношение Общества любителей археологии Кавказа к старинным памятникам Азербайджана³. Выступая на открытии общества, заместитель председателя Берже сказал, что «Ленкоранский, Гянджинский и Нухинский (Шеки) районы не представляют археологического интереса» [10, с. 10].

В 1879 г. И. С. Поляков проводил археологические исследования в Нахчыване, а Н. О. Селосани исследовал руины города Барда и его окрестностей [36].

В связи с подготовкой к V Археологическому съезду в 1881 г. комитет проявил определенную активность, и со стороны Московского археологического общества также было уделено достаточное внимание археологическому изучению региона. К этому периоду относятся некоторые исследования разведочного характера в различных городах Азербайджана. В 1896 г. развалины Хараба Гилана посетил археолог К. Е. Думберг. Он доставил в Кавказский музей две каменные плиты с арабскими надписями [16, с. 15].

С 1888 г. издавалась серия «Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества». Дальнейшая работа Общества на Кавказе привела к тому, что в 1901 г. в Тбилиси было учреждено Кавказское отделение общества.

Хочется отметить раскопки преподавателя реального училища Э. Реслера в городе Гянджа 1899 г., которые носили познавательный характер. В трудах Э. Дорна [14], И. М. Берёзина [9], А. Камарова имеются некоторые сведения о городах Дербент, Габала, Шамахи и т. д.

В первые десятилетия XX в. были исследованы некоторые средневековые памятники Азербайджана, опубликовано несколько работ по вопросам средневековых городов и поселений. На развалинах города Хараба Гилан были проведены разведочные исследования и был составлен альбом описаний руин города [16, с. 17].

Наблюдая за рельефом памятника, С. В. Тер-Аветисян составил его примерный план, провел небольшие раскопки в восьми точках города. Он передал Кавказскому музею два надгробия из белого мрамора весом 80 фунтов (1280 кг), выгравированные надписи арабским алфавитом [31, с. 169].

В мае 1914 г. в Кавказском отделении Московского археологического общества С. В. Тер-Аветисян доложил («Описание развалин Хараба-Гилана, Нахичеванского уезда, Ордубадского участка, Эриванской губернии») [16, с. 19; 32] о результатах раскопок в развалинах.

В 1902 г. И. А. Маевский опубликовал статью о городищах и курганах Мильской степи, описал ряд средневековых памятников [22, с. 57–68]. В 1903 г. А. В. Уильям Джексон, а в 1907 г. А. Ф. Стал посетили руины города Тахти-Сулейман (Шиз).

В 1905 г. в известиях Императорской археологической комиссии был опубликован научный отчет академика В. В. Бартольда о результатах исследования археологического объекта, обнаруженного в Баку в 1904 г. [7].

В 1906 г. к столетию присоединения Дербента к России была опубликована книга Е. И. Козубского «История города Дербента», в которой автор предпринял попытку собрать воедино все имеющиеся сведения об истории города с момента его основания и до начала XX в.

По замечанию В. В. Бартольда: «Несмотря на все старания автора, которому восточные источники были доступны лишь в переводах, а методы исторического исследования почти совершенно неизвестны, задача оказалась ему не по силам» [6]. У нас нет оснований не доверять Е. И. Козубскому, однако достоверность представленных в работе данных зачастую невозможно проверить, поскольку отсутствуют ссылки на соответствующие документы. Е. И. Козубский объясняет это следующим образом: «К сожалению, в видах уменьшения объема книги не

³ Общество было создано в 1873 г. с целью защиты и сохранения известных памятников Кавказа от разрушения и разграбления. Оно должно было путем сбора археологических материалов изучить древние памятники и археологические наследия Азербайджана.

представлялось возможным напечатать ее с цитатами и ссылками на литературные и архивные источники. Таковых цитат и ссылок потребовалось бы напечатать такое количество, которое непомерно бы увеличило объем книги, и без того значительно большой». Конечно, граница между источником и историографической работой, применительно к трудам авторов прошлых веков, часто бывает размыта. Это относится и к исследованию Е. И. Козубского, сочетающему бесценный фактический материал с компилятивным характером изложения [6; 19].

В 1906 г. вышла книга Е. Козубского, где описаны и оборонительные сооружения города, и топография города [19]. Однако вопросы об истории города освещены были неправильно. В. В. Бартольд уделял в своих исследованиях большое внимание Дербенту и приводил интересные сведения о приемах строительства каменных стен города [6].

В 1915 г. Е. А. Лалаян провел предварительные разведывательные исследования на развалинах Габалы и предположил, что Сальбир – это развалины Сирхаба.

Таким образом, до 1918 г. изучение археологических памятников Азербайджана не было последовательным, археологические источники не стали важным источником для решения основных проблем истории Азербайджана. Некоторые авторы даже пытались отчуждать типичные средневековые археологические памятники Азербайджана (Е. А. Лалаян, С. В. Тер-Аветисян). Образцы материальной культуры, полученные в результате полевых археологических исследований, были вывезены за пределы Азербайджана, словом, культурное наследие народа было разграблено.

С целью изучения исторических памятников и для их защиты в 1918 г. в Баку было создано археологическое общество, а в 1919 г. этнографами и востоковедами были организованы кружок любителей археологии и истории Востока, членами которого было учреждено «Общество изучения мусульманского Востока при Бакинском университете» [18, с. 46]. Еще одно важное событие – это создание Музея независимости в декабре 1919 г. в честь первой годовщины парламента Азербайджанской Демократической Республики (1918–1920) [11, с. 33–40]. В музее были собраны материалы, обнаруженные в ходе археологических исследований. Через год музеем было организовано первое археологическое исследование в комплексе Ширваншахов и Девичьей башни (Гыз галасы) в Баку [29].

После установления советской власти в Азербайджане в развитии исторической науки и археологии начинается качественно новый этап – широкие и планомерные исследования. В 20-х гг. XX в. было положено начало систематическим археологическим изысканиям в республике, которые дали весьма ценные результаты [23]. Был создан ряд учреждений, которые занимались изучением и разработкой общественных наук, в том числе истории Азербайджана [2, с. 34]. В 1920 г. Музей независимости был преобразован в Азербайджанский государственный музей (в музее работала комиссия охраны древних памятников), а в 1922 г. было учреждено Азербайджанское археологическое общество при институте востоковедения и социальных наук.

Азербайджанский археологический комитет⁴, созданный в 1923 г., занимался регистрацией, охраной и научным исследованием памятников, в том числе городских. В этом же году начало свою деятельность в Баку «Общество обследования и изучения Азербайджана», ставшее одним из важных научных центров по изучению исторического прошлого. Общество работало в тесном контакте с учеными Ленинграда, где имелось специальное отделение исторической секции «Общества обследования и изучения Азербайджана» [27, с. 103–110]. Оно ежегодно проводило планированные археологические раскопки.

В этот период в разных изданиях общества («Известия» и «Труды») публиковались результаты исследования и материалы по истории, этнографии и нумизматике Азербайджана.

В сентябре 1924 г. по инициативе «Общества обследования и изучения Азербайджана» в Баку был созван I Всеазербайджанский краеведческий съезд, посвященный вопросам истории Азербайджана и другим смежным наукам [30].

На историко-этнографической секции были сделаны доклады: «О деятельности секции» (председатель секции писатель А. Ахвердиев), «Значение истории древнего Востока в истории Азербайджана» (проф. Е. И. Байбаков), «Памятники древности в АССР» (В. М. Сысоев), «О монетных кладах в Азербайджане» (Е. А. Пахомов) и др.

Во время археологических и этнографических изысканий были собраны на территории Азербайджанской ССР ценные данные по истории материальной культуры азербайджанского

⁴ В 1927 г. комитет был переименован в «Азербайджанский комитет охраны памятников старины, искусства и природы» (Азкомстарис) и существовал до 1930 г.

народа, которые дали возможность осветить неизученные и мало разработанные вопросы древней и средневековой истории Азербайджана.

Большую роль играл и созданный в 1923 г. «Азербайджанский археологический комитет» при Наркомпросе республики, в 1927 г. переименованный в «Азербайджанский комитет охраны памятников старины, искусства и природы» (Азкомстарис).

Со второй половины 20-х гг. начинается археологическое изучение средневековых городов (Баку, Шамахи, Габала, Барда, Бейлаган, Хараба Гилан) и крепостей (Гюлистан, Бугурт, Беллабур, Алинджа галасы, Апшеронские крепости, Гыз галасы и др.).

Археологические работы, проведенные в 1924–1927 гг. (Баку (комплекс Ширваншахов, Девичья башня), Шамахи, Хараба Гилан, Габала, Нахчыван, Барда, Мингачевир, Гянджа, Дербентский проход, цитадель Дербента Нарынгала, крепость Бешбармаг, Мильская степь и др.), позволили выявить на территории республики несколько археологических культур, а также предпринять первые попытки установления их периодизации и взаимных связей [13].

Важным этапом развития исторической науки в республике была организация в 1929 г. Азербайджанского государственного научно-исследовательского института (АзГНИИ), который провел большую работу по исследованию и изданию письменных источников по истории Азербайджана.

В становлении археологической науки и определении направлений ее развития в Азербайджане большую роль играли такие ученые, как Д. Шарифов, И. И. Мещанинов, Н. Я. Марр, В. В. Бартольд, В. И. Смирнов-Логинов, А. Крымский, А. Н. Самойлович, А. А. Иессен, А. А. Миллер, А. Алекперов, И. М. Джафарзаде, Я. И. Гуммель, С. М. Казиев, И. Азимбеков, Д. И. Александрович (Насыфи), В. М. Сысоев, Е. А. Пахомов, М. Саламов, Т. С. Пассек, Б. А. Латынин, В. Зуммер и др.

Итак, на основе краткого обзора истории изучения городских памятников в Азербайджане можно сделать вывод о том, что история археологического исследования городских памятников в Азербайджане берет свое начало в XVIII в. и особое развитие получает в конце XIX – начале XX в. Однако до 1918 г. проведенные исследования не носили последовательного характера, ни один культурный слой не изучен был до конца, стратиграфия пластов не была определена, результаты не были систематизированы, недостаточно интерпретированы с научной точки зрения.

Археологические материалы не были рассмотрены и оценены как важнейшие источники в решении исторических проблем в Азербайджане, за исключением попытки А. А. Бакиханова в этой области. Кроме того, в этот период некоторые авторы намеренно искажали результаты изысканий и даже предпринимали попытки отчуждения характерных для Азербайджана средневековых археологических памятников.

Начиная с 20-х гг. XX в., азербайджанские ученые стали делать первые исторические обобщения на базе археологического материала.

Список литературы

1. Алекперов А. К. Исследования по археологии и этнографии Азербайджана. Баку : Изд-во АН АзССР, 1960. 252 с.
2. Алибекова Э. Б. Вопросы древней истории Азербайджана в российской историографии XIX – начала XX вв. Баку : Тахсил, 2009. 224 с.
3. Бабаев И. А. Города Кавказской Албании (IV в. до н. э – III в. н. э.). Баку : Элм, 1990. 236 с.
4. Бакиханов А. А. Гюлистан-и Ирам / ред., комм., прим. и указатели З. М. Буниятова. Баку : Элм, 1991. 142 с.
5. Бакиханов А. К. Происхождение племен, населяющих нынешние Закавказские провинции / А. К. Бакиханов Сочинения. Записки. Письма. Баку : Элм, 1983. 344 с.
6. Бартольд В. В. Дербент : собр. соч. Т. III. М., 1965. 711 с.
7. Бартольд В. В. Отчет об осмотре древнего мусульманского кладбища в Баку // Известия имперской археологической комиссии. Вып. XVI. СПб., 1905. С. 116–119.
8. Бартольд В. В. Новые известия о стенах Дербента : собр. соч. : в 9 т. Т. 2. Ч. I. М., 1963. С. 788.
9. Березин И. Н. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань : Университетская типография, 1849. 534 с.
10. Берже А. П. Кавказ в археологическом отношении: (читано в день открытия Общества любителей Кавказской археологии, 9 декабря 1873 года). Тифлис, 1874. 91 с.
11. Гафарова Г. История музейного дела в Азербайджане // Вопросы музеологии. 2010. С. 33–40.
12. Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования всех царств о природе. Ч. III. СПб., 1785.
13. Гусейнова С. Б. Становление азербайджанской советской археологии и археологическое изучение города Баку (1920–1930 гг.) // Проблемы истории Азербайджана. Баку, 1992.

14. Дорн Б. Каспий. СПб., 1875. Т. 26. 718 с.
15. Зелинский С. П. Три магала: Нахичеванский, Ордубадский и Даралагезский // Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1880. Т. VII. 576 с.
16. Ибрагимов Б. И. Средневековый город Киран. Баку – Москва, 2000. 176 с.
17. Квачидзе В. А. Аббас-кули Ага Бакиханов и археологические памятники Каспия // А. А. Бакиханов и развитие азербайджановедения : сборник докладов. Баку, 2001.
18. Керимова Т. Из истории национальной академии наук Азербайджана. Баку, 2005. С. 46.
19. Козубский Е. И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура : Русская типография В. М. Сорокина, 1906. 468 с.
20. Крачковская В. А. Изразцы мавзолея Пир Гусейна. Тбилиси, 1946. 170 с.
21. Левиатов В. Н. Памятники азербайджанской культуры (Бакинский дворец Ширваншахов). Баку, 1944.
22. Маевский И. А. Городища и курганы Кура-Аракской равнины // Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. 1902. Т. XV. С. 57–68.
23. Мещанинов И. И. Изучение доисторических памятников Азербайджана за последние пять лет // ИООИА. Баку, 1929. Т. VII. № 2.
24. Михалевский А. И. Развалины караван-сарая в Бакинской бухте // Известия АГУ. 1930. Т. IX.
25. Мюллер Г. Ф. Описание Каспийского моря Ф. И. Сайманова. СПб., 1753.
26. Нагиев Г. Г. Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2016. № 4 (24). С. 75–84.
27. Нагиев Г. Г. Археология и история Азербайджана после октябрьской революции // Столетний юбилей русской революции и актуальные проблемы современности : мат-лы Научно-практической конференции. 2017. С. 103–110.
28. Никитин К. А. Город Нахичевань и Нахичеванский уезд // СМОМПК. Вып. П. Тифлис, 1882.
29. Пахомов Е. А. Бакинский дворец Ширваншахов // Путь школы. 1924. № 3. С. 105–110.
30. Резолюции I Всеазербайджанского краеведческого съезда в г. Баку 21–24 сентября 1924 г. Баку, 1924.
31. Тер-Аветисян С. В. К археологическому обследованию Хараба Гилана // Известия КИАИ. Т. 6. Тбилиси, 1927. С. 165–178.
32. Тифлисский листок. 7 мая 1914 г.
33. Соймонов Ф. И. Описание Каспийского моря... СПб. : Изд-во при Императорской АН, 1763. 380 с.
34. Шопен И. Новые заметки по древней истории Кавказа и его обитателей. СПб., 1866. 501 с.
35. Энгельгард Н. Э. Нахичевань // Кавказский календарь за 1852 г. Тифлис, 1851.
36. Göyüşov R. B. *Azərbaycan arxeologiyası*. Bakı : İşiq, 1986. 186 s.
37. Monteith W. Journey of a Tour through Azerbaijan and the Shores of Caspian // Journal of Royal Geographical Society of London. London, 1833. № 3.
38. Quliyeva A. Xaraba-Gilanın epiqrafik abidələrinin öyrənilməsinə dair // Tarix və onun problemləri. 1997. № 2. С. 84.

Archaeological study of medieval cities of Azerbaijan in the XVIII – early XX centuries

G. G. Nagiyev

PhD in Historical Sciences, associate professor of the Department of Philosophy and Socio-Humanities,
Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology – MBA n. a. K. I. Scriabin. Russia, Moscow.
ORCID: 0000-0002-8206-9583. E-mail: hnagiev@gmail.com

Abstract. Questions about the formation of urban culture – the causes of urban settlements, internal and external factors in their formation, the role of cities in the economic, military-political, socio-cultural life of society are actual problems of historical science. The special significance of the early city as a historical and cultural center was realized by scientists of various directions from the first half of the XIX century. Every year researchers turn more and more to those distant times when cities were built, the foundations of urban settlements were laid in Azerbaijan. To determine the causes, time and patterns of the formation of the ancient city, to find out the historical conditionality, development trends at various historical stages is the goal and task of not only historians, archaeologists, but also researchers of other branches of knowledge.

For a long time, scientists of Azerbaijan and the world have been studying the remains of ancient settlements of different periods. Today, serious systematic research has been carried out in some cities, survey work has just begun in others, and others are being localized. The periodization of the history of the study of urban planning processes in Azerbaijan has not been analyzed enough.

The results of the analysis of available written sources, materials obtained in the course of archaeological research, are introduced into the historiography of the country's cities, scientific approaches and theoretical

conclusions are summarized. In solving many issues on the history of ancient cities, the method of analyzing the degree of their study, systematization of scientific literature on the problems of these cities is of particular importance. The object of this article is the historical cities of Azerbaijan and the history of their archaeological research in the XVIII – early XX centuries. The article presents a brief overview of the history of archaeological research of historical Azerbaijani cities. The geographical scope of the work covers mainly the territories of northern (Republic of Azerbaijan) and partially southern (in the north-west of Iran) Azerbaijan.

The aim of the work is to generalize and systematize materials on the history of ancient cities of Azerbaijan on the basis of such methodological principles as historicism, scientific objectivity, consistency, comprehensiveness and critical analysis.

Keywords: archeology of Azerbaijan, study of ancient cities, Gabala, Ganja, Baku, historical science.

References

1. Alekperov A. K. *Issledovaniya po arheologii i etnografii Azerbajdzhana* [Research on archeology and ethnography of Azerbaijan]. Baku : Publishing House of the Academy of Sciences of the AzSSR. 1960. 252 p.
2. Alibekova E. B. *Voprosy drevnej istorii Azerbajdzhana v rossijskoj istoriografii XIX – nachala XX vv.* [Questions of the ancient history of Azerbaijan in the Russian historiography of the XIX – early XX centuries]. Baku. Tahsil, 2009. 224 p.
3. Babaev I. A. *Goroda Kavkazskoj Albanii (IV v. do n. e – III v. n. e.)* [Cities of Caucasian Albania (IV century BC – III century AD)]. Baku. Elm, 1990. 236 p.
4. Bakihanov A. A. *Gyulistan-i Iram* [Gulistan-i Iram] / ed., comm., notes and the pointers by Z. M. Buniyatov. Baku. Elm. 1991. 142 p.
5. Bakihanov A. K. *Proiskhozhdienie plemen, naselyayushchih nyneshnie Zakavkazskie provincii* [The origin of the tribes inhabiting the present Transcaucasian provinces] / A. K. Bakikhanov [Essays. Notes. Letters]. Baku. Elm. 1983. 344 p.
6. Bartol'd V. V. *Derbent : sobr. soch. T. III* [Derbent : coll. works. Vol. III]. M. 1965. 711 p.
7. Bartol'd V. V. *Otchet ob osmotre drevnego musul'manskogo kladbishcha v Baku* [Report on the inspection of the ancient Muslim cemetery in Baku] // *Izvestiya imperskoj arheologicheskoy komissii. Vyp. XVI* – News of the Imperial Archaeological Commission. Is. XVI. St. Petersburg, 1905. Pp. 116–119.
8. Bartol'd V. V. *Novye izvestiya o stenah Derbenta : sobr. soch. : v 9 t. T. 2. Ch. I.* [New news about the walls of Derbent : collected works : in 9 vols. Vol. 2. Ch. I]. M. 1963. P. 788.
9. Berezin I. N. *Puteshestvie po Dagestanu i Zakavkaz'yu* [Journey through Dagestan and Transcaucasia]. Kazan. University Printing House. 1849. 534 p.
10. Berzhe A. P. *Kavkaz v arheologicheskom otnoshenii: (chitano v den' otkrytiya Obshchestva lyubitelej Kavkazskoj arheologii, 9 dekabrya 1873 goda)* [The Caucasus in archaeological terms: (read on the opening day of the Society of Lovers of Caucasian Archaeology, December 9, 1873)]. Tiflis. 1874. 91 p.
11. Gafarova G. *Istoriya muzejnogo dela v Azerbajdzhanе* [The history of museum business in Azerbaijan] // *Voprosy muzeologii – Questions of museology*. 2010. Pp. 33–40.
12. Gmelin S. G. *Puteshestvie po Rossii dlya issledovaniya vsekh carstv o prirode. Ch. III* [A journey through Russia to explore all the kingdoms of nature. Part III]. SPb. 1785.
13. Guseynova S. B. *Stanovlenie azerbajdzhanskoj sovetskoj arheologii i arheologicheskoe izuchenie goroda Baku (1920–1930 gg.)* [The formation of Azerbaijani Soviet archeology and the archaeological study of the city of Baku (1920–1930)] // *Problemy istorii Azerbajdzhana – problems of the history of Azerbaijan*. Baku. 1992.
14. Dorn B. *Kaspij* [Kaspij]. SPb. 1875. Vol. 26. 718 p.
15. Zelinskij S. P. *Tri magala: Nahichevanskij, Ordubadskij i Daralagezskij* [Three magalas: Nakhichevan, Ordubad and Daralagez] // *Sbornik svedenij o Kavkaze – Collection of information about the Caucasus*. Tiflis. 1880. Vol. VII. 576 p.
16. Ibragimov B. I. *Srednevekoviĭ gorod Kiran* [The medieval city of Kiran]. Baku – Moscow. 2000. 176 p.
17. Kvachidze V. A. *Abbas-kuli Aga Bakihanov i arheologicheskie pamyatniki Kaspiya* [Abbas-kuli Agha Bakikhanov and the archaeological monuments of the Caspian Sea] // *A. A. Bakihanov i razvitie azerbajdzhanovedeniya : sbornik dokladov – A. A. Bakikhanov and the development of Azerbaijani studies : a collection of reports*. Baku. 2001.
18. Kerimova T. *Iz istorii nacional'noj akademii nauk Azerbajdzhana* [From the history of the National Academy of Sciences of Azerbaijan]. Baku. 2005. P. 46.
19. Kozubskij E. I. *Istoriya goroda Derbenta* [History of the city of Derbent]. Temir Khan-Shura. V. M. Sorokin's Russian Printing House. 1906. 468 p.
20. Krachkovskaya V. A. *Izrazcy mavzoleya Pir Guseina* [Tiles of the mausoleum of Pir Huseyn]. Tbilisi. 1946. 170 p.
21. Leviatov V. N. *Pamyatniki azerbajdzhanskoj kul'tury (Bakinskij dvorec Shirvanshahov)* [Monuments of Azerbaijani culture (Baku Palace of Shirvanshahs)]. Baku. 1944.
22. Maevskij I. A. *Gorodishcha i kurgany Kura-Araskoj ravniny* [Hillforts and mounds of the Kura-Arak plain] // *Izvestiya Kavkazskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva – News of the Caucasian Department of the Imperial Russian Geographical Society*. 1902. Vol. XV. Pp. 57–68.

23. Meshchaninov I. I. *Izuchenie doistoricheskikh pamyatnikov Azerbajdzhana za poslednie pyat' let* [The study of prehistoric monuments of Azerbaijan over the past five years] // IOOIA – IOIA. Baku. 1929. Vol. VII. No. 2.
24. Mihalevskij A. I. *Razvaliny karavan-saraya v Bakinskoj buhte* [Ruins of a caravanserai in the Baku bay] // *Izvestiya AGU – News ASU*. 1930. Vol. IX.
25. Muller G. F. *Opisanie Kaspijskogo morya F. I. Sajmanova* [Description of the Caspian Sea F. I. Saimanova]. SPb. 1753.
26. Nagiev G. G. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki* [Herald of Moscow City Pedagogical University. Series: Historical Sciences]. 2016. No. 4 (24). Pp. 75–84.
27. Nagiev G. G. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki* [Archeology and history of Azerbaijan after the October Revolution] // *Stoletnij yubiley russoj revolyucii i aktual'nye problemy sovremennosti : mat-ly Nauchno-prakticheskoy konferencii – The centenary of the Russian Revolution and current problems of our time : the materials of the Scientific and Practical Conference*. 2017. Pp. 103–110.
28. Nikitin K. A. *Gorod Nahichevan' i Nahichevanskij uezd* [Nakhichevan city and Nakhichevan county] // *SMOMPK – SMMPK*. Is. P. Tiflis. 1882.
29. Pahomov E. A. *Bakinskij dvorec Shirvanshahov* [Shirvanshahs' Baku Palace] // *Put' shkoly – Path of the school*. 1924. No. 3. Pp. 105–110.
30. *Rezolyucii I Vseazerbajdzhanskogo kraevedcheskogo s'ezda v g. Baku 21–24 sentyabrya 1924 g.* – Resolutions of the First All-Azerbaijan Congress of Local Lore in Baku on September 21–24, 1924. Baku. 1924.
31. Ter-Avetisyan C. B. *K arheologicheskomu obsledovaniyu Haraba Gilana* [On the archaeological survey of Kharab Gilan] // *Izvestiya KIAI – News KIAI*. Vol. 6. Tbilisi. 1927. Pp. 165–178.
32. *Tiflisskij listok* – Tiflis leaflet. May 7. 1914
33. *Sojmonov F. I. Opisanie Kaspijskogo morya...* [Description of the Caspian Sea ...] SPb. Publishing House of the Imperial Academy of Sciences. 1763. 380 p.
34. *Shopen I. Novye zametki po drevnej istorii Kavkaza i ego obitatelej* [New notes on the ancient history of the Caucasus and its inhabitants]. SPb. 1866. 501 p.
35. *Engel'gard N. E. Nahichevan'* [Nakhichevan] // *Kavkazskij kalendar' za 1852 g.* – Caucasian calendar for 1852. Tiflis. 1851.
36. *Göyüşov R. B. Azərbaycan arxeologiyası*. Bakı : Işıq, 1986. 186 s.
37. *Monteith W. Journey of a Tour through Azerbaijan and the Shores of Caspian* // *Journal of Royal Geographical Society of London*. London, 1833. No. 3.
38. *Quliyeva A. Xaraba-Gilanın epiqrafik abidələrinin öyrənilməsinə dair* // *Tarix və onun problemləri*. 1997. No. 2. C. 84.

«Заорленая» мера в составе керамического комплекса второй половины XVIII в. как материальное свидетельство питейного дела Переяславля-Рязанского

П. С. Киреев¹, В. В. Судаков²

¹соискатель степени кандидата исторических наук Института археологии, Российская академия наук. Россия, г. Москва; научный сотрудник отдела археологии, Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник. Россия, г. Рязань. ORCID: 0000-0002-3174-7962. E-mail: pazzlef@gmail.com

²независимый исследователь. Россия, г. Рязань. E-mail: sudakov_v@mail.ru

Аннотация. В статье дается подробное описание и атрибуция керамического комплекса с неординарным предметом – фрагментом донца сосуда с клеймом на внутренней стороне в виде двуглавого орла. Комплекс обнаружен и извлечен в 1986 г. краеведом Игорем Николаевичем Канаевым вместе с группой школьников и студентов из материковой ямы подпола/подвала, вскрывшейся в результате рытья котлована под строительство дома 24/5 на углу ул. Грибоедова и Вознесенской. Место находки располагалось на территории так называемого «Нижнего» посада Переяславля-Рязанского, известного по письменным источникам XVI–XVII вв. как «Черная посадская слобода», или просто «посад». В результате проведенного исследования удалось не только интерпретировать «заорленную» керамику как питейную меру, но и по месту находки предположить о принадлежности комплекса казенному дому «на торгу». Говоря о датировке керамического комплекса, следует отметить, что она укладывается в довольно узкие хронологические рамки второй половины XVIII в., несмотря на его в какой-то степени «открытый» характер. В это время большая часть мерной посуды для питейного дела в Переяславль-Рязанском уезде была медной за исключением черепов и плошек, что позволило отнести найденную меру к данной категории керамики. Полученные результаты дают возможность говорить о фрагменте донца сосуда с клеймом на внутренней стороне в виде двуглавого орла как о первом археологическом свидетельстве питейного дела в Переяславле-Рязанском, и втором, после раскопанных в 2009 и 2014 гг. смоленских трактиров, – на территории современной России.

Ключевые слова: Переяславль-Рязанский, керамическая посуда, клейменный сосуд – «заорленая» мера, питейное дело, питейный дом.

Еще сравнительно недавно все исследования в области истории средневекового питейного дела в России проводились лишь на основании свидетельств из письменных источников. Однако в 2009 и 2014 гг. были опубликованы результаты комплексных археологических раскопок двух городских усадеб в Смоленске, в ходе которых авторы, опираясь на вещественные источники, смогли сделать вывод о существовании на данной территории во второй четверти XVII – середине XVIII вв. двух трактиров [13]. Похожие выводы, представленные в данной статье, были сделаны в процессе изучения керамического комплекса, обнаруженного в г. Рязани (бывшем Переяславле-Рязанском) в 1986 г. и извлеченного краеведом Игорем Николаевичем Канаевым вместе с группой школьников и студентов из материковой ямы подпола/подвала размером приблизительно 300x300x180 см, вскрывшейся в результате рытья котлована под строительство дома 24/5 на углу ул. Грибоедова и Вознесенской (рис. 1)¹.

История Переяславля-Рязанского ведет отсчет с 1095 г., хотя эта дата вызывает много вопросов, и некоторые исследователи считают, что он возник в середине XII в. [7]. В конце XIII – начале XIV в. Переяславль из небольшого городка превращается в столицу Рязанского княжества, коим остается до 1521 г. С потерей самостоятельности Рязанского княжества он становится уездным центром, но остается крупным военно-оборонительным пунктом, входившим в систему Вожской засеки. В 1778 г. образуется Рязанская губерния, Переяславль-Рязанский переименовывают в Рязань, он становится столицей губернии.

Место находки располагалось на территории тогдашнего так называемого «Нижнего» посада. В источниках XVI – XVII вв. он именуется «Черной посадской слободой» или просто «посадам» [12]. Как известно, в состав посадов под общим названием «...объединялись районы и слободы, различные по времени возникновения, функциональному назначению, соци-

альному составу и профессиональной специализации жителей» [11, с. 23]. Одной из таких слобод здесь была сравнительно поздно возникшая Новинская слобода, или Новинки, которая как раз и располагалась в районе современных улиц Грибоедова, Фурманова, Затинной. Здесь довольно компактно проживали кирпичники (гончары). Недаром, когда по новому генеральному плану здесь прокладывали улицу, ее назвали Старой Горшечной (современная ул. Грибоедова), а сам район и в XIX в. обозначался как Горшечная (Гончарная) слобода [11, с. 27]. Подтверждают этот факт и находки в этом районе многочисленных кирпичных горнов XVI – XVIII вв. для обжига керамики [2].

Рис. 1. Место находки керамического комплекса «заорленной» мерой на плане регулярной застройки г. Рязани (Переяславля-Рязанского). 1780 г.

В 2004 г. на ул. Грибоедова проводились раскопки под руководством В. П. Челяпова [1; 17; 20; 21], а в 2007 г. А. А. Вячина [3; 16]. В ходе работ было выяснено, что мощность культурного слоя доходит до 60–80 см, освоение данной территории начинается с XIII в., а основные материалы датируются XVI – XVIII вв.

Весь собранный керамический материал из комплекса подпольной (подвальной) ямы разбит на две группы:

- керамика без дополнительной обработки поверхности (ДОП);
- чернolощеная керамика.

1. Керамика без ДОП представлена горшками, мисками и крышками. У горшков тулово усеченно-конической формы и покатые плечики. Венчик прямой, черновой край его завернут внутрь, чистовой край как немного уплощенный, так и округлый. Изготовлены из красножгущихся и слабожелезненных глин. Глина без визуальной фиксации примесей. Дно обычно узкое, гладкое, без подсыпки. Изготовлены горшки преимущественно на ножном круге. Посуда кухонная, часто встречаются следы нагара. Диаметр венчиков колеблется от 15 до 32 см, преобладает 24–30 см, высота, в основном, 18–26 см. Горшки относятся к типу IA по нашей классификации (тип 3/4 по классификации В. Ю. Коваля): [8; 10; 19, с. 72], (рис. 2 а). Орнамента на сосудах нет, только изредка отмечена одиночная волна по венчику – такая орнаментация указывает на местную гончарную традицию конца XVII – XVIII вв. [9, с. 92, 107]. Подобные горшки найдены в большом количестве в ходе раскопок в 2004 и 2007 гг. рядом с домами № 48, 47–59 по ул. Грибоедова [1; 16].

Датируются горшки данного типа преимущественно XVIII в.

Фрагменты крышек имеют петлевидные ручки (рис. 2 в).

Миски с усеченно-конической профилировкой, венчик прямой, край отогнут наружу и завернут, без дополнительной обработки поверхности (рис. 2 д).

2. Чернолощенные сосуды представлены горшками, кувшинами, мисками, кубышкой. Горшки по форме идентичны горшкам без ДОП, описанных выше. Большинство из них тоже не орнаментированы, редко встречается одиночная волна или поясок волн по венчику (рис. 2 б). Найдены единичные горшки данного типа со сливом.

Кувшины по форме – это кувшины-крынки с двумя маленькими ушками на горловине – наиболее распространенная форма кувшинов XVIII в. в Переяславле-Рязанском (рис. 2 г) [9, с. 113]. По венчику и плечикам лощение вертикальными полосами, по стенкам – горизонтальными.

Миски также усеченно-конической формы с прямым венчиком, край которого или отогнут наружу под прямым углом или просто завернут (рис. 2 д). Лощение тщательное, двустороннее. Одна из мисок украшена волнистым орнаментом по всей внешней поверхности, а внутри на донце нанесен растительный орнамент (рис. 2 е).

Кубышка чернолощенная, лощение горизонтальными полосами по всей поверхности (рис. 2 ж).

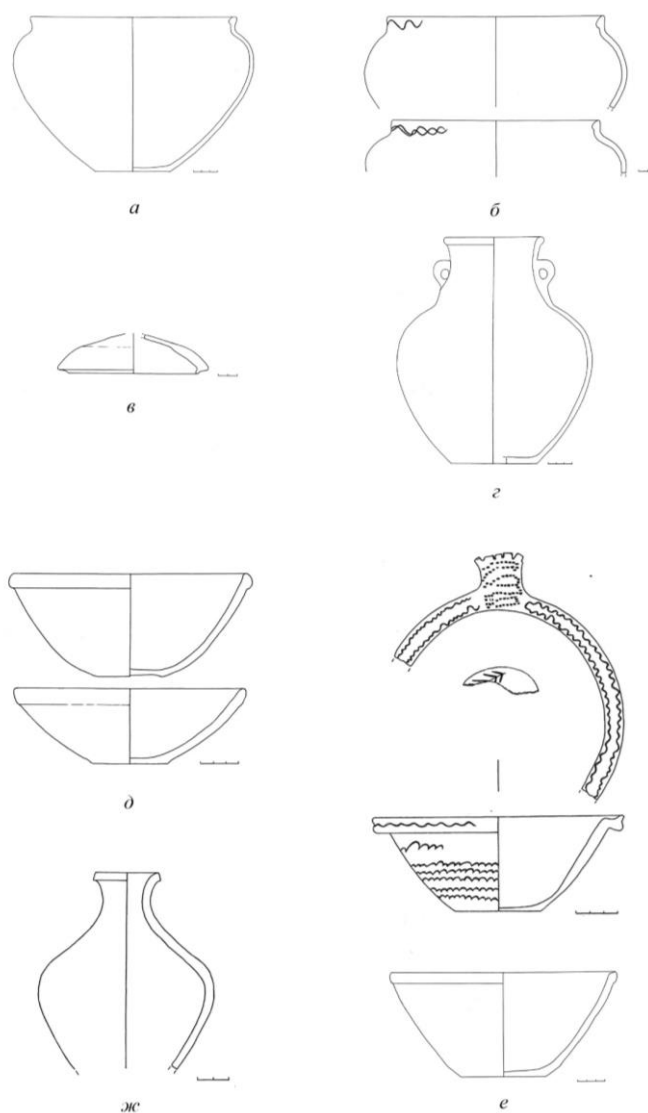

Рис. 2. Керамика комплекса на Грибоедова 24/5: а – горшки без дополнительной обработки поверхности; б – чернолощенные горшки со сливом; в – горшечные крышки; г – кувшины-крынки; д – миски без дополнительной обработки поверхности; е – чернолощенные миски; ж – кубышка.

Чернолощенная керамика появляется в Переяславле со второй половины XVI в. [19, с. 96] и получает довольно широкое распространение в XVII – XIX вв.

Говоря о датировке керамического комплекса в целом, следует отметить, что он укладывается в довольно узкие хронологические рамки, несмотря на его в какой-то степени «открытый» характер. Полное отсутствие горшков без ДОП XVII – начала XVIII вв. и XIX в. в соче-

тании с большим количеством чернolощеной посуды, среди которой преобладают кувшины-крынки XVIII в., позволяют продатировать его второй половиной XVIII в.

Описанный керамический комплекс был бы ничем не примечателен, так как почти не отличается от гончарной посуды Переяславля-Рязанского этого периода, если бы не уникальный предмет – донце гончарного сосуда с клеймом на внутренней стороне в виде двуглавого орла с распростертыми крыльями. Размеры клейма 30x25 мм. Нанесено оно оттиском штампа. Рисунок очень четкий, рельефный, орел расположен внутри прямоугольника с закругленными углами (рис. 3 а, б). Аналогов как подобного клейма, так и оттисков на внутренней поверхности гончарной посуды, на территории России обнаружить не удалось. Объем и форму сосуда по найденному фрагменту достоверно реконструировать не представляется возможным.

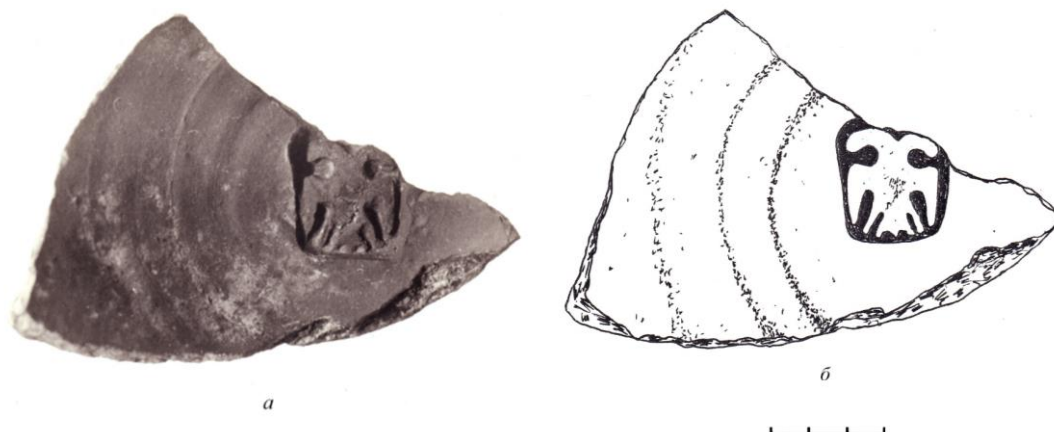

Рис. 3. Фрагмент «заорленной» керамической меры: а – фотография; б – зарисовка.

Наличие подобного «государственного» клейма на внутренней стороне донца явно не случайно и позволяет предположить, что сосуд, скорее всего, является фрагментом глиняной «заорленной» питейной меры. Из письменных источников известно, что большая часть мерной посуды для питейного дела в Переяславль-Рязанском уезде в XVIII в. была медной: «По указу Переславль-Рязанской провинциальной канцелярии от 13 мая № 590 выдано нижепис. пер.-ряз. купцам за взятые у них для поклажи сборной денежной казны ящики и меры... Василью Чернавскому за меры медные три 3-копеечные и три копеечные 40 коп.» [18, л. 11]; «...посуды медной ведро, две четверти, осьмуха, полуосьмуха, отжигальница красной меди, зеленой меди 22 алтынных и 22 копеечных, весу во всей оной посуде 2 пуда 3,5 фунта...»; «Посуды медной в городе Рязане весом 1 пуд 16 и 3/8 фунта...» [5]. Однако были и керамические меры – черепки и плошки: «выдано переславскому купцу Ивану Костентинову за черепки и плошки на распивку меду 8 коп.»; «выдано переславскому купцу Ивану Костентинову за черепки на распивку 50 коп.» [18, л. 2]; «выдано переславскому купцу Михаилу Костентинову за взятые на распивку меду черепки и плошки 20 коп.» [18, л. 3]; «между 9 и 15 марта выдано деревни Слободки крестьянину Григорью Васильеву сыну Бирюкову за взятые у него черепки и плошки 30 коп.» [18, л. 5]; «выдано Переславского уезда Рязанского деревни Шатриц крестьянину Григорью Бирюкову на роспивку за черепки и плошки 5 руб. [8, л. 8]; 23 июля выдано деревни Слободки крестьянину Григорью Васильеву сыну Бирюкову за покупные у него на распивку оного меду черепки и плошки 18 коп.» [18, л. 14]; «выдано вотчины ставропигиального Савина монастыря Сторожевского села Спасского крестьянину Емельяну Морозову с товарищи... за черепки и плошки 5 коп., итого 13 коп.» [18, л. 17]; «ноябрь выдано вотчины ставропигиального Савина монастыря Сторожевского села Спасского крестьянину Емельяну Морозову с товарищи... за черепки и плошки 10 коп.» [18, л. 18]². Поэтому, с большой долей вероятности, найденную меру можно атрибутировать как «заорленную» плошку.

Как известно, в 1765 г. Екатериной II был принят «Устав о винокурении», упорядочивший систему питейных домов на откупе путем регулирования не только производства, но и сбыта вина и спиртных напитков в Российской империи и их налогообложение через от-

² Выражаем огромную благодарность научному сотруднику Института археологии РАН, к. и. н. А. А. Гомзину за предоставленные архивные материалы.

купную систему [4]. В нем предписывалось множество строгих ограничений по продаже алкогольных напитков с целью организации государственной монополии в данной отрасли, одним из которых была продажа их клейменными мерами по фиксированным ценам [14]. С 1 января 1771 г. указом Сената была введена в действие разработанная Коммерц-коллегией «типовая форма контракта на содержание питейных сборов на откупе». Согласно контракту, на откупщика, как на коронного поверенного, распространялась особая юрисдикция, обязывавшая его на подведомственных ему питейных домах иметь государственный герб (двуглавого орла) [15, с. 137, 142, 144]. В пункте 4 формы данного контракта откупщику также предоставлялось право на «харчевую продажу» (т. е. торговлю закусками) [15, с. 130–133]. Из письменных источников известно, что на 24 октября 1779 г. в Переяславле-Рязанском функционировали следующие питейные дома на откупе: «...строения в Переславле каменная палата, в том числе казенным коштом сделанная вновь после пожара крышка; да казенным же коштом вновь построенных: на леднике анбар, где продаются напитки летним временем; на торгу близ мучных лавок, называемый Ладога; в старых кузницах, называемый Красный; да прежде построенных: близ реки Лыбеди, называемый Березовка; у каменной башни; Облуп; на въезде при Черной слободе, называемый Разгуляй; в Ямской слободе, называемый Каток; на Большой Пронской дороге; на Рязанской дороге; у Троицкого монастыря по Московской Большой дороге...; на большой Пронской дороге; на Рязанской дороге; у Троицкого монастыря по Московской Большой дороге...» [5].

Таким образом, содержание в керамическом комплексе фрагмента «заорленной» питейной меры с государственным гербом, которым обладал откупщик как коронный поверенный, и чернолощеной «питейной» и столовой посуды, которая могла использоваться для «харчевой торговли», а также его обнаружение на территории торговой площади Нижнего посада Переяславля-Рязанского, позволяют предположить о принадлежности данной посуды казенному дому «на торгу», в котором находились сразу три питейных заведения: Осьмушный, Медовый и Водочный питейные дома [6]. Более того, как уже отмечалось ранее, в расходной книге Переяславль-Рязанского уезда говорится об использовании глиняных мер преимущественно для разлива меда [18, л. 2, 3, 5, 8, 14, 17, 18], поэтому можно с определенной долей вероятности говорить, что описанная керамика могла принадлежать именно Медовому питейному дому.

В заключение хотелось бы отметить, что несмотря на то, что в нашем распоряжении имелась лишь керамическая посуда, собранная при наблюдении за строительными работами, интерпретация гончарного сосуда с клеймом в виде двуглавого орла на внутренней стороне донца как «заорленной» меры позволила предположить о функционировании в районе места его обнаружения питейного заведения второй половины XVIII в., что дает возможность говорить о данной находке как о первом археологическом свидетельстве питейного дела в Переяславле-Рязанском, и втором, после смоленских трактиров, – на территории современной России.

Список литературы

1. Архив ИА РАН (Архив Института археологии Российской академии наук). В. П. Челябинцев Отчет об охранных раскопках в Гончарной слободе Переяславля-Рязанского в 2004 г. Р-1. № 26526.
2. Буланкин В. М. Исследования культурного слоя исторической части города Рязани в 1991–2004 гг. // Третьи Яхонтовские чтения : мат-лы научно-практической конференции, Рязань, 12–15 октября 2004 г. Рязань : Изд-во РИАМЗ, 2005. С. 376.
3. Вячин А. А. Раскопки в Гончарной слободе г. Рязани // Битва на Воже и средневековая Русь : мат-лы Межрегиональной научной конференции «Битва на Воже и средневековая Русь», 1–3 октября 2008 г. Рязань, 2009. С. 102–112.
4. Гавлин М. Л. Вопрос о винных откупах в истории законодательства Российской империи. XVIII–XIX вв. // Экономическая история. Обзорение. Вып. 13 / под ред. Л. И. Бородкина. М. : Изд-во МГУ, 2007. (Труды исторического факультета МГУ: Вып. 39). С. 130.
5. ГАРО (Государственный архив Рязанской области). Ф. 129. Оп. 204. Д. 10. Л. 178.
6. ГАРО. Ф. 129. Оп. 208. Д. 4. Л. 140.
7. Завьялов В. И. К вопросу о дате основания Переяславля-Рязанского // Археология Подмосковья : мат-лы научного семинара. Вып. 14. М. : Институт археологии РАН, 2018. С. 201–208.
8. Завьялов В. И., Судаков В. В. Стратиграфия и хронология Житного раскопа в кремле Переяславля-Рязанского // Археология Подмосковья : мат-лы научного семинара. Вып. 13. М. : ИА РАН, 2017. С. 71.
9. Коваль В. Ю. Керамика Переяславля-Рязанского XVII–XVIII вв. : мат-лы по археологии Переяславля-Рязанского / отв. ред. В. И. Завьялов. Вып. 1. Рязань : РИАМЗ, 2011. С. 87–122.
10. Коваль В. Ю. Первичная фиксация массового керамического материала (на памятниках эпохи средневековья и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы) // Методика полевых археологических исследований. Вып. 9. М. : ИА РАН, 2016. С. 50–58.

11. Кусова И. Г., Филиппов Д. Ю. Переяславль-Рязанский XVII–XVIII вв.: планировочная структура, застройка, социальная топография : мат-лы по археологии Переяславля-Рязанского. Вып. 1. Рязань : РИИМЗ, 2011. С. 14–52.
12. Писцовая книга 1626 г. // Рязань. Материалы для истории города XVI–XVIII вв. М., 1884. С. 7.
13. Пронин Г. Н., Шорин Ю. Н. Питейные заведения Смоленска XVII – первой половины XVIII в. (по археологическим данным) // Археология Подмосковья : мат-лы научного семинара. Вып. 15. М. : Институт археологии РАН, 2019. С. 291–315.
14. ПСЗ-И. Т. XVII. № 12448. С. 211–212.
15. ПСЗ-И. Т. XIX. № 13505.
16. РИИМЗ (Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник). А. А. Вячин Отчет об охранных археологических раскопках на территории Гончарной слободы г. Рязани в 2007 г. (ул. Грибоедова, дд. 47–59 в 68 квартале). 2007. № 3980.
17. РИИМЗ. В. П. Челябинов Отчет об охранных раскопках на Нижнем посаде г. Переяславля-Рязанского (современный г. Рязань, ул. Свободы д. 4) в 2007 г. № 3972.
18. РИИМЗ. Книга расходная Переяславского уезду Рязанского сел Старой Рязани. КП–8908.
19. Судakov В. В. Керамика Житного раскопа // Материалы по археологии Переяславля-Рязанского. Вып. 3. М. : ИА РАН, 2019. С. 67–100.
20. Челябинов В. П. Исследования на Нижнем посаде г. Переяславля-Рязанского (современный г. Рязань) // Битва на Воже и средневековая Русь : мат-лы Межрегиональной научной конференции «Битва на Воже и средневековая Русь», Рязань, 1–3 октября 2008 г. Рязань, 2009. С. 81–101.
21. Челябинов В. П., Иванов Д. А. Охранные раскопки на территории Гончарной слободы Переяславля-Рязанского // Битва на Воже и Куликовское сражение (история и культура средневековой Руси) : мат-лы Всероссийской научной конференции «Битва на Воже и Куликовское сражение (история и культура средневековья)», Рязань, 7–10 сентября 2005 г. Рязань : «Политех», 2006. С. 155–167.

The "overburdened" measure as part of the ceramic complex of the second half of the XVIII century as a material evidence of the drinking business of Pereyaslavl-Ryazan

P. S. Kireev¹, V. V. Sudakov²

¹seeker of the degree of PhD in Historical Sciences of the Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow; Researcher of the Department of Archeology, Ryazan Historical and Architectural Museum-Reserve. Russia, Ryazan. ORCID: 0000-0002-3174-7962. E-mail: pazzlef@gmail.com

²an independent researcher. Russia, Ryazan. E-mail: sudakov_v@mail.ru

Abstract. The article gives a detailed description and attribution of a ceramic complex with an extraordinary object – a fragment of the bottom of a vessel with a stamp on the inside in the form of a double-headed eagle. The complex was discovered and extracted in 1986 by local historian Igor Nikolaevich Kanaev together with a group of schoolchildren and students from the mainland pit of the basement/basement, which was opened as a result of digging a pit for the construction of house 24/5 at the corner of Griboyedov and Voznesenskaya streets. The place of discovery was located on the territory of the so-called "Lower" posad of Pereyaslavl Ryazan, known from written sources of the XVI–XVII centuries. as "Black Posadskaya Sloboda" or simply "posad". As a result of the conducted research, it was possible not only to interpret the "stained" ceramics as a drinking measure, but also to assume that the complex belongs to the state house "at auction" at the place of the find. Speaking about the dating of the ceramic complex, it should be noted that it fits into a rather narrow chronological framework of the second half of the XVIII century, despite its somewhat "open" nature. At that time, most of the measuring utensils for drinking in the Pereyaslavl-Ryazan district were copper, with the exception of skulls and bowls, which made it possible to attribute the found measure to this category of ceramics. The results obtained make it possible to talk about a fragment of the bottom of a vessel with a stamp on the inside in the form of a double-headed eagle as the first archaeological evidence of drinking in Pereyaslavl–Ryazan, and the second, after the Smolensk inns excavated in 2009 and 2014, on the territory of modern Russia.

Keywords: Pereyaslavl-Ryazan, ceramic tableware, branded vessel – "zaurlenaya" measure, drinking business, drinking house.

References

1. Archive of IA RAS (Archive of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences). V. P. Chelyapov *Отчет об охранных раскопках в Гончарной слободе Переяславля-Рязанского в 2004 г.* [Report on security excavations in the Pottery settlement of Pereyaslavl-Ryazan in 2004]. P–1. No. 26526.
2. Bulankin V. M. *Issledovaniya kul'turnogo sloya istoricheskoy chasti goroda Ryazani v 1991–2004 gg.* [Studies of the cultural layer of the historical part of the city of Ryazan in 1991–2004] // *Tret'i Yahontovskie chteniya : mat-ly*

nauchno-prakticheskoy konferencii, Ryazan', 12–15 oktyabrya 2004 g. – Third Yakhontov readings : mat-ls scientific and practical conference, Ryazan, October 12–15, 2004. Ryazan. RIAMZ Publishing House. 2005. P. 376.

3. Vyachin A. A. *Raskopki v Goncharnoj slobode g. Ryazani* [Excavations in the Goncharnaya Sloboda of Ryazan] // *Bitva na Vozhe i srednevekovaya Rus' : mat-ly Mezhhregional'noj nauchnoj konferencii "Bitva na Vozhe i srednevekovaya Rus'", 1–3 oktyabrya 2008 g.* – The Battle of Vozha and medieval Russia : materials of the Interregional scientific conference "The Battle of Vozha and Medieval Russia", October 1–3, 2008. Ryazan. 2009. Pp. 102–112.

4. Gavlin M. L. *Vopros o vinnyh otkupah v istorii zakonodatel'stva Rossijskoj imperii. XVIII–XIX vv.* [The question of wine purchases in the history of legislation of the Russian Empire. XVIII–XIX centuries] // *Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie. Vyp. 13* – Economic history. Review. Is. 13 / ed. by L. I. Borodkin. M. Publishing House of Moscow State University. 2007. (Proceedings of the Faculty of History of Moscow State University: Is. 39). P. 130.

5. SARR (State Archive of the Ryazan region). F. 129. Inv. 204. File 10. Sh. 178.

6. SARR. F. 129. Inv. 208. File 4. Sh. 140.

7. Zav'yalov V. I. *K voprosu o date osnovaniya Pereyaslavlya-Ryazanskogo* [On the question of the date of foundation of Pereyaslavl-Ryazan] // *Arheologiya Podmoskov'ya : mat-ly nauchnogo seminar. Vyp. 14* – Archeology of the Moscow region : mat-ls results of the scientific seminar. Vol. 14. M. Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, 2018. Pp. 201–208.

8. Zav'yalov V. I., Sudakov V. V. *Stratigrafiya i hronologiya Zhitnogo raskopa v kremle Pereyaslavlya-Ryazanskogo* [Stratigraphy and chronology of the Life excavation in the Kremlin of Pereyaslavl-Ryazan] // *Arheologiya of the Moscow region : materials of the scientific seminar. Vol. 13. M. IA RAS. 2017. P. 71.*

9. Koval' V. Yu. *Keramika Pereyaslavlya-Ryazanskogo XVII–XVIII vv. : mat-ly po arheologii Pereyaslavlya-Ryazanskogo* [Ceramics of Pereyaslavl-Ryazan of the XVII–XVIII centuries : mat-ls on the archeology of Pereyaslavl-Ryazan] / ed. V. I. Zav'yalov. Is. 1. Ryazan : RIAMZ, 2011. Pp. 87–122.

10. Koval' V. Yu. *Pervichnaya fiksaciya massovogo keramicheskogo materiala (na pamyatnikah epohi srednevekov'ya i rannego zheleznoogo veka lesnoj zony Vostochnoj Evropy)* [Primary fixation of mass ceramic material (on monuments of the Middle Ages and Early Iron Age of the forest zone of Eastern Europe)] // *Metodika polevyh arheologicheskikh issledovanij. Vyp. 9* – Methodology of field archaeological research. Is. 9. M. IA RAS. 2016. Pp. 50–58.

11. Kusova I. G., Filippov D. Yu. *Pereyaslavl'-Ryazanskij XVII–XVIII vv.: planirovochnaya struktura, zastrojka, social'naya topografiya : mat-ly po arheologii Pereyaslavlya-Ryazanskogo. Vyp. 1* [Pereyaslavl-Ryazan XVII–XVIII centuries: planning structure, building, social topography : materials on the archeology of Pereyaslavl-Ryazan]. Is. 1. Ryazan. RIAMZ. 2011. Pp. 14–52.

12. *Piscovaya kniga 1626 g.* – Scribal book of 1626 // *Ryazan'. Materialy dlya istorii goroda XVI–XVIII vv.* – Ryazan. Materials for the history of the city of the XVI–XVIII centuries. M. 1884. P. 7.

13. Pronin G. N., Shorin Yu. N. *Pitejnye zavedeniya Smolenska XVII – pervoj poloviny XVIII v. (po arheologicheskim dannym)* [Drinking establishments of Smolensk XVII – the first half of the XVIII century (according to archaeological data)] // *Arheologiya Podmoskov'ya : mat-ly nauchnogo seminar. Vyp. 15* – Archeology of the Moscow region : materials of the scientific seminar. Is. 15. M. Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences. 2019. Pp. 291–315.

14. PSZ-I. Vol. XVII. No. 12448. Pp. 211–212.

15. PSZ-I. Vol. XIX. No. 13505.

16. RHAMR (Ryazan Historical and Architectural Museum-Reserve). *A. A. Vyachin Otchet ob ohrannyh arheologicheskikh raskopkah na territorii Goncharnoj slobody g. Ryazani v 2007 g. (ul. Griboedova, dd. 47–59 v 68 kvartale)* [Report on security archaeological excavations on the territory of the Goncharnaya Sloboda of Ryazan in 2007 (Griboedov str., dd. 47–59 in the 68 block)]. 2007. No. 3980.

17. RHAMR. V. P. *Chelyapov Otchet ob ohrannyh raskopkah na Nizhnem posade g. Pereyaslavlya-Ryazanskogo (sovremennyj g. Ryazan', ul. Svobody d. 4) v 2007 g.* [Report on security excavations at the Lower Posad of Pereyaslavl-Ryazansky (modern Ryazan, Svobody str. 4) in 2007]. No. 3972.

18. RHAMR. The expenditure book of the Pereyaslavsky district of the Ryazan villages of Old Ryazan. KP–8908.

19. Sudakov V. V. *Keramika Zhitnogo raskopa* [Ceramics of the Granary excavation] // *Materialy po arheologii Pereyaslavlya-Ryazanskogo. Vyp. 3* – Materials on archeology of Pereyaslavl-Ryazan. Is. 3. M. IA RAS. 2019. Pp. 67–100.

20. Chelyapov V. P. *Issledovaniya na Nizhnem posade g. Pereyaslavlya-Ryazanskogo (sovremennyj g. Ryazan')* [Research on the Lower Posad of Pereyaslavl-Ryazan (modern Ryazan)] // *Bitva na Vozhe i srednevekovaya Rus' : mat-ly Mezhhregional'noj nauchnoj konferencii "Bitva na Vozhe i srednevekovaya Rus'", Ryazan', 1–3 oktyabrya 2008 g.* – Battle of Vozhe and Medieval Russia : materials of the Interregional scientific conference "Battle of Vozhe and Medieval Russia", Ryazan, October 1–3 2008. Ryazan, 2009. Pp. 81–101.

21. Chelyapov V. P., Ivanov D. A. *Ohrannye raskopki na territorii Goncharnoj slobody Pereyaslavlya-Ryazanskogo* [Security excavations on the territory of the Pottery settlement of Pereyaslavl-Ryazan] // *Bitva na Vozhe i Kulikovskoe srazhenie (istoriya i kul'tura srednevekovoj Rusi) : mat-ly Vserossijskoj nauchnoj konferencii "Bitva na Vozhe i Kulikovskoe srazhenie (istoriya i kul'tura srednevekov'ya)", Ryazan', 7–10 sentyabrya 2005 g.* – The Battle of Vozha and the Kulikovo Battle (history and culture of Medieval Russia) : materials of the All-Russian scientific Conference "The Battle of Vozha and the Kulikovo Battle (History and culture of the Middle Ages)", Ryazan, September 7–10, 2005 G. Ryazan : "Polytech", 2006. Pp. 155–167.

«Замурованное прошлое», или «подлинная действительность Венеции» (по роману К. Уокер «Остановка в Венеции»)

Н. М. Ильченко

доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной филологии,
Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина,
Россия, г. Нижний Новгород. E-mail: ilchenko2005@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается роман американского писателя и киноактрисы К. Уокер «Остановка в Венеции» (2008), который вписывается в венецианский текст, включающий в себя устойчивый набор пространственных черт – традиционных локусов (площадь Сан-Марко, мост Риальто, набережная Дзаттере и др.) и описаний (воды, неба, скульптур льва, гондольеров и др.).

Показано, что природно-сказочное пространство Венеции выделяется как ведущее в романе К. Уокер. Актуальность исследования связана с изучением национальных образов как вариантов «своего» и «чужого». Главная героиня – американка Корнелия Эверетт – останавливается в городе, похожем на сказку. Поэтому ведущими в романе становятся мотивы испытания, вознаграждения, превращения, тайны и др. Ситуация «остановки в Венеции» соотносима и с другими персонажами романа. Соприкоснувшись с прошлым Венеции, герои участвуют в разгадке тайны живописных шедевров, что меняет их жизнь. Особое внимание уделяется образу Дома, старинного палаццо, история которого связана с биографией знаменитого венецианского художника Джорджоне. Хроника событий прошлого вписывается в «литературный сюжет», основанный на дневниках, письмах, записках начала XVI в. Познание «подлинной Венеции» позволило главной героине сделать правильный жизненный выбор. Новизна исследования связана с анализом одного из основных мирообразов Венеции как «страны чудес» и индивидуально-авторского наполнения традиционной модели.

Такой подход позволил представить особенности эволюции венецианского текста начала XXI в., выделение в качестве одного из основных – мотива вторичности современности.

Ключевые слова: мотив, пространство, символ, образ, фреска.

Исследование «чужого» в гуманитарных науках восходит к работам Ж.-М. Карре и М.-Ф. Гияра [20; 21]. С их открытиями связано и изучение «национальных образов», в том числе и городского пространства, в частности, венецианского [6; 7; 10; 16].

Образ Венеции, формирование венецианского текста, венецианского мифа, создавался писателями разных стран на протяжении веков, например, У. Шекспиром и Д. Рескиным, А. С. Пушкиным и П. П. Муратовым, Э. Т. А. Гофманом и Т. Манном, Ф. Купером и Г. Джеймсом [4; 5; 8; 9; 11; 12; 13; 17]. Венеция – город с необыкновенной судьбой: в прошлом – могущественное государство, сейчас – один из главных культурных центров, чью славу создали гениальные художники и архитекторы [1; 2; 3]. Свое видение Венеции представила Кэтрин Уокер (род. 1943) в романе «Остановка в Венеции» (2008). По ее мнению, Венеция, в отличие от других популярных туристических мест, превратившихся в «парки развлечений, перестав развлекать», не изменилась. Однако и здесь «прошлое не сумело вписаться в настоящее, оно замуровано где-то глубоко, а вместе с ним и подлинная действительность» [15, с. 195].

«Подлинную действительность» Венеции суждено открыть главной героине романа К. Уокер – Корнелии Эверетт, или Нел. Она останавливается в Венеции, чтобы разобраться в непростой жизненной ситуации. Жена известного музыканта, в прошлом актриса, Нел превратила свою жизнь в «бесконечные сумерки», полностью подчинившись интересам мужа. Приключение, участницей которого она становится, позволит вернуть утраченную свободу и стать счастливой.

Повествование ведется от лица Нел – американки, поэтому Венеция сначала «чужое» для нее пространство. Она сразу выделяет Венецию для туристов, показную, и подлинную, живую.

Гуляя несколько часов подряд, героиня видит, что «на откуп туристам и гостям» отданы открытые площадки, но «настоящая жизнь города «протекает внутри, где-то за этими манящими и часто облупленными стенами» [15, с. 45]. Венеции даются в романе разнообразные характеристики: «королева морей», «таинственная, манящая и эффектная, даже слегка опасная», «очарованный остров», «волшебный остров» [15, с. 125, 156, 176, 380]. Среди характеристик самыми часто встречающимися становятся определения ее как «страны чудес» [15, с. 209, 211], окутывающей своими «чарами» [15, с. 213] тех, кто хочет понять себя и тех людей, которые сотворили «душу» этого загадочного города.

Завязкой романа становится сцена спасения Нел карманной собачки Лео от толпы мальчишек. Дом, в который попадает героиня после спасения чихуа-хуа, оказывается не простым палаццо со старинной дверью, а «волшебным королевством». Дверь открывает старуха, которая напоминает сначала «ведьму», но потом «превращается в щедрую фею домашнего очага» [15, с. 50, 130]. Мотив волшебного превращения, характерный для итальянских сказок, присутствует в романе. В одной из этих сказок говорится о прекрасной Анжиоле, которой пришлось ходить в собачьем обличье, но пес снимает с нее заклятье, так и Лео приводит Нел в дом, где ей возвращается «настоящее лицо». Она говорит, что оказалась в «стране чудес: загадочные фрески, таинственные сундуки, волшебные одежды, дискуссии о монастырях эпохи Возрождения – и все это в таком великолепном доме. Итальянская сказка. Лео привел меня в сказку» [15, с. 118].

«Остановка в Венеции» – это ситуация, в которой находится не только Нел, но и другие герои: Лукреция да Изола – хозяйка палаццо, художник-ботанист, после Второй мировой войны вышедшая замуж за венецианского графа, чем была недовольна ее британская родня, вдова; Маттео Клементе – специалист по охране памятников культуры, тоже не венецианец, его мать – британка. Судьбоносной для них стала встреча в старинном венецианском палаццо, причем главная роль отводится Нел, потому что в ней «живет тоска по такой жизни, где прошлое и будущее связаны с настоящим» [15, с. 195]. Палаццо было когда-то монастырем, а во время эпидемии чумы использовалось как госпиталь. В верхней гостиной под штукатуркой была обнаружена фреска, значимость которой предстояло определить. Сюжет картины пока не ясен: «Женщина в античном одеянии, еще, кажется, лев и какие-то очертания пейзажа» [15, с. 92]. Еще одну «проступающую фреску» в деревянной раме обнаружила в своей комнате Нел и увидела сходство изобразительных мотивов между ними.

В романе объединяются две сюжетные линии, связанные с поиском автора фресок. Искусствоведческое расследование объединяет всех героев романа – синьору да Изола, Маттео, аспиранта-искусствоведа Рональда, исследователя венецианских монастырей Лидию, переводчицу Джулиану Датини. Все они оказываются вовлеченными в разгадывание тайны фресок, в своеобразный «детектив с художниками времен чумы шестнадцатого века» [15, с. 77]. Главной в разгадывании тайны оказывается Нел. Она чувствует свое духовное родство с образом коленопреклоненной женщины, изображенной на фреске, в позе которой отчетливо выражены «боль и мука» [15, с. 62]. Сама Нел страдает, чувствуя, что ее жизнь «вот-вот развалится» [15, с. 183]. Состояние отчаяния объединяет героиню К. Уокер с женщиной на фреске. Нел называет ее «моей измученной приятельницей», приносит ей с прогулки «веточку парковой буддлеи» [15, с. 120, 134].

Нел сняты сны, в которых обязательно присутствуют львы. Они издавна считаются символом Венеции, ее защитниками. Героиня называет Венецию «львиным городом», она встречает их скульптуры, гуляя по городу; львы часто изображаются и на полотнах художников Возрождения. В одном из снов героиня видит львов в земляной яме храма. Она с львицей на поводке переходит по узенькой планке над этой пропастью: «Мы словно парим над пустотой, над другими львами... я вся свечусь от ясной радости. Кричит птица...» [15, с. 135]. С птицами обычно связывают представление о человеческих душах, «они – воплощение божества предсказаний бессмертия и радости» [14, с. 293]. В другом сне появляется спящий лев, которого Нел соотносит с итальянским художником Джорджоне. Первоначально именно его считают одним из возможных авторов фрески в палаццо синьоры Лукреции. В каждом из снов героини выделяется «нереальное сияние» – «ослепительный солнечный свет» [15, с. 187], «храм заливается светом» [15, с. 135]. Джорджоне называют «певцом света», эти характеристики присутствуют и в романе. Художник везде видел «негасимый свет» [15, с. 368].

Джорджоне – мастер из Кастельфранко (1477 – 1510) – ученик Джованни Беллини, один из ведущих художников Высокого Возрождения. В его работах важную роль играют свет и

цвет, благодаря чему картины становятся объемными, получают пространственную глубину. В романе К. Уокер говорится о его главных полотнах – «Буря», «Лаура», «Юдифь», «Старуха» и др., дается интерпретация их содержания. На крышке ларца, найденного в палаццо, представлена миниатюрная копия картины Джорджоне «La Tempesta».

«La Tempesta» («Буря» или «Гроза», 1507) «рассматривается как эталонная для характеристики творческой манеры Джорджоне» [18, с. 349]. Этой небольшой по размеру картине посвящено огромное количество исследований [19; 22; 23]. В романе Нел видит в Галерее Академии: «Мрачные тучи на горизонте, застывший слева юноша, который глядит отрешенно не на кормящую, а куда-то в пространство, а вот она смотрит прямо на нас, ласково и понимающе. Из-за этой диспропорции взгляд все время рвется к пейзажу, к грозовому небу, к молниям, к городу, к реке. Все вдруг оживает, чувствуешь напор ветра и наэлектризованный перед грозой воздух. Меня пробрала дрожь...» [15, с. 170]. Содержание картины – юноша, обнаженная женщина с ребенком, город, молния вдали, пейзаж – трактуется исследователями по-разному. Существуют сторонники иносказательного прочтения («Гроза» как вариация античного мифа) [19]; истолкователи в рамках исторического направления («Гроза» как аналогия с общественно-политической ситуацией в начале XVI в.) [23] и др. В романе спутник Нел, Маттео, видит в «Грозе» «аллегория на тему природы, Аркадии, представление об идеальной, недостижимой гармонии, состояние мысли, устремленной к насущному, к самой жизненной сути» [15, с. 171]. Нел обращает внимание на свет, связывая тайну гениальности Джорджоне с умением видеть «сияющий свет»: «в этом и есть подлинный смысл col tempo – погрузиться в поток времени, в настоящее, которое таит в себе все сразу» [15, с. 368]. COL TEMPO – «с течением времени», «со временем». Это словосочетание несколько раз звучит в романе, определяя в качестве одного из ведущих – мотив вторичности современности.

Из дневника Клары Катена, которой принадлежал венчальный ларец с миниатюрной фреской Джорджоне, из записок настоятельницы монастыря донны Томасы и подруги Клары, Таддеа Фабриани, из их писем стали известны некоторые сведения из жизни великого венецианского художника. Он полюбил свою ученицу, сестру друга-художника Винченцо Катена. Они с Klarой тайно венчались, потому что мачеха девушки не соглашалась на этот брак. Джорджоне заразился чумой от своей бывшей любовницы и умер в монастыре Ле-Вирджине, который располагался в доме синьоры да Изола, незадолго до рождения сына; Клара пережила его на месяц. Поскольку нет достаточного количества фактических сведений, касающихся жизни этого художника, то версия К. Уокер, опирающаяся на некоторые документальные данные, представляет интерес. Так, подпись Джорджоне – Z; на обороте картины «Портрет Лауры» – Zorzi, на венецианском диалекте – Джородж. Герои романа полагают, что на нем изображена Клара, которая стала музой Джорджоне.

В дневниковой записи от 3 июня Клара поясняет: «Он принес мне красивую красную накидку, отороченную мягким мехом, – такие, по его словам, в ходу у северных художников, – чтобы оттенить мою кожу» [15, с. 291]. Как доказывает Е. Яйленко, отличие манеры письма Джорджоне «от работ венецианских предшественников» объясняется «воздействием со стороны германцев» [18, с. 349], то есть «северных художников». «На портрете я буду Лаурой – идеалом Петрарки, но не таким недостижимым. Скорее, подлинной, осязаемой мирской красотой, которая сама по себе проникнута божественной тайной и светом, как всякая мечта» [15, с. 291]. В дневнике Клары представлена не только история создания портрета, но раскрывается индивидуально-неповторимый характер замысла Джорджоне: «Он хотел, как я догадалась, перенести этот портрет в ту же плоскость, что открылась ему в пейзаже с бурей – воплощение мирской божественности, чтобы через этот образ выразить свою любовь ко мне» [15, с. 292]. Так в романе разгадывается «скрытый смысл» картины; Клара называет его «моим истинным портретом».

Джорджоне ценится как автор живописного жанра пейзажа; в нем ему открылась «мирская божественность». Девушка на портрете изображена на фоне лавра с расшнурованной сорочкой. Лавр – не только коронационная эмблема поэтов, он – «символ вечной жизни» [14, с. 185]. Джорджоне обеспечил бессмертие девушки, изображенной на «Портрете Лауры». В этой картине по-прежнему значимы светотеневые элементы, как и в «Буре». Герои романа сходятся во мнении, что художнику удавалось передать божественное, в том числе и в физическом мире.

Автором фресок в палаццо, как выясняется из дневника, записок, писем, была Клара Катена. На фреске в верхней гостиной (раньше это была мастерская монастыря) изображена юная женщина в античном одеянии с белым венком в темных волосах; ее правая рука лежала

на голове сидящего льва, а в левой она держала разворачивающийся свиток. Героиня романа находит сходство между девушкой на портрете Джорджоне и юной женщиной на фреске, хотя последняя выглядит мудрее, а в лице есть «отстраненность, словно она видит то, чего не видим мы» [15, с. 234]. В дневнике от 20 января 1510 г. Клара записывает, что главным персонажем фрески станет сама – «в античном образе, символизирующем мужество... и те, кто сейчас смотрят на эту фреску, смогут преодолеть все препятствия» [15, с. 328]. Символом, повторяющимся на фреске, является лавровый венок.

Другая фреска, в комнате Нел, рисовалась наспех: «женщина в драпирующихся многослойных одеждах, почему-то нарисованная отвернувшейся от зрителя... Судя по развороту женщина во внезапном порыве обернулась к кому-то с мольбой» [15, с. 62]. На фреске не было ни человека, ни распятия, к кому она могла обращаться. Однако состояние отчаяния женщины завораживало тех, кто смотрел на фреску. Из дневника Клары герои узнают о ее горе: Джорджоне заразился чумой и умер в монастыре 24 октября 1510 г. Последняя запись в дневнике Клары сделана ее подругой Таддеа Фабриани: 15 ноября родился сын, которого назвали Дзордзи Винченцо. Через несколько дней Клара умерла. Хроника монастырских событий 1510 г. четко зафиксирована в журнале донны Томасы: «20 октября. Слишком поздно. Но я его не брошу. Ужас при мысли, что она его видит... 24 октября. Бедная моя девочка. 15 ноября. Сын родился на заре. Ребенок здоров. Моя девочка в лихорадке, ликует и горюет... 24 ноября. Моей девочки больше нет. Покинула нас около полуночи. Продержалась месяц» [15, с. 359–360].

С открывшейся судьбой художницы, жившей четыреста лет назад, героиня К. Уокер связывает «двойную спасательную операцию». Фрески, а также обнаруженные в доме сундуки с вещами (старинными платьями, дневниками и др.), сохранили «действительность как она есть» [15, с. 344]. Именно Нел была «выбрана» для разгадки тайны прошлого: судьба «вела меня к тебе с того момента, как я сошла с поезда, ты тоже двигалась мне навстречу, рассыпая блестящие подсказки» [15, с. 345].

В романе две развязки: одна связана с событиями прошлого, другая – настоящего. Нел и Маттео увидели в одной из церквей Капельфранко в алтаре картину «Мученичество святой Кристины» и в одном из ангелочков узнали сына Клары и Джорджоне. Автором алтарного образа, созданного примерно в 1520 г., считается брат Клары.

История любви венецианского художника и его ученицы позволила Нел понять, что она не стала «жемчужиной» для своего мужа, не стала «его благословением, его даром», как Клара для Джорджоне [15, с. 371]. Интересно расставание Нел с прошлым. В старину различные жалобы в Венеции бросали в львиную пасть. Некоторые из них сохранились. На фасаде одной из церквей Нел ее увидела. Она воспринимает *bossa di leone* как «склеп, куда Энтони мог свалить все нелицеприятное... Он сиял, а я тускнела» [15, с. 369]. На страничке, вырванной из записной книжки, Нел «расстается с прошлым»: «Сложив листок пополам, я бросила его в ухмыляющуюся пасть» [15, с. 371].

Таким образом, «литературный сюжет» о представителе венецианской школы XVI в. Джорджоне и его ученице Кларе Катена позволил проникнуть в некоторые особенности изобразительных мотивов картин и фресок, а также в духовную культуру, быт, обычаи прошлого. «Найденные» дневники, письма, записки называются «заблудившимися хранителями чьей-то чужой мысли» [15, с. 344]. Они соотнесены с жизненными ситуациями героев романа, живущих в начале XXI в. Свет полотна Джорджоне помог им понять «свой собственный»; мужество Клары позволило Нел «преодолеть все препятствия». Мотив вторичности современности стал в романе К. Уокер одним из основных, а пространство Венеции осталось «волшебным королевством».

Список литературы

1. *Акройд П.* Венеция. Прекрасный город / пер. с англ. В. Кулагиной-Ярцевой, Н. Кротовской, Г. Шульги. М. : Изд-во Ольги Морозовой, 2012. 496 с.
2. *Бек К.* История Венеции. М. : Весь мир, 2002. 192 с.
3. *Гаррет М.* Венеция: История города / пер. с англ. П. Щербатюк. М. : Эксмо; СПб. : Мидгард, 2007. 352 с.
4. *Гофман Э. Т. А.* Дождь и догаресса / пер. А. Соколовского // Э. Т. А. Гофман. Собр. соч. : в 8 т. М. : ТЕРРА-Книжный клуб, 2009. С. 373–416.
5. *Джеймс Г.* Дези Миллер / пер. Н. Волжиной // Г. Джеймс. Повести и рассказы. Л. : Художественная литература, 1983. С. 22–80.
6. *Ильченко Н. М., Маринина Ю. А.* Образ Венеции как пространство любви и смерти (по произведениям Э. Т. А. Гофмана и Т. Манна) // Вестник Томского государственного педагогического университета. Выпуск № 6. 2018. С. 158–164.

7. Коровин В. И. «...Какое обещалось тут новое сокровище!...» // Московский пушкинист. Ежегодный сборник / сост-ль и лит. ред. В. С. Непомнящий. М. : ИМЛИ РАН, «НАСЛЕДИЕ», 2000. Т. VIII. С. 266–291.
8. Купер Д. Ф. Bravo, или В Венеции // Д. Ф. Купер. Избр. соч. : в 6 т. Bravo. Морская волшебница / пер. Е. Семенович (главы I–X), Н. Темчиной (главы XI–XXXI). М. : Гос. изд-во детской литературы Министерства Просвещения РСФСР, 1963. Т. V. С. 7–388.
9. Манн Т. Смерть в Венеции / пер. Н. Ман // Т. Манн. Новеллы. М. : Правда, 1986. С. 124–197.
10. Меднес Н. Е. Венеция в русской литературе. Новосибирск : НГУ, 1999. 392 с.
11. Муратов П. П. Венеция // П. П. Муратов Образы Италии. Полн. изд. : в 3 т. М. : Сварог и К, 2005. Т. I. С. 14–48.
12. Пушкин А. С. «Ночь тиха, в небесном поле» // А. С. Пушкин. Собр. соч. : в 10 т. М. : Правда, 1981. Т. II. С. 305.
13. Рескин Д. Камни Венеции / пер. с англ. А. Глебовской, Л. Житковой. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. 352 с.
14. Тресиддер Д. Словарь символов / пер. с англ. С. Палько. М. : ФАИР-ПРЕСС, 1999. 448 с.
15. Уокер К. Остановка в Венеции / пер. с англ. М. Десятовой. М. : Эксмо; СПб. : Домино, 2011. 384 с.
16. Феклин М. Б. Итальянские мотивы в творчестве Г. Джеймса и И. С. Тургенева // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2007. № 1. С. 231–235.
17. Шекспир У. Венецианский купец / пер. Т. Щепкиной-Куперник // У. Шекспир. Полн. собр. соч. : в 14 т. М. : Терра, 1994. Т. V. С. 163–458.
18. Яйленко Е. В. Венецианская палитра. Мир частного человека в искусстве Венеции эпохи Возрождения. М. : БуксМАрт, 2020. 448 с.
19. Büttner F. Die Geburt des Reichtums und der Neid der Götter // Münchner Jahrbuch der bildenden Kunst. 1986. № 37. S. 113–130.
20. Guyard M.-F. La littérature comparée. P. : Presses universitaires de France, 1951. 128 p.
21. Carré J.-M. Les écrivains français et le mirage allemand, 1800–1940. P. : Boivin, 1947. 223 p.
22. Motzkin E. Giorgione's "Tempesta" // Gazette des Beaux-Arts. 1993. № 122. Pp. 163–174.
23. Howard D. Giorgione's "Tempesta" and Titian's "Assunta" in the Context of the Cambrai Wars // Art History. 1985. № 8. Pp. 271–289.

"The Immured Past", or "the authentic reality of Venice" (based on the novel by K. Walker "Stop in Venice")

N. M. Ilchenko

Doctor of Philology, professor of the Department of Russian and Foreign Philology, Nizhny Novgorod State Pedagogical University n. a. K. Minin, Russia, Nizhny Novgorod. E-mail: ilchenko2005@mail.ru

Abstract. The article examines the novel by the American writer and film actress K. Walker "Stop in Venice" (2008), which fits into the Venetian text, which includes a stable set of spatial features – traditional loci (San Marco Square, Rialto Bridge, Zattere Embankment, etc.) and descriptions (water, sky, lion sculptures, gondoliers etc.).

It is shown that the natural fairy-tale space of Venice stands out as the leading one in the novel by K. Walker. The relevance of the research is connected with the study of national images as variants of "one's own" and "someone else's". The main character – American Cornelia Everett – stops in a city that looks like a fairy tale. Therefore, the leading motives in the novel are trials, rewards, transformations, secrets, etc. The situation of the "stop in Venice" is correlated with other characters of the novel. Having come into contact with the past of Venice, the heroes participate in solving the mystery of picturesque masterpieces, which changes their lives. Special attention is paid to the image of the House, an ancient palazzo, whose history is connected with the biography of the famous Venetian artist Giorgione. The chronicle of the events of the past fits into the "literary plot" based on diaries, letters, notes of the beginning of the XVI century. The knowledge of the "authentic Venice" allowed the main character to make the right life choice. The novelty of the research is connected with the analysis of one of the main world images of Venice as a "wonderland" and the individual author's content of the traditional model.

This approach allowed us to present the features of the evolution of the Venetian text of the beginning of the XXI century, highlighting as one of the main – the motive of the secondary modernity.

Keywords: motif, space, symbol, image, fresco.

References

1. Ackroyd P. *Veneciya. Prekrasnyj gorod* [Venice. A beautiful city] / transl. from English by V. Kulagina-Yar-tseva, N. Krotovskaya, G. Shulga. M. Publishing house of Olga Morozova. 2012. 496 p.
2. Beck K. *Istoriya Venecii* [The History of Venice]. M. Ves' mir (The Whole world). 2002. 192 p.

3. Garret M. *Veneciya: Istoriya goroda* [Venice: The history of the city] / transl. from English by P. Shcherbatyuk. M. Eksmo; SPb. Midgard. 2007. 352 p.
4. Hoffman E. T. A. *Dozh i dogaressa* [Doge and dogaressa] / transl. by A. Sokolovsky // E. T. A. Hoffman. *Sobr. soch. v 8 t.* [Collected works. in 8 vols.]. M. TERRA-Book Club. 2009. Pp. 373–416.
5. James G. *Dezi Miller* [Desi Miller] / transl. by N. Volzhina // G. James *Povesti i rasskazy* [Novellas and stories]. L. Khudozhestvennaya literature (Fiction). 1983. Pp. 22–80.
6. Il'chenko N. M., Marinina Yu. A. *Obraz Venecii kak prostranstvo lyubvi i smerti (po proizvedeniyam E. T. A. Goffmana i T. Manna)* [The image of Venice as a space of love and death (based on the works of E. T. A. Hoffman and T. Mann)] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* – Herald of Tomsk State Pedagogical University. No. 6. 2018. Pp. 158–164.
7. Korovin V. I. "...Kakoe obeshchalos' tut novoe sokrovishche!.." ["... What a new treasure was promised here!.."] // *Moskovskij pushkinist. Ezhegodnyj sbornik* – Moskovsky Pushkinist. Annual collection / comp. and lit. ed. V. S. Nepomnyashchy. M. IMLI RAS, "Nasledie" ("HERITAGE"). 2000. Vol. VIII. Pp. 266–291.
8. Cooper D. F. *Bravo, ili V Venecii* [Bravo, or In Venice] // D. F. Cooper *Izbr. soch. v 6 t. Bravo. Morskaya volshebica* [Sel. Works : in 6 vols. Bravo. The Sea Sorceress] / transl. by E. Semenova (chapters I–X), N. Temchina (Chapters XI–XXXI). M. State Publishing House of Children's Literature of the Ministry of Education of the RSFSR. 1963. Vol. V. Pp. 7–388.
9. Mann T. *Smert' v Venecii* [Death in Venice] / transl. by N. Man // T. Mann. [Novellas] M. Pravda (Truth). 1986. Pp. 124–197.
10. Mednes N. E. *Veneciya v russkoj literature* [Venice in Russian literature]. Novosibirsk. NSU. 1999. 392 p.
11. Muratov P. P. *Veneciya* [Venice] // P. P. Muratov *Obrazy Italii. Poln. izd. v 3 t.* [Images of Italy. Full. ed. in 3 vols.]. M. Svarog and K. 2005. Vol. I. Pp. 14–48.
12. Pushkin A. S. "*Noch' tiha, v nebesnom pole*" ["The night is quiet, in the heavenly field"] // A. S. Pushkin. *Sobr. soch. : v 10 t.* [Coll. works : in 10 vols.] M. Pravda (Truth). 1981. Vol. II. P. 305.
13. Reskin D. *Kamni Venecii* [Stones of Venice] / transl. from English by A. Glebovskaya, L. Zhitkova. SPb. Azbuka, Azbuka-Atticus. 2021. 352 p.
14. Tresidder D. *Slovar' simbolov* [Dictionary of Symbols] / transl. from English by S. Palko. M. FAIR-PRESS. 1999. 448 p.
15. Walker K. *Ostanovka v Venecii* [Stop in Venice] / transl. from English by M. Desyatova. M. Eksmo; SPb. Domino. 2011. 384 p.
16. Feklin M. B. *Ital'yanskije motivy v tvorchestve G. Dzhejmsa i I. S. Turgeneva* [Italian motifs in the works of G. James and I. S. Turgenev] // *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N. A. Dobrolyubova* – Herald of the Nizhny Novgorod State Linguistic University n. a. N. A. Dobrolyubov. 2007. No. 1. Pp. 231–235.
17. Shakespeare W. *Venecijskij kupec* [The merchant of Venice] / transl. by T. Shchepkina-Kupernik // W. Shakespeare *Poln. sobr. soch. v 14 t.* [Complete collection : in 14 vols.]. M. Terra. 1994. Vol. V. Pp. 163–458.
18. Yajlenko E. V. *Venecijskaya palitra. Mir chastnogo cheloveka v iskusstve Venecii epohi Vozrozhdeniya* [The Venetian palette. The world of a private person in the art of Renaissance Venice]. M. BuksMArt. 2020. 448 p.
19. Büttner F. *Die Geburt des Reichtums und der Neid der Götter* // *Münchener Jahrbuch der bildenden Kunst*. 1986. № 37. S. 113–130.
20. Guyard M.-F. *La littérature comparée*. P. : Presses universitaires de France, 1951. 128 p.
21. Carré J.-M. *Les écrivains français et le mirage allemand, 1800–1940*. P. : Boivin, 1947. 223 p.
22. Motzkin E. *Giorgione's "Tempesta"* // *Gazette des Beaux-Arts*. 1993. No. 122. Pp. 163–174.
23. Howard D. *Giorgione's "Tempesta" and Titian's "Assunta" in the Context of the Cambrai Wars* // *Art History*. 1985. No. 8. Pp. 271–289.

Романтический парадокс: между индивидуальностью и маской (на материале повести Э. Т. А. Гофмана «Крошка Цахес»)

Е. Н. Михайленко

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской, зарубежной литературы
и издательского дела, Башкирский государственный университет.
Россия, г. Уфа. ORCID: 0000-0003-1508-8781. E-mail: mikhaylenko71@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена не зафиксированному в гуманитарной науке противоречию между романтической идеей неповторимой личности и романтическим житнетворчеством как формой эстетизации жизни. На рубеже XVIII–XIX вв. граница между искусством и жизнью была разрушена: современники Великой французской революции чувствовали себя актерами на сцене истории, и это влияло на манеру их речи и поведения. Романтическая эстетизация жизни проявила себя в ориентации личности на литературные модели с целью самоидентификации и выражения чувств. Тиражирование клише привело к вульгаризации и девальвации романтических ценностей уже в первой половине XIX в.

Э. Т. А. Гофман стал одним из первых художников, столкнувшихся с этим противоречием. В сказочной повести «Крошка Цахес» он исследовал логику превращения экзальтированного романтика в обывателя. Противник идеи романтической избранности, Гофман отказывался проводить четкую границу между «музыкантами» и их подражателями. Статус Балтазара – мечтателя, влюбленного и поэта, кажется намеренно неопределенным. Персонаж обладает присущим романтическому «энтузиасту» духовным зрением, позволяющим ему видеть подлинную сущность Цахеса. Однако в стихотворстве Балтазар демонстрирует приверженность клише, иронично отмеченную Гофманом. Идеальный образ возлюбленной Балтазара и исполняемый им ритуал служения возвышенной любви соответствуют романтическому «кодексу», но сам идеал доведен Гофманом до карикатуры. Наивный мечтатель не чувствует фальши и претенциозности романтических преувеличений. В финале повести восторженный романтик обретает подчеркнуто бюргерское благополучие.

Таким образом, романтизм, с одной стороны, провозгласил идею неповторимой личности, а с другой способствовал унификации самовыражения человека. Шаблон стал логическим звеном, сближающим полюса романтического и буржуазного. Романтизм, бежавший от банальности и духовной ограниченности, изначально нес в себе их зародыш. Результат исследования может быть полезен специалистам по культуре и литературе эпохи романтизма.

Ключевые слова: романтическое житнетворчество, романтический тип личности, клише, Гофман, «Крошка Цахес».

Романтизм, возникший в европейской культуре на излете XVIII в., не стал достоянием прошлого, и интерес, который испытывают к нему современные гуманитарии, далек от музейного. Творчество романтиков включается в общекультурный контекст; кроме того, современное литературоведение оказывается перед необходимостью пересмотра некоторых традиционных представлений о романтической культуре.

Романтизм давно был осознан как сложное и противоречивое во многих своих аспектах явление. Представление о полной свободе личности соседствует в романтическом мироощущении с признанием наличия в мире загадочных непознаваемых сил, управляющих человеком; «крайний индивидуализм» – с «поисками высшей гармонии, слиянием человека и мира» [15, с. 150]. Настоящая статья посвящена исследованию очевидного, но до сих пор, насколько нам известно, не зафиксированного в литературоведении внутреннего противоречия романтизма – противоречия между романтическим субъективизмом, представлением об абсолютной самоценности и духовной свободе личности как обособленного субъекта, с одной стороны, и романтическим житнетворчеством как формой эстетизации жизни, с другой. На материале сказочной повести Э. Т. А. Гофмана «Крошка Цахес, по прозванию Циннобер» (1819) автор статьи демонстрирует, как именно этот парадокс был осмыслен, и притом осмыслен уже внутри романтического сознания, а не после смены поколений в европейской культурной жизни и ухода романтизма со сцены.

Романтизм произвел необычайно сильную встряску не только в европейской культуре рубежа XVIII–XIX вв., но и в повседневной жизни. Перестройке подверглись сами основы пове-

дения людей. Ю. М. Лотман в своей работе «Быт и традиции русского дворянства» объяснил причины и логику кардинальных изменений в мироощущении современников Великой французской революции: они получили возможность ощутить себя не просто зрителями, но участниками великих событий, меняющих облик мира. Обнаруживая себя в эпицентре исторического катаклизма, человек проникается чувством собственной значимости, вырастает в собственных глазах, что сказывается на его мироощущении и манере поведения. Именно это и происходило на рубеже XVIII–XIX столетий: «в начале XIX в. грань между искусством и бытовым поведением зрителей была разрушена. То, что вчера показалось бы напыщенным и смешным, поскольку приписано было лишь сфере театрального пространства, становится нормой бытовой речи и бытового поведения. Люди Революции ведут себя в жизни, как на сцене» [9, с. 248].

В комментарии к «Евгению Онегину» Лотман отметил еще одну примечательную особенность романтической культуры, дающую повод говорить о последовательной эстетизации жизни: «для романтического сознания реальностью становились только те чувства, которые можно было сопоставить с литературными образцами» [10, с. 626]. Речь идет о формульном, «цитатном» поведении человека романтической эпохи и о его самоидентификации посредством постоянной маски, «которая как бы срасталась с личностью и становилась моделью ее поведения» [9, с. 269]. Подобную маску носил, например, поклонник Байрона Онегин, что позволило Пушкину называть своего героя «москвичом в гарольдовом плаще».

Добавим, что маска срастается с личностью и выглядит органичной только в том случае, если ее носитель действительно способен к переживанию состояний, наличествующих у выбранного в качестве образца литературного персонажа. Здесь и пролегает водораздел, впрочем зыбкий и не всегда очевидный, между, к примеру, байроновскими героями, поразившими воображение читающей публики, и их многочисленными подражателями в жизни и в литературе последующих десятилетий.

В 20–30-е гг. XIX в. романтизм с его мощным жизнотворческим потенциалом закономерно начал становиться достоянием массового сознания и оформляться в виде набора клише, что неизбежно привело к девальвации безусловно подлинных еще недавно ценностей. Романтические одежды оказались привлекательными для легионов гимназистов и приказчиков, сумевших воспринять лишь внешнюю атрибутику романтизма и фатально невосприимчивых к стоящим за нею переживаниям. Вот как писал об этом В. Г. Белинский в 1845 г., оглядываясь назад: «Все заговорили о Байроне, и байронизм сделался пунктом помешательства для прекрасных душ... Вот с этого-то времени и начали появляться у нас толпами маленькие великие люди с печатью проклятия на челе, с отчаянием в душе, с разочарованием в сердце, с глубоким презрением к «ничтожной толпе». Герои сделались вдруг очень дешевы. Всякий мальчик, которого учитель оставил без обеда за незнание урока, утешал себя в горе фразами о преследующем его роке и о непреклонности своей души, пораженной, но не побежденной» [2]. Сто лет спустя А. Моруа в своих «Литературных портретах» описал универсальный механизм вульгаризации духовных ценностей: «Когда чувства стихийно рождаются в недрах высоких душ, чувства эти прекрасны и возвышенны. Но они очень быстро становятся смешными, как только люди заурядные начинают их приписывать себе» [12, с. 245]. На память приходят откровенно пародийные Грушницкий Лермонтова, тургеневский Ситников или Локвуд Эмили Бронте [11], чьи претензии на роль байронических героев были саркастически дезавуированы писателями.

В 40-е гг. XIX столетия в европейском и русском культурном сознании объектом растущего раздражения начали становиться и сами романтические ценности, увиденные ретроспективно сквозь призму их утрированной и едва ли не бульварной версии. Сходящий со сцены романтизм начал становиться в европейской и в русской культуре предметом не только осмысления, но недоброжелательной пристрастной критики. Чуть выше приведен образец язвительного памфлетного стиля, в котором высказался о романтизме Белинский в своем обзоре «Русская литература в 1845 году». В этой же работе критик вынес недавнему идолу миллионов приговор: «Стать смешным значит проиграть свое дело. Романтизм проиграл его всячески – и в литературе, и в жизни. Он сам это чувствует» [2]. В рецензии И. С. Тургенева на перевод гетевского «Фауста» («Отечественные записки», 1845) помимо иронии в адрес романтических крайностей чувствуется самоирония зрелого человека: «Каждый человек в молодости своей пережил эпоху «гениальности», восторженной самонадеянности <...> Он верит в непосредственную силу своей натуры и преклоняется перед природой как перед идолом

непосредственной красоты. Он становится центром окружающего мира» [16, с. 202]. Г. Флобер, который в свои семнадцать лет (в 1838 г.!) был настроен вполне байронически, уже через год откrestился от модного образа, судя по одному из писем другу, Эрнесту Шевалье: «Знаешь ли ты, что нынешнее молодое поколение школяров отчаянно глупо? <...> они драпируются под Байрона, предаются разочарованию и умышленно замыкают свое сердце. Один перед другим выхваляются, у кого бледнее лицо и кто с большим чувством скажет: я пресыщен. Пресыщен! Какая чепуха!» [17, с. 35]. Впрочем, о «глупых школярах» говорит здесь восемнадцатилетний юноша, и нет принципиальной разницы между утверждением своего превосходства над «толпой» посредством байронической позы или посредством выражения презрения «толпе» адептов байронизма. Не достигший зрелости Флобер демонстрирует все ту же сугубо юношескую приверженность романтической модели поведения – приверженность, над которой спустя семнадцать лет посмеется злым смехом в «Госпоже Бовари». Эти несколько высказываний, на наш взгляд, достаточно репрезентативны для того, чтобы составить представление о настроениях в общественном сознании Европы и России 40-х гг.: романтизм в целом воспринимался не иначе как изжитое увлечение молодости, о котором неловко вспоминать, и, как казалось тогда многим, расчет с романтическим прошлым был закончен.

Хотя ироничная рефлексия по поводу романтизма в основном приходится на 40-е гг. XIX в., первые ее попытки обнаруживаются еще внутри романтического сознания, а именно у Гофмана, романтика и вместе с тем желчного критика романтизма, нетерпимого к любым проявлениям претенциозности и самолюбования. С этой точки зрения особый интерес представляет его сказочная повесть «Крошка Цахес, по прозванию Циннобер», которую мы выбрали в качестве основного объекта для выявления и анализа романтического противоречия, обозначенного во вводной части статьи.

Один из центральных персонажей повести, студент Бальтазар – характерный для немецкой романтической традиции тип «энтузиаста», знакомый русскому читателю по образу Ленского, который именно «из Германии туманной» привез помимо прочего «дух пылкий и довольно странный, всегда восторженную речь и кудри черные до плеч» («Евгений Онегин», II, VI). Бальтазара роднит с Ленским общая логика поведения, характера и судьбы, которая в обоих случаях намечается, но не прослеживается авторами. И принципиально важно, во-первых, то, что там и здесь вырисовывается более или менее отчетливо различимая траектория жизни – от восторженного романтизма к благодушному филистерству (по замыслу Пушкина, таков был один из двух возможных исходов судьбы Ленского), и во-вторых, то, что эта дистанция удивительно коротка, а метаморфоза, кажется, неуловима для самих персонажей, но не для авторов.

Общность натур и перспектив Ленского и Бальтазара, на наш взгляд, подтверждает существование универсального механизма перерождения восторженного романтика в обывателя или, может быть, обнаружения – хотя бы в зародыше – натуры обывателя в «энтузиасте». Тут возникает уже сформулированная выше проблема разграничения истинных «музыкантов» и их имитаторов, поддавшихся соблазну романтической позы. Как кажется, четкой границы между ними не видит и сам Гофман, либо намеренно отказывается ее проводить, что кажется нам более вероятным, если иметь в виду, что он был убежденным противником идеи романтической избранности, распространенной в среде ранних немецких романтиков.

Характерно расхождение в оценке натуры Бальтазара у отечественных гофмановедов. Так, А. В. Скобелев указывает, что романтический «энтузиаст» «Бальтазар выглядит тем не менее обрисованным весьма иронически» [13, с. 262]. А. Б. Ботникова считает Бальтазара в отличие от Ансельма («Золотой горшок») не более чем поэтически настроенным юношей, но не подлинным «энтузиастом» [5, с. 175]. По Н. М. Берновской, «в Бальтазаре банальные поступки влюбленного соединяются с высоким и чистым внутренним лиризмом» [4, с. 232]. А. Ф. Шамрай отмечает, что Бальтазар – один из тех подлинных романтических героев, которым приходится противостоять сильному и агрессивному миру филистерства [19, с. 238]. А. В. Карельский видит в Бальтазаре «энтузиаста», но начинающего, и потому неопытного и наивного [8, с. 13]. Вспомним, что Гофман именно Бальтазара сделал единственным среди персонажей повести, кому открыто истинное лицо Цахеса, и недооценивать эту метку гофмановского «музыканта» – способность видеть скрытую сторону вещей – или тем более игнорировать ее едва ли допустимо. Будем исходить из того, что Бальтазар все же имеет отношение к «музыкантам», умеющим слышать музыку универсума.

Гофман, словно испытывая героя, дает ему возможность проявить свою натуру в знаковых для романтической культуры сферах – в отношении к природе, в творчестве и в любви.

Природа для Бальтазара – храм, наполняющий душу трепетом и блаженством, источник дивных и таинственных грез о нездешнем мире. Бальтазар безусловно искренен в своем восторге от слияния с божественным творением и представлен в произведении антагонистом по отношению к профессору Мошу Терпину, изображенному Гофманом как пародийная фигура систематика-естествоиспытателя с его духовной слепотой и плоским самодовольным рационализмом. Однако читатель, уже было составивший себе представление о Бальтазаре как о гофмановском «музыканте», оказывается озадачен, когда дело доходит до самореализации героя в любви и в сфере поэзии.

Приглашенный к профессору на прием, Бальтазар испытывал «несказанный сладостный трепет» оттого, что скоро увидит Кандиду: «Весь поглощенный образом возлюбленной, он сел к столу и сочинил изрядное число приятных, благозвучных стихов, описав собственное свое состояние в мистическом рассказе о любви соловья к алой розе» [7, с. 199]. В приведенном фрагменте текста обращают на себя внимание три важных обстоятельства.

Во-первых, Бальтазар выражает переполняющие его личные и неповторимые переживания, используя заимствованное высказывание, а именно, один из самых распространенных и устойчивых мотивов средневековой персидской поэтической традиции. Сладкоголосый соловей символизировал в ней поэта, обреченного на несчастную любовь, и наиболее яркое воплощение мотив обрел в истории любви Лейли и Меджнуна в «Шахнаме» Фирдоуси. В то же время в суфийской мистической поэзии тоскующий по розе соловей ассоциировался с душой, неспособной преодолеть притяжение мира и тщетно стремящейся к единению с Богом [20, с. 286]. Увлечение ориенталистикой, охватившее Европу в конце XVIII в., фактически совпало по времени с романтическим периодом, и Бальтазар, избравший мотив соловья и розы для объяснения в любви, вероятно, не отличался от остальных начитанных европейцев, опьяненных ароматом восточной поэзии. С другой стороны, этот мотив, перенесенный на почву западной культуры, неизбежно попадал в ассоциативное поле, образованное вокруг многослойного античного и средневекового символа розы. А. Н. Веселовский в своей статье о поэтике образа розы соединил два символических мира, выстроенных за века вокруг царицы цветов: «роза цветет для нас полнее, чем для грека, она не только цветок любви и смерти, но и страдания и мистических откровений: обогатилась не только содержанием вековой мысли, но и всем тем, что про нее пели на ее дальнем пути с иранского востока» [6, с. 132–133]. В европейской романтической поэзии символ розы получил широчайший отклик, превратившись уже к концу XVIII в. в общее место. М. П. Алексеев в исследовании аналогичной русской традиции отметил, что «для всего XVIII в. русской поэзии эти розы, заимствованные из западноевропейских поэтических садов, были чрезвычайно популярными образцами стихотворений хрестоматийного типа, с поразительной стойкостью удерживавших свои типические черты до самого конца этого столетия» [1, с. 371]. Отметим, что шаблонность выбранного влюбленным Бальтазаром поэтического высказывания санкционирована самой романтической культурой с ее ориентацией на подражание литературным моделям.

Во-вторых, бросается в глаза гофмановская характеристика виршей Бальтазара как «приятных и благозвучных». Едва ли эти эпитеты могут быть расценены как комплимент: приятность и благозвучие считал бы неоспоримым достоинством поэзии и вообще любого искусства скорее филистер, ценящий во всем удобство, добротность и доступность, но художник Гофман знал, что поэзия – не изделие ремесленника. Н. Я. Берковский отмечал «презрение Гофмана к филистерскому пониманию искусства как дивертисмента, как способа с приятностью проводить время» [3, с. 454]. Отдельно отмеченная Гофманом забота Бальтазара о приятной для слушателя поэтической форме наводит на мысль о том, что писатель ставит под сомнение наличие у своего героя подлинного поэтического дара.

Наконец, в-третьих, Гофман иронически подчеркивает несоответствие между трагическим мотивом безответной любви и действительной ситуацией Бальтазара и Кандиды. Автор не случайно дает слово стороннему наблюдателю – прозаичному Фабиану, который посмеивается над выпренности выражения чувств Бальтазара и пытается снять романтическую пелену с его глаз: «Кандида – премиленькая, славная девушка, но она никак не подходит к меланхолическому, мечтательному складу твоей души. Познакомишься ты с ней покороче, и ее непринужденный, веселый нрав покажется тебе чуждым поэзии, которой тебе всюду недостает» [7, с. 197].

На той же странице Гофман в пределах одного абзаца противопоставляет два женских образа. Вслед за описанием легкой и жизнерадостной натуры Кандиды, способной при этом

на глубокое и искреннее чувство без пошлой чувствительности, возникает собирательный образ идеальной возлюбленной восторженного поэта. Писатель с сарказмом представляет ходульную фигуру, в которой собраны и доведены до абсурда всевозможные романтические клише. Читателю дают понять, что именно таков женский идеал Бальтазара, который действительно смотрит на реальную Кандиду сквозь призму этого утрированного карикатурного образа, безусловно являющегося для Гофмана образцом пошлости.

Писатель не ставит под сомнение искренность героя в его ипостасях влюбленного и поэта, но старательное следование «романтическому» кодексу поведения неизбежно приводит наивного душой Бальтазара к крайностям и преувеличениям, нелепости которых он не чувствует. Его слепая приверженность шаблону сбивает с толку читателя, который помнит о присущей только настоящему «музыканту» способности видеть скрытую сторону вещей, позволяющей Бальтазару противостоять чарам Цахеса.

Финал сказки также озадачивает. Как известно, Бальтазар с Кандидой становятся счастливыми обладателями свадебного подарка от мага Проспера Альпануса – загородного имения, воплощенного рая на земле, но только не романтического, а бюргерского. Бальтазару предстоит в этом райском уголке «спокойно и нерушимо наслаждаться семейным счастьем» [7, с. 243] и, видимо, иногда по случаю за праздничным столом радовать гостей «приятными и благозвучными» стихами. А. В. Карельский указывает на этот парадокс: «Идеал, воплотившись в жизнь, по лукавой воле Гофмана оборачивается вполне филистерским уютом, тем самым, которого чурался и бежал герой» [8, с. 18]. Однако подобная же судьба могла ждать Ленского, и, стало быть, дело не только в лукавой воле автора. Д. Л. Чавчанидзе так сформулировала эту вполне очевидную закономерность: «всякая реализация идеального означала бы его профанацию» [18, с. 66].

В комментарии к гофмановскому роману о коте Мурре Карельский отмечает: «Конечно, читатель быстро убеждается, что по натуре своей Мурр типичный филистер, он просто научился модному романтическому жаргону. Однако не столь уж безразлично и то, что он рядится под романтика с успехом, с незаурядным чувством стиля! Гофман не мог не знать, что таким маскарадом рискует скомпрометировать и сам романтизм» [8, с. 21]. Кот Мурр – не единственный филистер у Гофмана, который испытывает потребность рядиться в романтические одежды, и проблема в том, что сам романтизм в силу своей логики приглашает всех желающих к подобному маскараду, предлагая легкую возможность повысить свою самооценку посредством поэтической позы.

Таким образом, романтизм, с одной стороны, провозглашает идею принципиальной неповторимости личности, но с другой стороны, в рамках концепции жизнотворчества санкционирует формульное поведение и самовыражение посредством клише. Итогом неизбежно становится тиражирование шаблона и, как следствие, девальвация и дискредитация романтических ценностей. Шаблон именно и является промежуточным логическим звеном, сближающим – иногда до полного слияния – полюса романтического и бюргерского. Романтизм, бежавший от своей противоположности – банальности и бюргерской ограниченности, изначально нес в себе ее зародыш. Гофман, оставаясь носителем романтического сознания, одним из первых европейских художников начал осознавать этот парадокс.

Список литературы

1. Алексеев М. П. Споры о стихотворении «Роза» // М. П. Алексеев. Пушкин : сравнительно-исторические исследования. Л. : Наука, 1984. С. 337–387.
2. Белинский В. Г. Русская литература в 1845 году. URL: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_1845.shtml (дата обращения: 17.06.2022).
3. Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. СПб. : Азбука-классика, 2001. 512 с.
4. Берновская Н. М. Об иронии Гофмана // Художественный мир Гофмана. М. : Наука, 1982. С. 218–234.
5. Ботникова А. Б. Немецкий романтизм: диалог художественных форм. Воронеж : Воронежский государственный университет, 2003. 341 с.
6. Веселовский А. Н. Из поэтики розы // А. Н. Веселовский. Избр. статьи. Л. : Гослитиздат, 1939. С. 132–139.
7. Гофман Э. Т. А. Крошка Цахес, по прозвищу Циннобер // Э. Т. А. Гофман. Собр. соч. : в 6 т. Т. 3. М. : Художественная литература, 1996. С. 171–271.
8. Карельский А. В. Эрнст Теодор Амадей Гофман // Э. Т. А. Гофман. Собр. соч. : в 6 т. Т. 1. М. : Художественная литература, 1991. С. 5–26.
9. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб. : Искусство, 1994. 758 с.

10. Лотман Ю. М. «Евгений Онегин». Комментарий // Ю. М. Лотман. Пушкин. СПб. : Искусство-СПб., 1995. С. 472–762.
11. Михайленко Е. Н. Рецепция байронизма в романе Эмили Бронте «Грозовой перевал» // Доклады Башкирского университета. 2019. Т. 4. № 4. С. 408–412. DOI: 10.33184/dokbsu-2019.4.8.
12. Моруа А. От Монтеня до Арагона. М. : Радуга, 1983. 340 с.
13. Скобелев А. В. К проблеме соотношения романтической иронии и сатиры в творчестве Гофмана («Крошка Цахес») // Художественный мир Гофмана. М. : Наука, 1982. С. 247–263.
14. Тураев С. В. Гофман и романтическая концепция личности // Художественный мир Гофмана. М. : Наука, 1982. С. 35–44.
15. Тураев С. В. От Просвещения к романтизму. М. : Наука, 1983. 256 с.
16. Тургенев И. С. Фауст. Соч. Гёте / перевод первой и изложение второй части М. Вронченко // И. С. Тургенев. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. Т. 1. М. : Наука, 1978. С. 197–235.
17. Флобер Г. О литературе, искусстве, писательском труде. Письма. Статьи. М. : Художественная литература, 1984. Т. 1. 521 с.
18. Чавчанидзе Д. Л. Романтический роман Гофмана // Художественный мир Гофмана. М. : Наука, 1982. С. 45–80.
19. Шамрай А. Ф. Эстетические суждения Гофмана // Художественный мир Гофмана. М. : Наука, 1982. С. 266–282.
20. Шиммель А. М. Мир исламского мистицизма. М. : Садр, 2012. 525 с.

Romantic paradox: between individuality and mask (based on the story of E. T. A. Hoffman "Baby Tsakhes")

E. N. Mikhailenko

PhD in Philological Sciences, associate professor of the Department of Russian,
Foreign Literature and Publishing, Bashkir State University.
Russia, Ufa. ORCID: 0000-0003-1508-8781. E-mail: mikhaylenko71@bk.ru

Abstract. The article is devoted to the contradiction, not fixed in the humanities, between the romantic idea of a unique personality and romantic life creation as a form of aestheticization of life. At the turn of the XVIII–XIX centuries, the boundary between art and life was destroyed: the contemporaries of the Great French Revolution felt like actors on the stage of history, and this influenced the manner of their speech and behavior. Romantic aestheticization of life manifested itself in the orientation of the individual to literary models for the purpose of self-identification and expression of feelings. The replication of cliches led to the vulgarization and devaluation of romantic values already in the first half of the XIX century.

E. T. A. Hoffman became one of the first artists to face this contradiction. In the fairy tale story "Baby Tsakhes", he explored the logic of turning an exalted romantic into a philistine. An opponent of the idea of romantic selectivity, Hoffman refused to draw a clear line between "musicians" and their imitators. Balthazar's status as a dreamer, lover and poet seems deliberately vague. The character has the spiritual vision inherent in the romantic "enthusiast", which allows him to see the true essence of Tsakhes. However, in the poem, Balthazar demonstrates a commitment to the cliché, ironically noted by Hoffmann. The ideal image of Balthazar's beloved and the ritual of serving sublime love performed by him correspond to the romantic "code", but the ideal itself is brought by Hoffmann to a caricature. The naive dreamer does not feel the falsity and pretentiousness of romantic exaggerations. In the finale of the story, an enthusiastic romantic finds emphatically burgher well-being.

Thus, Romanticism, on the one hand, proclaimed the idea of a unique personality, and on the other contributed to the unification of human self-expression. The template has become a logical link that brings the poles of the romantic and the bourgeois closer. Romanticism, which fled from banality and spiritual limitations, initially carried their germ. The result of the study may be useful to specialists in the culture and literature of the Romantic era.

Keywords: romantic life creation, romantic personality type, cliché, Hoffman, "Baby Tsakhes".

References

1. Alekseev M. P. *Spory o stihotvorenii "Roza"* [Disputes about the poem "Rose"] // M. P. Alekseev. *Pushkin : sravnitel'no-istoricheskie issledovaniya* [Pushkin : Comparative Historical studies]. L. Nauka (Science). 1984. Pp. 337–387.
2. Belinskij V. G. *Russkaya literatura v 1845 godu* [Russian literature in 1845]. Available at: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_1845.shtml (date accessed: 17.06.2022).
3. Berkovskij N. Ya. *Romantizm v Germanii* [Romanticism in Germany]. SPb. Azbuka-Classica. 2001. 512 p.
4. Bernovskaya N. M. *Ob ironii Gofmana* [About Hoffman's irony] // *Hudozhestvennyj mir Gofmana – The artistic world of Hoffman*. M. Nauka (Science). 1982. Pp. 218–234.

5. Botnikova A. B. *Nemeckij romantizm: dialog hudozhestvennyh form* [German Romanticism: a dialogue of artistic forms]. Voronezh. Voronezh State University. 2003. 341 p.
6. Veselovskij A. N. *Iz poetiki rozy* [From the poetics of the rose] // *A. N. Veselovskij Izbr. stat'i* [Selected articles]. L. Goslitizdat. 1939. Pp. 132–139.
7. Hoffman E. T. A. *Kroshka Cahes, po prozvaniyu Cinnober* [Baby Tsakhes, nicknamed Zinnober] // *E. T. A. Hoffman. Sobr. soch. : v 6 t. T. 3* [Collected works : in 6 vols. Vol. 3]. M. Khudozhestvennaya literatura (Fiction). 1996. Pp. 171–271.
8. Karel'skij A. V. *Ernst Teodor Amadej Gofman* [Ernst Theodor Amadeus Hoffman] // *E. T. A. Hoffman. Sobr. soch. : v 6 t. T. 1* [Collected works : in 6 vols. Vol. 1]. M. Khudozhestvennaya literatura (Fiction). 1991. Pp. 5–26.
9. Lotman Yu. M. *Besedy o russoj kul'ture. Byt i tradicii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian culture. The life and traditions of the Russian nobility (XVIII – early XIX century)]. SPb. Iskusstvo (Art). 1994. 758 p.
10. Lotman Yu. M. *"Evgenij Onegin". Kommentarij* ["Eugene Onegin". Comment] // *Yu. M. Lotman. Pushkin* [Pushkin]. SPb. Iskusstvo-SPb. 1995. Pp. 472–762.
11. Mihajlenko E. N. *Recepcija bajronizma v romane Emili Bronte "Grozovoj pereval"* [Reception of Byronism in Emily Bronte's novel "Wuthering Heights"] // *Doklady Bashkirskogo universiteta – Reports of Bashkir University*. 2019. Vol. 4. No. 4. Pp. 408–412. DOI: 10.33184/dokbsu-2019.4.8.
12. Morua A. *Ot Montenya do Aragona* [From Montaigne to Aragon]. M. Raduga (Rainbow). 1983. 340 p.
13. Skobelev A. V. *K probleme sootnosheniya romanticheskoi ironii i satiry v tvorchestve Gofmana ("Kroshka Cahes")* [To the problem of the correlation of romantic irony and satire in the works of Hoffman ("Baby Tsakhes")] // *Hudozhestvennyj mir Gofmana – The Artistic world of Hoffman*. M. Nauka (Science). 1982. Pp. 247–263.
14. Turaev S. V. *Gofman i romanticheskaya koncepcija lichnosti* [Hoffman and the romantic concept of personality] // *Hudozhestvennyj mir Gofmana – The artistic world of Hoffman*. M. Nauka (Science). 1982. Pp. 35–44.
15. Turaev S. V. *Ot Prosveshcheniya k romantizmu* [From Enlightenment to Romanticism]. M. Nauka (Science). 1983. 256 p.
16. Turgenev I. S. *Faust. Soch. Gyote / perevod pervoj i izlozhenie vtoroj chasti M. Vronchenko* [Faust. Works of Goethe] / transl. of the first part and exposition of the second part by M. Vronchenko // *I. S. Turgenev. Poln. sobr. soch. i pisem : v 30 t. T. 1* [Complete collection of works and letters : in 30 vols. Vol. 1]. M. Nauka (Science). 1978. Pp. 197–235.
17. Flaubert G. *O literature, iskusstve, pisatel'skom trude. Pis'ma. Stat'i* [On literature, art, writer's work. Letters. Articles]. M. Khudozhestvennaya literatura (Fiction). 1984. Vol. 1. 521 p.
18. Chavchanidze D. L. *Romanticheskij roman Gofmana* [Hoffman's Romantic Novel] // *Hudozhestvennyj mir Gofmana – Hoffman's Artistic World*. M. Nauka (Science). 1982. Pp. 45–80.
19. Shamray A. F. *Esteticheskie suzheniya Gofmana* [Hoffman's aesthetic judgments] // *Hudozhestvennyj mir Gofmana – Hoffman's Artistic World*. M. Nauka (Science). 1982. Pp. 266–282.
20. Shimmel' A. M. *Mir islamskogo misticizma* [The world of Islamic Mysticism]. M. Sadra. 2012. 525 p.

УДК 821.161.1

DOI: 10.25730/VSU.2070.22.046

Жизненный мир А. И. Куприна (на материале публицистики 1920–1930-х гг.)

У. С. Федорова

аспирант, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина. Россия, г. Санкт-Петербург;
учитель русского языка и литературы, Нижегородская Кадетская школа.
Россия, г. Нижний Новгород. ORCID: 0000-0003-1019-8949. E-mail: uf050878@gmail.com

Аннотация. Период эмиграции в творчестве Александра Ивановича Куприна не становится застоем. В 20-е гг. писатель смещает акценты в жанровой структуре, фокусируясь на публицистике. Это связано, прежде всего, с возможностями реализации творческих замыслов. Малый по объему текст может быть и опубликован, и переведен, в то время как большие жанры требуют долгой кропотливой работы. Куприн чутко реагирует на события в России и преподносит читателю свой взгляд на политические, экономические, культурные ценности. Безусловно, Александр Иванович Куприн перенимает частичку европейской культуры и идейно-философские взгляды европейцев. Категория «интерсубъективности», описанная Эд. Гуссерлем, становится особенно актуальной для русских эмигрантов, ставивших перед собой цель сохранить традиционную русскую культуру. Жизненный мир А. И. Куприна в реальности и творчестве определяется категориями, представляющими особую значимость для самого автора и формирующимися задолго до эмиграции. Эти понятия и определяют уникальную сферу бытия Александра Ивановича Куприна в условиях влияния чуждой ему среды. «Искусство», «газеты», «люди» остаются у Куприна-публициста типично русскими и особенно ценными. Куприн-эмигрант оказывается неспособным принять миропорядок другой страны, как бы отрицательно он ни относился к новой власти в России, постепенно признает новую жизнь своей родиной. Его статьи и очерки транслируют изменения в отношении Куприна к событиям послереволюционной России. Особенно интересным представляется процесс трансформации понятия «Советский» от чуждой совдеповской действительности до реалий СССР, ставших Куприну родными.

Ключевые слова: публицистика, маркеры советское и русское, интерсубъективность, жизненный мир, эмиграция.

Целью данной работы является определение основных категорий жизненного мира Александра Ивановича Куприна. Мир русской эмиграции, воспринятый Куприным, безусловно, отражен и в творчестве писателя. Поздняя публицистика Куприна многогранна. Отличительным и судьбоносным признаком его творчества становится стремление возвести любое понятие к жизненной практике. Куприн не просто рассуждает о советской действительности. Он готов принять ее, поэтому и возвращается в СССР.

Основные задачи: изучить позднюю публицистику А. И. Куприна, дать определение понятию «жизненный мир», выявить категории жизненного мира автора как индивидуально значимые в период его духовных исканий в эмиграции; обозначить культурную ценность данных категорий, проследить процесс интерсубъективного познания действительности и его выражение в текстах А. И. Куприна.

В работе использован сравнительно-типологический и исторический методы анализа.

Жизненный мир А. И. Куприна, сформированный в период эмиграции, построен на традициях русского народа и представляет существенную значимость для изучения межкультурных связей, а также является определяющим фактором для возвращения писателя на Родину.

Историчность окружающего и творческого мира А. И. Куприна безусловна. Куприн-публицист остро реагирует на события, коснувшиеся его жизни и формирующие новый миропорядок. Его мироощущение «Со-присутствия» [5, § 50] в сообществе русских зарубежных эмигрантов неизбежно приводит к изменению «модусов здесь и там» [5, § 50]. Желаемое «здесь», в Европе, не приносит Куприну душевного покоя, а ненавистное «там», Советская Россия, трансформируясь, прежде всего, в сознании автора, способно достичь мироощущения «самоприсутствия» [5, § 50].

Исследованием публицистики А. И. Куприна активно занимались Л. Н. Ефименко, А. В. Карпенко (проблемы жанра); Я. В. Иконникова (концепты «свое-чужое»); О. В. Роденкова;

С. А. Кулагин (проблемы национальной идентичности); Т. А. Кайманова (сборники неопубликованных ранее произведений).

Актуальность работы определяется недостаточностью изученности публицистического творчества А. И. Куприна периода эмиграции. Миры, жизненный, духовный, культурный, в творчестве А. И. Куприна становятся выражением сознания людей той эпохи. На стыке этих миров определяются новые категории, такие как, например, вещьность, сохраняющая в себе связь времен, или интересубъективность, которая размывает границы восприятия действительности. Для литературоведения значимыми становятся способы выражения этих категорий – концепты, идеологемы. Публицистика Куприна с невероятной точностью фокусируется на действительных, реальных событиях и людях. Исследование публицистического творчества влечет за собой и изучение истории тяжелейшего для России послереволюционного периода. Новизна работы заключается в определении наиболее значимых явлений реальной жизни писателя, нашедших свое выражение в его творчестве.

Понятие «Жизненный мир» вводится впервые немецким философом-феноменалистом Эд. Гуссерлем в начале XX в. Это единственный действительный «конкретный окружающий мир» [5, § 58], в котором живет субъект. Жизненный мир относителен и из-за субъективности индивида, и из-за связи с историческими формами жизни. Признаками жизненного мира становятся пространственность, временность, вещьность, интересубъективность.

Жизненный мир – это некий опыт, приобретаемый субъектом, познание через понимание мира другого. В литературоведении жизненный мир можно рассматривать как отношения автора и героя, так и отношения автора и читателя. Именно на стыке мира писателя и мира героя возникает некая интенция, интересубъективное отношение Я-субъекта и Я-другого. Автобиографичность свойственна литературному произведению. В отношениях автор-читатель второй приобретает новый опыт посредством познания авторской позиции Я другого. «Купринский» мир периода эмиграции самобытен. С одной стороны, Александр Иванович Куприн погружается в культуру Франции с готовностью принять свою новую жизнь. Но чем глубже автор осознает реалии окружающего его мира, тем более вероятным становится его возвращение на родину.

В период эмиграции изменяется признак пространственности жизненного мира автора. Куприн наблюдает устои существования европейского общества, при этом он создает произведения-воспоминания, действия в которых происходят в его родной России. Пространственность у Куприна – это не просто границы государств, это еще и культура народа, его менталитет. В своем очерке «Париж и Москва», например, писатель создает образы двух столиц, каждая из которых живет своей жизнью. Привычный уклад жизни Парижа, привычки его горожан откликаются в душе автора едва уловимым воспоминанием его прошлой жизни в Москве и самой Москвы. «Случайно увидел я в Латинском квартале, над улицей Турнефор, стаю любительских голубей, дружно плававших широкими кругами в высоком бледно-голубом небе, то чернея, то блистая крыльями на поворотах, и сказал: "Вот оно! Москва!"»¹.

Временность жизненного мира Куприна в этот период характеризуется сменой настоящего и прошлого. Автор стремится фиксировать именно современность. Основой же его экспрессивной реакции на события настоящего становятся воспоминания автора.

Важным признаком жизненного мира писателя является интересубъективность. Она возникает на стыке межкультурных отношений Россия – Европа. Писатель-эмигрант оказывается чужим на своей родине и не становится «своим» в чужой стране.

В последнее время в литературоведении часто поднимается вопрос об оппозиции «свое-чужое» писателей-эмигрантов. Отношения «свое-чужое» – это уже так называемый «концепт-канон» [20, с. 11], предопределяющий исходный пункт любого дискурса о судьбе русской эмиграции.

Куприн – один из тех, кто нашел в себе силы вернуться в Советский Союз после многолетней эмиграции во Францию. Вероятно, чуждое и чужое переосмысливается автором, равно как и стереотипное «советское» и истинно «русское», смещая установленные идеологические акценты.

В то время как А. И. Куприн обживает в чужой ему стране, во Франции, в его родной России укрепляется новая власть Советов, которая строится не столько на национальном,

¹ А. И. Куприн. Париж и Москва // Иллюстрированная Россия. 1925. № 10, январь. Здесь и далее дана информация о первых публикациях А. И. Куприна.

сколько на идеологическом аспекте. Национальная идентичность становится значимой для самого автора. Писатели, художники, политические деятели, представители белого движения, оказавшись в эмиграции, следуют своей социокультурной идентичности. «Русские зарубежники» [12, с. 367] невольно становятся посредниками в диалоге культур разных стран. В статье «Мир – дурак» А. И. Куприн пишет: «Сейчас перед русскими зарубежниками встал вопрос большой важности: создание национального центра, аппарата, не только объединяющего наши эмигрантские мысли и чувства, но и являющегося нашим представителем перед лицом Европы, мира, – почем знать, может быть, и истории»². Лишь немногие готовы признать развивающуюся культуру молодой советской страны. Большинство из тех, кто эмигрировал, сокрушается о былой истинно русской царской православной культуре, сохранить которую и должна русская эмиграция.

Следует заметить, что отношение А. И. Куприна к новой власти очень непростое. Он не приемлет новых порядков большевиков, описывает события в России с крайним негодованием. Поэтому «советское» появляется в тексте Куприна реже и выступает скорее маркером отрицательного отношения к действительности, в то время как словом «русские» автор маркирует все лучшее, что сохраняется в памяти о былой России.

«Европа теперь уж без всякого сомнения знает, что именно так обстоят взаимоотношения России подлинной и России советской»³ [12, с. 454], – пишет Куприн в одной из своих статей о взаимоотношении Европа – Россия, в которых и кроется интерес субъективности жизненного мира.

Россия «подлинная» Куприна всеобъемлюща и многогранна. Она включает в себя не только восторг *русским искусством*⁴, *русской сказкой*, *русской музыкой* [13, с. 370]. Передовицу журнала «Отечество», ответственным редактором которого Куприн работал с 1921 по 1923 гг. в Париже, он завершает словами: «Мы твердо верим, что русское искусство – один из прочнейших залогов жизнеспособности нашего отечества» [13, с. 370]. А уже в следующем году в другой своей статье «Паспарту» Куприн замечает, «...что русское искусство ...всеми корнями уходит в русскую музыку, сказку, пейзаж и в русский язык»⁵. В своих статьях А. И. Куприн размышляет и о скверных явлениях русского быта: *русская тюрьма*⁶, в которую, как и в *русскую каторгу* «наряду с явными закоренелыми, прирожденными, безвозвратными преступниками, попадали, к сожалению, и те диковинные русские люди, у которых наибольшая воля и жажда к жизни совмещена с наименьшими способностями принаравливаться к условиям мелкой, скучной, рабской, темной русской жизни» [12, с. 274]; *русские преступники*, *русские сектанты*⁷, в число которых, по мнению Куприна, входит и В. И. Ленин: «В его (*о Ленине*) личном, интимном характере нет ни одной яркой черты – все они стерлись, сгладились в политической борьбе, полемике и односторонней мысли, но в своей идеологии он – русский сектант» [12, с. 286]. Куприн охотно рассуждает и о *русских самозванцах*⁸: «В какой, скажите, стране мог явиться второй Пугачев, который (по записи Пушкина) велел открыть Царские врата в собор, уселся на престол и сказал: "Давненько я не сидел на своем престоле"?» [13, с. 375]. Многовековая *русская история* не завершается *русской революцией* и созданием молодой *Советской республики*⁹. *Совдепия*, или *советская Россия*¹⁰ – всего лишь новый виток истории Руси.

Образ родины в поздней публицистике Куприна определяется понятием *русская земля*¹¹. Так, в своей заметке «Большевики» А. И. Куприн пишет: «Также бесполезно пугать общественное воображение потоками безвинной крови, заливающей русскую землю» [13, с. 370]. Однако в заключительных статьях возникает уже название нового государства СССР. В двадцатые годы Куприн наблюдает зачатки нового строя. Безусловно, *Совдепия*, именно из этой страны эмигрировал писатель, нелепа, смешна, страшна и чужда сознанию русского человека.

² А. И. Куприн. Мир-дурак // Общее дело. Париж. 1920. № 150.

³ А. И. Куприн. О хозяине и родственнике // Русская Газета. Париж. 1924, 30 ноября. № 187.

⁴ А. И. Куприн. Отечество // Отечество. Париж. 1921. № 1.

⁵ А. И. Куприн. Паспарту // Русское дело. София. 1922, 22 января; Слово. 1991. № 3.

⁶ А. И. Куприн. Русские коммунисты // Общее дело. Париж. 1920, 6 августа. № 82; 13 августа. № 83; 20 августа. № 84.

⁷ А. И. Куприн. Ленин // Общее дело. Париж. 1920, 10 сентября. № 87.

⁸ А. И. Куприн. Гуслицкая фабрика // Общее дело. Париж. 1921, 30 сентября. № 440.

⁹ А. И. Куприн. Высокие покровители // Общее дело. Париж. 1920. № 86.

¹⁰ А. И. Куприн. Недочеты // Общее дело. Париж. 1920. № 213.

¹¹ А. И. Куприн. Большевики // Отечество. 1921. № 2.

В купринской *Совдепии* царствовал голод и Чрезвычайка «(в Москве ее называют «Чересчуркой»)»¹² [12, с. 226]. Автор неоднократно пишет о случаях каннибализма, в том числе и среди детей.

Первые *советские декреты*¹³ о, например, наборе в Красную армию или о введении трудовых книжек, заменяющих паспорт, воспринимаются автором всерьез, но они отражают бытие той самой безобразной Совдепии, а значит, не приветствуются писателем: «Не нужно обладать ни особенно пылким воображением, ни исключительным даром пророчества, чтобы представить себе, сколько тягчайшего, непоправимого зла несет с собою эта обезличивающая всякую индивидуальность «трудовая книжка» [12, с. 258].

Со временем *Советская Россия* в творчестве Куприна приобретает человеческий облик. В купринских очерках и статьях появляются безликие *советские деятели*¹⁴, в описании которых Куприн не может избежать иронии: «Перед нашими читателями пройдет галерея одиночных и групповых снимков с выдающихся советских деятелей: от главных вождей коммунизма до скромного палача Ч. К.» [13, с. 370]. «Вдруг нам суют, в нашу художественную студию, по чьей-то высокой протекции, чью-то советскую свояченицу или сожительницу»¹⁵, – записывает Куприн в своей статье «Высокие покровители» рассказанную И. А. Буниним историю. В новом советском театре работают *бездарные советские свояченицы* [13, с. 363], а в новой армии – *советские солдаты* [12, с. 258]. В последних своих произведениях Куприн наконец признает существование *советских людей*. Именно к ним возвращается писатель из эмиграции.

Будучи русским беженцем, Куприн сталкивается со сложным выбором. С одной стороны, автор смотрит на свою родную Россию через призму европейского менталитета. В таком случае все, что автору близко и понятно, становится для него чуждым. С другой стороны, Куприн ищет чудесную возможность сохранить свою любовь к России, приняв, освоив чужой порядок страны Советов. Куприн возвращается в СССР, оставаясь истинно русским писателем.

«Советское» и «русское» у Куприна не противопоставлены. Это не враждующие понятия. Более того, плоскости «советского» и «русского» часто пересекаются. И лишь некоторые понятия у Куприна объединяют одновременно и «советское», и «русское», раскрывая основу жизненного мира писателя. Например, *солдаты* у Куприна могут быть и русскими, и советскими; *газеты* в публицистике Куприна могут быть и советскими, и русскими. О первых нелепостях отзываются русские зарубежные журналисты («*ультрафиолетовые советские газеты*» [13, с. 361 Высокие покровители]); о вторых – европейская общественность («*русские беженцы и русские газеты врут и врут*» [12, с. 254 Тихий ужас]); замечательное истинно русское *искусство* и нелепое советское; и наконец, люди, хорошие советские *люди*.

Именно эти понятия оказываются особенно ценными в жизни самого автора. В прошлом кадет Куприн очень хорошо знал военную жизнь изнутри. Известность Куприну-писателю принесла как раз трилогия о буднях военных «Поединок», «Кадетство», «Юнкера». Какими бы скверными словами А. И. Куприн ни описывал армейские порядки, стойкость духа русского солдата он отрицать не мог. «А умирать безропотно, бестрепетно, «беззаветно», как вы говорили, разве не русские солдаты были мастера?», – пишет он в своей статье «Паспарту»¹⁶. Исторически сложилось так, что значимость понятия «советский солдат» для русского человека и европейца возникает в 40-х гг., после событий Второй мировой войны. В творчестве Куприна образ «советского солдата» формируется уже в 20-е гг. так же, как и образ *неизвестного солдата*. О русской армии автор знал многое. Полагаю, учитывал он и возможность влияния Советской власти на воинский порядок.

Газета в жизни самого Куприна, безусловно, значима. Публицистический газетный стиль предполагает краткую форму произведения, экспрессивность, эмоциональность повествования, отсутствие вымысла и художественного искажения ситуации. Статьи и очерки Куприна историчны. В них отражены реальные исторические события. Читатель приобретает практический опыт. Можно предположить также, что *газета* в жизненном мире Куприна со-

¹² А. И. Куприн. Советские анекдоты // Новая русская жизнь. 1920, 18 апреля. № 85; 20 апреля. № 86; 22 апреля. № 87. Подпись: Али-Хан.

¹³ А. И. Куприн. Тихий ужас // Новая русская жизнь. Париж. 1920, 22 мая. № 112; 23 мая. № 113; 26 мая. № 114; 27 мая. № 115. Подпись: Али-Хан.

¹⁴ А. И. Куприн. Большевики // Отечество. Париж. 1921. № 2.

¹⁵ А. И. Куприн. Высокие покровители // Общее дело. Париж. 1920. № 86.

¹⁶ А. И. Куприн. Паспарту // Русское дело. София. 1922, 22 января; Слово. 1991. № 3.

держит тот самый признак вещности, концентрируя на себе внимание и автора, и читателя, и мировой общественности.

Понятно, что газетная статья далека от того, что принято называть *искусством*. И все же именно через средства массовой информации происходило знакомство человека с основными понятиями и ценностями новой власти в России или новой жизни в другой стране. Эмигранты создавали свои типографии, где и печатались такие авторы, как Бунин, Куприн, Набоков и многие другие. Проявляющийся художественно-публицистический стиль Куприна изящен и индивидуален. А произведения Куприна – образцы литературного искусства.

Таким образом, миропорядок А. И. Куприна в эмиграции определяется категориями, которые формируют жизненный мир автора. Вещность, интерсубъективность, временность, историчность проявляются в плоскости соприкосновения культурных миров, являющихся своеобразной надстройкой общественно-политических отношений. Концепт-сфера этих категорий в творчестве автора сформирована. Популярную среди писателей-эмигрантов оппозицию «свое-чужое» Куприн, для которого национальная идентичность становится значимой, прорабатывает по-своему. Наиболее яркой иллюстрацией его отношения к действительности становятся не противоположные друг другу понятия «советское-русское». «Советское» используется реже. Оно наделено скорее отрицательным отношением автора. Это понятие трансформируется, как и сам Жизненный мир автора. Европейская жизнь, русская культура на фоне европейской ментальности, эмоционально-экспрессивная реакция автора на события, происходящие в России и, наконец, судьбоносное решение о реэмиграции скрыты, казалось бы, в совершенно бытовых деталях, составляющих окружающий мир Куприна в настоящем и прошлом. Газета не просто формирует авторский стиль А. И. Куприна. Это знаковый элемент и культурного, и жизненного мира не только А. И. Куприна, но всего общества той эпохи. Жизненный мир Куприна индивидуален, в нем преобладает движение к историчности, стремление зафиксировать исторические события, происходящие в действительности. Особенно важным представляется возведение описываемых Куприным понятий к жизненной практике. Словно бы автор примеряет новую советскую жизнь России и перед самой смертью вновь оказывается на своей Родине.

Список литературы

1. Белокурова С. П. Словарь литературоведческих терминов. СПб. : Паритет, 2006.
2. «Врут, как зеленые лошади...»: Куприн в воспоминаниях, письмах, документах / сост., предисл. и научн. комментарии Т. А. Каймановой. Пенза : [б. и.], 2020. 967 с.
3. Ганиев Ж. В. Риторический анализ публицистического текста А. И. Куприна : сб. научных статей по мат-м Международной научной конференции, Москва, 15–17 октября 2013 г. / отв. ред. В. А. Коханова, Е. Ю. Геймбух. М. : МГПУ, 2014. С. 162–173.
4. Гладышева С. Н. Зарубежная Россия в публицистике А. И. Куприна // Медиачтения СКФУ : материалы Третьей международной научно-практической конференции, Ставрополь, 23–25 мая 2019 г. / отв. ред. О. И. Лепилкина, А. М. Горбачев, Н. Н. Борисенко, Д. А. Шевцова. Ставрополь : Сервисшкола, 2019. С. 14–17.
5. Гуссерль Э. Картезианские размышления / пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб. : Наука, Ювента, 1998. 315 с.
6. Давыдова И. К. Вещный мир в творчестве Н. С. Лескова : дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Йошкар-Ола, 2020. 198 с.
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 2-е, испр. и знач. умнож. по рукописи авт. Т. 1–4. СПб.; М. : М. О. Вольф, 1880–1882.
8. Донская Н. Ю. Художественно-документальная проза в 10–11 классах средней школы. М. : Московский гуманитарный пед. ин-т, 2008. 127 с.
9. Ефименко Л. Н. Публицистика А. И. Куприна: проблемы жанрового своеобразия : дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Краснодар, 2003. 218 с.
10. Желтова Н. Ю. Константы национального характера в литературе первой половины XX в. : уч. пособие. Тамбов : Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2006. 166 с.
11. Иконникова Я. В. «Свое» и «Чужое» в прозе А. И. Куприна: проблематика и поэтика : дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Тамбов, 2013. 192 с.
12. Куприн А. И. Голос оттуда: 1919–1934 : Рассказы. Очерки. Воспоминания. Фельетоны. Статьи. Литературные портреты. Некрологи. Заметки / сост., вступ. ст., примеч. О. С. Фигурновой. М. : Согласие, 1999. 736 с.
13. Куприн А. И. Пестрая книга. Несобранное и забытое / сост., вступление и примечания Т. А. Каймановой. Пенза, 2015. 628 с.

14. Куприн А. И. Париж домашний: очерки, воспоминания, статьи. М.; Берлин : Директ-Медиа, 2016. 157 с. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?Page=book&id=440401> (дата обращения: 22.09.2021).
15. Куприн А. И. Хроника событий глазами белого офицера, писателя, журналиста, 1919–1934. М. : Собрание, 2006 (Вологда : Полиграфист). 669 с.
16. Малышева М. С. Языковые маркеры исторического дискурса в поэтическом тексте: на материале произведений И. А. Чернухина : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Белгород, 2020. 186 с.
17. Разеев Д. Н. В сетях феноменологии // Д. Н. Разеев. Основные проблемы феноменологии / Э. Гуссерль; пер. с нем. А. А. Анипко. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2004. 367 с.
18. Роденкова О. В. Творчество А. И. Куприна в аспекте Русского Зарубежья : дисс. ... канд. филол. наук : 10.01.01. М., 2003. 102 с.
19. Тихомирова А. О. Синтез художественного и идеологического начал в публицистике А. И. Куприна периода эмиграции // Словесное искусство серебряного века и русского зарубежья в контексте эпохи («Смирновские чтения»), Москва, 6–7 февраля 2020 г.
20. Шкайдерова Т. В. Советская идеологическая языковая картина мира: субъекты, время, пространство (на материале заголовков газеты «Правда» 30–40-х гг.) : дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Омск, 2007.

The life world of A. I. Kuprin (based on the material of journalism of the 1920s–1930s)

U. S. Fedorova

postgraduate student, Leningrad State University n. a. A. S. Pushkin.
Russia, St. Petersburg; teacher of Russian language and literature, Nizhny Novgorod Cadet School.
Russia, Nizhny Novgorod. ORCID: 0000-0003-1019-8949. E-mail: uf050878@gmail.com

Abstract. The period of emigration in the work of Alexander Ivanovich Kuprin does not become stagnation. In the 20s, the writer shifted the emphasis in the genre structure, focusing on journalism. This is primarily due to the possibilities of implementing creative ideas. A small text can be both published and translated, while large genres require long, painstaking work. Kuprin reacts sensitively to the events in Russia and presents the reader with his view on political, economic, and cultural values. Of course, Alexander Ivanovich Kuprin adopts a piece of European culture and ideological and philosophical views of Europeans. Russian Russian emigrants, who set themselves the goal of preserving traditional Russian culture, are becoming particularly relevant to the category of "intersubjectivity" described by Ed. Husserl. The life world of A. I. Kuprin in reality and creativity is determined by categories that are of particular importance to the author himself and formed long before emigration. These concepts define the unique sphere of being of Alexander Ivanovich Kuprin under the influence of an environment alien to him. "Art", "newspapers", "people" remain with Kuprin-publistic typically Russian and especially valuable. Kuprin, an emigrant, turns out to be unable to accept the world order of another country, no matter how negatively he treats the new government in Russia, gradually recognizes the new life of his homeland. His articles and essays broadcast changes in Kuprin's attitude to the events of post-revolutionary Russia. Especially interesting is the process of transformation of the concept of "Soviet" from the alien Soviet reality to the realities of the USSR, which became Kuprin's native.

Keywords: journalism, markers Soviet and Russian, intersubjectivity, life world, emigration.

References

1. Belokurova S. P. *Slovar' literaturovedcheskih terminov* [Dictionary of Literary terms]. SPb. Paritet. 2006.
2. "Vrut, kak zelenye loshadi...": Kuprin v vospominaniyah, pis'mah, dokumentah – "They lie like green horses...": Kuprin in memoirs, letters, documents / comp., preface and scientific comments by T. A. Kaymanova. Penza. [without publ.] 2020. 967 p.
3. Ganiev Zh. V. *Ritoricheskij analiz publicisticheskogo teksta A. I. Kuprina : sb. nauchnyh statej po mat-m Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Moskva, 15–17 oktyabrya 2013 g.* [Rhetorical analysis of the journalistic text of A. I. Kuprin : collection of scientific articles on the materials of the International Scientific Conference, Moscow, October 15–17, 2013] / ed. V. A. Kokhanova, E. Yu. Geimbukh. M. MSPU. 2014. Pp. 162–173.
4. Gladysheva S. N. *Zarubezhnaya Rossiya v publicistike A. I. Kuprina* [Foreign Russia in A. I. Kuprin 's journalism] // *Mediachteniya SKFU : mat-ly Tret'ej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Stavropol', 23–25 maya 2019 g.* – NCFU Media readings : Materials of the Third International Scientific and Practical Conference, Stavropol, May 23–25, 2019 / ed. by O. I. Lepilkina, A. M. Gorbachev, N. N. Borisenko, D. A. Shevtsova. Stavropol. Service School. 2019. Pp. 14–17.
5. Husserl E. *Kartezianskie razmyshleniya* [Cartesian reflections] / transl. from German by D. V. Sklyadnava. SPb. Nauka (Science), Juventa. 1998. 315 p.

6. Davydova I. K. *Veshchnyj mir v tvorchestve N. S. Leskova : diss. ... kand. filol. nauk: 10.01.01* [The material world in the works of N. S. Leskov : diss. ... PhD in Philology: 10.01.01]. Yoshkar-Ola. 2020. 198 p.
7. Dal' V. I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka. Izd. 2-e, ispr. i znach. umnozh. po rukopisi avt. T. 1-4* [Explanatory Dictionary of the living Great Russian language. Ed. 2nd, corr. and significantly multiplied according to the manuscript of the author. Vol. 1-4]. SPb.; M. M. O. Wolf. 1880-1882.
8. *Donskaya N. Yu. Hudozhestvenno-dokumental'naya proza v 10-11 klassah srednej shkoly* [Art and documentary prose in grades 10-11 of secondary school]. M. Moscow Humanitarian Pedagogical Institute. 2008. 127 p.
9. Efimenko L. N. *Publicistika A. I. Kuprina: problemy zhanrovogo svoeobraziya : diss. ... kand. filol. nauk: 10.01.01* [A. I. Kuprin's journalism: problems of genre originality : diss. ... PhD in Philology: 10.01.01]. Krasnodar. 2003. 218 p.
10. Zheltova N. Yu. *Konstanty nacional'nogo haraktera v literature pervoj poloviny XX v. : uch. posobie* [Constants of national character in the literature of the first half of the XX century : textbook]. Tambov : Tambov State University n. a. G. R. Derzhavin. 2006. 166 p.
11. Ikonnikova Ya. V. *"Svoe" i "Chuzhoe" v proze A. I. Kuprina: problematika i poetika : diss. ... kand. filol. nauk: 10.01.01* ["One's own" and "Someone Else's" in the prose of A. I. Kuprin: problematics and poetics : diss. ... PhD in Philology: 10.01.01]. Tambov. 2013. 192 p.
12. Kuprin A. I. *Golos ottuda: 1919-1934 : Rasskazy. Ocherki. Vospominaniya. Fel'etony. Stat'i. Literaturnye portrety. Nekrologi. Zametki* [Voice from there: 1919-1934 : Stories. Essays. Memories. Feuilletons. Articles. Literary portraits. Obituaries. Notes] / comp., introd. art., notes by O. S. Figurnova. M. Soglasie (Consent). 1999. 736 p.
13. Kuprin A. I. *Pestraya kniga. Nesobranoe i zabytoe* [Motley book. Unassembled and forgotten] / comp., introduction and notes by T. A. Kaymanova. Penza. 2015. 628 p.
14. Kuprin A. I. *Parizh domashnij: ocherki, vospominaniya, stat'i* [Paris domashny: essays, memoirs, articles]. M.; Berlin. Direct-Media. 2016. 157 p. Available at: <https://biblioclub.ru/index.php?Page=book&id=440401> (date accessed: 22.09.2021).
15. Kuprin A. I. *Hronika sobytij glazami belogo oficera, pisatelya, zhurnalista, 1919-1934* [Chronicle of events through the eyes of a white officer, writer, journalist, 1919-1934]. M. Sobranie (Collection). 2006 (Vologda. Polygraphist). 669 p.
16. Malysheva M. S. *Yazykovye markery istoricheskogo diskursa v poeticheskom tekste: na materiale proizvedenij I. A. Chernukhina : diss. ... kand. filol. nauk : 10.02.01* [Linguistic markers of historical discourse in a poetic text: based on the works of I. A. Chernukhin : diss. ... PhD in Philology : 10.02.01]. Belgorod. 2020. 186 p.
17. Razeev D. N. *V setyah fenomenologii* [In the networks of phenomenology] // D. N. Razeev. *Osnovnye problemy fenomenologii* [The main problems of phenomenology] / E. Husserl; transl. from German by A. A. Anipko. SPb. Publishing House of St. Petersburg University. 2004. 367 p.
18. Rodenkova O. V. *Tvorchestvo A. I. Kuprina v aspekte Russkogo Zarubezh'ya : diss. ... kand. filol. nauk : 10.01.01* [A. I. Kuprin's creativity in the aspect of the Russian abroad : diss. ... PhD in Philology : 10.01.01]. M. 2003. 102 p.
19. Tihomirova A. O. *Sintez hudozhestvennogo i ideologicheskogo nachal v publicistike A. I. Kuprina perioda emigracii* [Synthesis of artistic and ideological principles in the journalism of A. I. Kuprin during the emigration period] // *Slovesnoe iskusstvo serebryanogo veka i russkogo zarubezh'ya v kontekste epohi ("Smirnovskie chteniya")*, Moskva, 6-7 fevralya 2020 g. - Verbal art of the Silver Age and Russian abroad in the context of the epoch ("Smirnov Readings"). M. February 6-7, 2020.
20. Shkajderova T. V. *Sovetskaya ideologicheskaya yazykovaya kartina mira: sub'ekty, vremya, prostranstvo (na materiale zagolovkov gazety "Pravda" 30-40-h gg.) : diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.01* [The Soviet ideological linguistic picture of the world: subjects, time, space (based on the headlines of the newspaper Pravda of the 30-40s) : diss. ... PhD in Philology: 10.02.01]. Omsk. 2007.

Мемориальный нарратив сквозь призму официальной риторики Р. Кадырова: опыт культурологического анализа

Н. У. Ярычев

доктор педагогических наук, доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАО, проректор по учебной работе, Чеченский государственный университет им. А. А. Кадырова. Россия, г. Грозный. ORCID: 0000-0003-4667-8020. Researcher ID: AAB-9203-2019. E-mail: nasrudiny@mail.ru

Аннотация. Целью настоящей статьи является осмысление специфики современного чеченского мемориального нарратива, являющегося смысловым ядром мемориальной культуры. Мемориальный нарратив отражает и в то же время формирует некий коллективный образ прошлого, а потому существенным образом влияет на структуру картины мира, идентичности, ценностных ориентаций членов любого, в том числе и чеченского, общества.

Под мемориальным нарративом понимается система принципов текстовой генерации и презентации информации о событиях прошлого. Специфические черты чеченского мемориального нарратива выявлялись посредством анализа официальных текстов главы Чеченской Республики Рамзана Кадырова по следующим категориям: смысловой и событийный контекст упоминания прошлого; мемориальные акторы и медиумы; оценка прошлого; взаимосвязь модусов времени; речевые *past*-маркеры. Проведенный анализ позволил выделить следующие особенности актуального чеченского мемориального нарратива. Во-первых, позиционирование прошлого одновременно в рациональном (как история) и символическом (как память, судьба, культура, традиции) ракурсах с соответствующими формами их вербализации (строгой, сдержанной, иногда научной в первом случае и образно-метафорической – во втором). Основными мемориальными актерами (то есть агентами продуцирования образа прошлого, его живыми символами) выступают либо государство как институция в целом, либо его персонифицированные воплощения (главным образом, А.-Х. Кадыров и Р. Кадыров). Поддержание преемственности между ними и является главным условием обеспечения темпоральной связи прошлого и настоящего. В проанализированных текстах преобладает позитивное или нейтральное восприятие прошлого (как «золотого века», как времени истоков, как периода меньше социальной и национальной напряженности), однако при этом данные тексты не носят ретроориентированный характер, а напротив, отражают нацеленность на актуальность и будущие преобразования.

Ключевые слова: мемориальная культура, нарратив, мемориальный нарратив, прошлое, культурная память.

В современной научной, общественно-политической и даже повседневной риторике термины «прошлое», «память», «история» и др. занимают лидирующие по востребованности позиции. Объяснению причин такой популярности ретро-тематики посвящено немало трудов [3; 10; 16; 17]. А вот анализ содержания мемориального контента, транслируемого различными актерами (учеными, общественными деятелями, политиками, журналистами и пр.), не так часто привлекает внимание исследователей. На наш взгляд, этот вопрос заслуживает отдельного серьезного разговора, поскольку именно мемориальный нарратив (то есть «система принципов текстовой генерации и презентации информации о событиях прошлого» [20, с. 47]) позволяет не только составить представление о собственно темпоральной картине мира того или иного общества, но и отследить важные для него ценностные ориентиры, поведенческие стратегии, векторы перспективного развития. Иными словами, ответы на вопрос «в связи с чем» и «каким образом» осуществляется публичное «проговаривание» прошлого, являются значимыми ресурсами диагностики общества в точке его актуального существования.

К специфическим особенностям мемориального нарратива можно отнести:

– устойчивость (мемориальный нарратив закреплён во времени, он должен «отстояться», апробироваться в разных историко-культурных обстоятельствах; в этом смысле разовая риторическая акция не может считаться нарративом);

- воспроизводимость (актуализация мемориального нарратива в разных по типу, содержанию, авторству, аудиторной направленности текстах);
- сценарность (мемориальный нарратив строится по определенным и зависящим от контекста законам драматургии, ориентированным на продвижение строго заданной картины прошлого);
- презентизм (мемориальный нарратив транслирует интерпретацию прошлого, исходя из актуальной политической, социальной и иной повестки);
- социальность (мемориальный нарратив апеллирует к интересам определенной социальной группы, размер которой может варьироваться от отдельных субкультур до нации в целом) [18, с. 8].

В основе типологического разнообразия мемориальных нарративов могут лежать либо событийно-содержательный критерий (то есть конкретный нарративный контент [11]), либо принцип официальной репрезентации (специфика политики памяти [8]).

Существует довольно много различных авторских методик анализа мемориального нарратива. Так, например, Г. Гилл (Сиднейский университет) на основе анализа советской идеологии вводит понятие советского метанарратива, представляющего собой «совокупность дискурсов, которые в упрощенной форме репрезентуют идеологию» [19, с. 3]. Метанарратив выполняет важнейшую функцию темпорально-смыслового объединения. Он нивелирует разрыв между прошлым, настоящим и будущим, объясняя суть каждого из модусов времени, а также разрыв между «высокими» идеологическими установками и коммеморативными практиками и ритуалами, наполняя их доступным смыслом и значением. Методика Г. Гилла строится на анализе разного рода текстов и институциональных практик (институт президентства, выборы, парламентаризма, деятельность политических партий и общественно-гражданские инициативы).

Американский политический антрополог Дж. Верч в качестве базы анализа выбрал российские школьные учебники 90-х гг. прошлого века как пример официального текста, продуцируемого государством. Сама методика анализа строится на использовании понятия нарративного шаблона, который позволяет зафиксировать не столько собственно содержание текста, сколько ключевые паттерны репрезентации смысла. Такие нарративные шаблоны, по мысли ученого, лежат в основе разнородных текстов, создаваемых в рамках определенной культуры, и в совокупности определяют конвенциональные способы интерпретации прошлого [2].

О. Ю. Малинова на основе различных текстов, посвященных юбилею революции 1917 г., осуществила сравнение нарративов, «развиваемых разными мнемоническими акторами... Предложенный нами подход опирается на принцип, согласно которому нарративы, описывающие один и тот же исторический процесс, должны иметь общие структурные характеристики, связанные как с общей логикой мнемонического дискурса, так и с фактологией описываемых событий» [9, с. 26].

Исследователь выделила ряд оснований анализа:

- основная идея (стержень повествования, отражающий миссию или идентичность мнемонического актора);
- сюжетная линия (чередa событий, лежащих в основе повествования);
- элементы-события (события, формирующие перспективные связи);
- основные действующие лица (акторы исторического процесса);
- уроки (назидательный концепт нарратива) [9, с. 26].

В. Середа на основе анализа официальных выступлений президентов России и Украины (1994–2006 гг.) определила, «какие исторические аргументы, события и факты используют президенты обеих стран для создания коллективной исторической идентичности и формирования новых представлений о национальном прошлом» [12, с. 70]. Объектами анализа в рамках данной методики выступили конкретные высказывания политиков, отражающие их представления о прошлом как темпоральном модусе, прошлом как истории и прошлом как идеологическом ресурсе настоящего.

Исследовательский коллектив Л. Б. Зубановой, Н. Л. Зыховской и М. Л. Шуб осуществил в некотором смысле аналогичный лингво-темпоральный анализ, текстовой базой которого послужили инаугурационные речи глав США и России. На основе изучения стенограмм посланий глав указанных государств выявлялись вербальные маркеры – слова и словосочетания, репрезентующие отношение к различным модусам времени (прошлому, настоящему и будущему), а также к ассоциативно и смыслово связанным с ними феноменам (традициям, нова-

циям, прогрессу, историческому наследию и пр.). Категориями анализа выступили: эмоциональный контекст подачи информации, ее формальные и содержательные характеристики. Речевыми единицами темпоральной диагностики стали *past*-маркеры (смысловые ассоциации: «история», «традиции», «память», «отцы-основатели», «предки», «предшественники», «наследие», «прошлое», «минувшее», «пример отцов (предков)», «корни», «вчера», «вечность», «забвение»), *past*-аллюзии (цитаты, использование образов героев) и *past*-идеи (транслируемые приоритеты) [4, с. 151].

На основе описанных методик мы разработали собственную, учитывающую все преимущества уже существующих. Данную методику мы апробировали на текстах публичных выступлений (интервью, послания Парламенту, инаугурационная речь и др.) Президента Чеченской Республики Р. Кадырова.

В качестве базы анализа были выбраны следующие тексты:

1. Инаугурационная речь Рамзана Кадырова (2007 г.);
2. Интервью Н. Ускова с Р. Кадыровым «Разговор с Рамзаном Кадыровым», опубликованном в журнале «Сноб» (28 мая 2013 г.);
3. Интервью Р. Кадырова телеканалу «Россия 24» (11 декабря 2013 г.);
4. Послание главы Чеченской Республики Парламенту Чеченской Республики и народу Чеченской Республики о социально-экономическом развитии Чеченской Республики и задачах органов государственной власти Чеченской Республики на 2019 г.;
5. Послание главы Чеченской Республики Парламенту Чеченской Республики и народу Чеченской Республики о социально-экономическом развитии Чеченской Республики и задачах органов государственной власти Чеченской Республики на 2022 г.;
6. Статья Р. Кадырова «Крах однополярного мира», опубликованная на официальном сайте главы Чеченской Республики (2022 г.).

Были выделены следующие категории анализа:

1. Смысловой и событийный контекст упоминания прошлого;
2. Мемориальные акторы и медиумы;
3. Оценка прошлого;
4. Взаимосвязь модусов времени;
5. Речевые *past*-маркеры.

Отметим, что объем выборки формировался не по принципу мемориальной окрашенности контента (например, посвященного памятной дате или открытию памятника), а по принципу публичности, доступности текстов и широты их аудиторного охвата, поскольку нам было важно понять не только содержательный контекст оценки прошлого как такового, но и его место в ряду иных временных модусов.

Далее приведем основные результаты анализа по каждой категории.

1. Смысловой и событийный контекст упоминания прошлого существенно отличается в зависимости от тематики анализируемого текста: от осмысления итогов Холодной войны, проблемы расширения НАТО на восток, причин русско-чеченских войн, итогов послевоенного восстановления Чечни, задач в сфере сохранения популяризации историко-культурного наследия до перечисления достижений Республики и планов на ближайшее будущее. В этом смысле довольно сложно выделить некий универсальный содержательный фрейм, который бы в наибольшей степени коррелировался с феноменом прошлого.

2. В качестве мемориальных акторов выступают акторы двух типов:

- обобщенно-институциональный тип, представленный государством как таковым;
- персонализированный тип, главным образом, ассоциирующийся с личностью А.-Х. Кадырова.

В качестве мемориальных медиумов, то есть институций и/или социальных агентов, осуществляющих трансляцию представлений о прошлом, являющихся носителями ретроориентированных ценностей, упоминаются:

1. Представители старшего поколения («старика – это же живая история, разговаривай, спрашивай, учишься у них... это большое счастье, когда в доме есть старики» [7]).

2. Государственные инстанции, ответственные за сохранение национальных традиций, исконного уклада жизни, обычаев, уникальных явлений культуры: «Нам нужна прочная духовная, историческая основа, а для этого мы должны беречь свои национальные истоки» [13, с. 16]. В качестве значимых целей государственной мемориальной политики обозначаются: обеспечение преемственности традиций, уважение к отечественной истории, историческим,

национальным и иным традициям народов России [14, с. 4]. В Послании Парламенту и народу Чеченской Республики на 2022 г. обозначаются и конкретные мероприятия, позволяющие достичь указанные цели: формирование в обществе высокой значимости обычаев и традиций чеченского народа как национального достояния посредством проведения тематических мемориальных фестивалей и праздников, поддержки фольклорных ансамблей, определения западной границы Чеченской Республики (Галанчожский район), который является этногенетическим центром чеченского народа [14, с. 8].

3. Прошлое чаще всего упоминается в двух основных оценочных плоскостях:

– аэмоциональном: отсутствует как таковая выраженная оценка прошлого, которое предстает неким полигоном исторических событий, источником актуальности;

– позитивно-эмоциональном: прошлое оценивается как «золотой век», как время высочайших нравственных идеалов, справедливого социального порядка, которые частично утрачены в настоящем; в данном контексте прошлое выступает как источник созидательного опыта и значимых уроков. В статье «Крах однополярного мира» Р. Кадыров ассоциирует прошлое с временем благоденствия, которое отличалось «всеобщим братством» и равенством всех национальностей [7].

Интересно, что несмотря на то, что в совсем недавнем прошлом на территории Чеченской Республики велись тяжелейшие военные действия, некоторые города (прежде всего, Грозный) были практически полностью разрушены, чрезвычайно пострадало мирное население, в речах Р. Кадырова негативная оценка этого «актуального прошлого» отсутствует. Напротив, воспоминания о нем конвертируются в созидательный анализ сделанного за последние десятилетия для восстановления мирной жизни.

4. Во всех проанализированных текстах прослеживается универсальная темпоральная логика:

– настоящее есть преемник прошлого, между ними существует прочная и верифицируемая связь: «В логически выстроенной цепочке исторических событий вы найдете ответы и многое поймете. Чтобы понять день сегодняшний, нужно заглянуть в прошлое» [7]. В Послании Парламенту Чеченской Республики и народу Чеченской Республики на 2019 г. Р. Кадыров цитирует фразу своего отца, демонстрирующую убежденность в преемственности прошлого и настоящего: «Народ, не помнящий прошлого, не имеет будущего» [13, с. 16]. В интервью журналу «Сноб» Р. Кадыров именно прошлое, воплощенное в «Коране, обычаях и традициях наших предков», называет основным источником принятия решений и критерием легитимности осуществляемой государственной политики [15];

– объективация связи прошлого и настоящего осуществляется через политическую, идеологическую, духовную преемственность управленческого курса А.-Х. Кадырова и Р. Кадырова. Во всех интервью и официальных выступлениях Р. Кадыров неизменно подчеркивает то, что он продолжает дело, начатое его отцом; что достижения сегодняшнего дня возможны исключительно благодаря основам, заложенным А.-Х. Кадыровым: «Я глубоко признателен народу Чеченской Республики за решительную поддержку курса нашего первого Президента Ахмата-Хаджи Кадырова, которым мы с вами идем» [7]; «Стабильность и устойчивое развитие во всех сферах жизни республики стали возможны благодаря нашему ежедневному труду на пути мира, созидания и благополучия, который определил для своего народа первый Президент Чеченской Республики, Герой России Ахмат-Хаджи Кадыров» [13, с. 1].

5. В качестве наиболее часто употребляемых речевых *past*-маркеров встречаются следующие: история (исторические события, историческая основа, исторические границы, историческая ценность), историко-культурное наследие, национальные истоки (древность культуры, этногенез), традиции и обычаи, испытание временем, депортация.

Речевые параметры проанализированных текстов позволяют говорить о том, что прошлое ассоциируется, прежде всего, с двумя смысловыми векторами:

– историческим, в рамках которого осуществляется апелляция к истории как некоему объективному знанию, осмысленному и верифицируемому, выступающему рациональной основой актуальности, зримо и объяснимо детерминирующей ее; в рамках этого же вектора особенно подчеркивается древность чеченского общества, культуры, народа, его крепкая укорененность в прошлом;

– социокультурным, в рамках которого прошлое визуализируется через обобщенно-символические явления, такие как традиции, обычаи, уклад, корни, основы, наследие; к этой же категории можно отнести и речевые маркеры, которые встречаются не так часто, но

довольно ярко окрашивают тексты публичных выступлений главы Чечни и придают им метафорическое звучание [1, с. 71] – «воспоминания, как старая кинохроника», «носители исторической памяти», «испытание временем», «удары судьбы».

Проанализированные тексты не позволяют говорить о доминировании одного или второго вектора. Скорее, можно говорить об их сбалансированности, о сочетании двух моделей презентации прошлого – научно-рациональной и символично-метафорической. Первая из них позиционирует прошлое как историю, как совокупность объективных знаний о минувшей реальности, которые являются базисом сегодняшнего дня. А вторая – как совокупность не всегда осознанных, но чрезвычайно значимых оснований чеченской культуры, идентичности, самосознания.

Стоит, однако, указать на тот факт, что в публичных выступлениях и официальных текстах Р. Кадырова прошлое не является содержательным лейтмотивом. Глава Республики апеллирует к нему эпизодически и рандомно (за исключением Посланий на 2019 и 2022 гг., где темы прошлого конкретизируются через достижения в области культурно-исторического наследия, молодежной и национальной политики), не делая его повествовательным центром или ресурсным источником своих текстов.

В этом смысле мемориальный нарратив, репрезентуемый в официальных текстах и выступлениях Р. Кадырова, чрезвычайно ярко проявляет черту, которую О. Ю. Малинова и А. И. Миллер обозначили генеалогичностью, то есть апелляцией не к прошлому, не к причинам, а к будущему, к последствиям [7, с. 19].

В целом проведенный анализ позволяет говорить о том, что прошлое в официальных текстах Президента Чеченской Республики Р. Кадырова интерпретируется в двух равнозначных ракурсах: как прошлое историческое (посредством апелляции к истории Чечни, ее трагическим и героическим страницам) и как прошлое символическое (этногенетический центр, источник национальной силы, вековых традиций и обычаев, национального характера, культурного уклада и пр.). Обоим ракурсам соответствует специфический характер их вербализации – строгий, терминологически выверенный в первом случае, и метафорический, образный – во втором. Благодаря такому объемному пониманию прошлого достигается обращение к предельно широкой по мировоззренческим, ценностным, политическим, интеллектуальным, профессиональным и даже возрастным параметрам целевой аудитории; максимально полное использование созидательного потенциала прошлого – и как пространства конкретного опыта, и как источника идентичности, и как ресурса национальной силы.

В качестве главных мемориальных акторов выступает как государство в целом, так и его конкретное воплощение в лице первого Президента Чеченской Республики А.-Х. Кадырова, преемственность управленческому курсу которого является главным доказательством и общетемпоральной преемственности. Таким образом, подобно тому, как отец завещает свой опыт, мудрость, ценности, знания сыну, Президент А.-Х. Кадыров завещал определенный путь государственных преобразований Президенту Р. Кадырову, в лице которого настоящее выступило наследником прошлого.

При этом стоит отметить, что в целом официальные тексты Р. Кадырова не носят ретроориентированный характер, а напротив, отражают нацеленность на актуальность и будущие преобразования. Именно поэтому, хотя в проанализированных материалах и встречается эмоционально-позитивная оценка прошлого (как «золотого века», как времени истоков, как период относительного социального баланса), тем не менее в целом оно оценивается скорее нейтрально, как источник настоящего и важного опыта. В этом смысле можно говорить о темпоральном паритете как о важнейшей особенности официального чеченского мемориального нарратива.

Список литературы

1. Азиева Э. С. Речевой портрет Р. А. Кадырова // Известия ДГПУ. 2014. № 4. С. 70–73.
2. Верч Дж. Нарративные инструменты, истина и быстрое мышление в национальной памяти: мнемоническое противостояние между Россией и Западом по поводу Украины. URL: <https://oralhistory.md/rus/articles/verch-dzheyms-narrativnye-instrumenty-istina-i-bystroe-myshlenie-v-natsionalnoy-pamyati-mnemonicheskoe-protivostoyanie-mezhdu-rossiye-i-zapadom-po-povodu-ukrainy> (дата обращения: 02.06.2022).
3. Зубанова Л. Б., Зыховская Н. Л., Шуб М. Л. Актуальные тренды памяти: проблемное поле журнала Memory Studies // Социологические исследования. 2021. № 2. С. 140–145. DOI 10.31857/S013216250010091-3.

4. Зубанова Л. Б., Зыховская Н. Л., Шуб М. Л. Лингво-темпоральный анализ инаугурационных выступлений глав США и России // Социологические исследования. 2019. № 4. С. 150–154. DOI: 10.31857/S013216250004022-7.
5. Инаугурация Рамзана Кадырова. URL: <https://malsagoff.livejournal.com/199702.html> (дата обращения: 10.06.2022).
6. Интервью Р. Кадырова Телеканалу «Россия 24» (11.12.2013). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jnlX1M3ZlIo> (дата обращения: 29.05.2022).
7. Крах однополярного мира. Мнение Рамзана Кадырова по ситуации на Украине. URL: <https://chechnya.gov.ru/novosti/krah-odnopolnyarnogo-mira-mnenie-ramzana-kadyrova-po-situatsii-na-ukraине/> (дата обращения: 03.06.2022).
8. Логунова Л. Ю., Рычков В. А. Поле памяти: конструирование и борьба нарративов // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12. № 4. С. 191–213. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.4.1-191-213.
9. Малинова О. Ю., Миллер А. И. Введение. Символическая политика и политика памяти // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе : сборник статей / под ред. В. В. Лапина и А. И. Миллера. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. С. 7–38.
10. Малинова О. Ю. Актуальность прошлого: история, память и политика идентичности // Дискурсология: методология, теория, практика. 2016. № 10. С. 156–166.
11. Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность. М. : Вектор, 2005. 354 с.
12. Середа В. Исторический дискурс и национальное прошлое в официальных речах Президентов Украины и России // Национально-гражданские идентичности и толерантность. Опыт России и Украины в период трансформации / под ред. Л. Дробижевой, Е. Головахи. Киев : Институт социологии НАН Украины; Институт социологии РАН, 2007. С. 69–97.
13. Текст послания главы Чеченской Республики на 2019 год // Официальный сайт главы Чеченской Республики. URL: <https://chechnya.gov.ru/wp-content/uploads/2021/06/Tekst-Poslaniya-Glavy-CHR-na-2019-god.pdf> (дата обращения: 05.06.2022).
14. Текст послания главы Чеченской Республики на 2022 год // Официальный сайт главы Чеченской Республики. URL: <https://chechnya.gov.ru/wp-content/uploads/2020/02/Poslanie-Glavy-CHR-na-2022-5.pdf> (дата обращения: 05.06.2022).
15. Усков Н. Разговор с Рамзаном Кадыровым // Сноб. 28 мая 2013. URL: <https://snob.ru/selected/entry/61027/> (дата обращения: 05.06.2022).
16. Шуб М. Л. Актуализация феномена прошлого в контексте современной социокультурной ситуации // Вестник ЧГАКИ. 2013. № 1 (33). С. 61–68.
17. Шуб М. Л. Актуальность в зеркале минувшего: основные содержательные черты современного образа прошлого // Вестник культуры и искусств. 2020. № 1 (61). С. 45–52.
18. Ярычев Н. У. Феномен мемориального нарратива: теоретические основания и практики социокультурного бытования // Челябинский гуманитарий. 2021. № 4 (57). С. 7–12.
19. Gill G. Symbols and legitimacy in Soviet politics. Cambridge : Cambridge university press. 2011. 356 p.
20. Memory and theory in Eastern Europe / eds. U. Blacker, A. Etkind, J. Fedor. *New York* : Palgrave Macmillan, 2013. 279 p.

Memorial Narrative through the Prism of R. Kadyrov's Official Rhetoric: the experience of Cultural analysis

N. U. Yarychev

Doctor of Pedagogical Sciences, doctor of Philosophy, professor, corresponding member of RAE,
vice-rector for academic affairs, Kadyrov Chechen State University. Russia, Grozny. ORCID: 0000-0003-4667-8020.
Researcher ID: AAB-9203-2019. E-mail: nasrudiny@mail.ru

Abstract. The purpose of this article is to comprehend the specifics of the modern Chechen memorial narrative, which is the semantic core of memorial culture. The memorial narrative reflects and at the same time forms a kind of collective image of the past, and therefore significantly affects the structure of the picture of the world, identity, value orientations of members of any, including Chechen, society.

The memorial narrative is understood as a system of principles of text generation and presentation of information about the events of the past. The specific features of the Chechen memorial narrative were revealed by analyzing the official texts of the head of the Chechen Republic Ramzan Kadyrov in the following categories: semantic and event context of mentioning the past; memorial actors and mediums; evaluation of the past; interrelation of time modes; speech past markers. The analysis made it possible to identify the following features of the actual Chechen memorial narrative. Firstly, the positioning of the past simultaneously in rational (as history) and symbolic (as memory, fate, culture, traditions) perspectives with appropriate forms of their verbalization (strict, restrained, sometimes scientific in the first case and figurative-metaphorical in the second). The

main memorial actors (that is, agents of producing the image of the past, its living symbols) are either the state as an institution as a whole, or its personified incarnations (mainly A.-X. Kadyrov and R. Kadyrov). Maintaining continuity between them is the main condition for ensuring the temporal connection of the past and the present. In the analyzed texts, a positive or neutral perception of the past prevails (as a "golden age", as a time of origins, as a period of less social and national tension), however, these texts are not retro-oriented, but on the contrary, reflect a focus on relevance and future transformations.

Keywords: memorial culture, narrative, memorial narrative, past, cultural memory.

References

1. Azieva E. S. *Rechevoj portret R. A. Kadyrova* [Speech portrait of R. A. Kadyrov] // *Izvestiya DGPU – News of the DSPU*. 2014. No. 4. Pp. 70–73.
2. Verch J. *Narrativnye instrumenty, istina i bystroe myshlenie v nacional'noj pamyati: mnemonicheskoe protivostoyanie mezhdru Rossiej i Zapadom po povodu Ukrainy* [Narrative Tools, Truth and Quick Thinking in National Memory: the Mnemonic confrontation between Russia and the West over Ukraine]. Available at: <https://oralhistory.md/rus/articles/verch-dzheyms-narrativnye-instrumenty-istina-i-bystroe-myshlenie-v-natsionalinoy-pamyati-mnemonicheskoe-protivostoyanie-mezhdru-rossiej-i-zapadom-po-povodu-ukrainy> (date accessed: 02.06.2022).
3. Zubanova L. B., Zyhovskaya N. L., Shub M. L. *Aktual'nye trendy pamyati: problemnoe pole zhurnala Memory Studies* [Actual trends of memory: the problem field of the journal Memory Studies] // *Sociologicheskie issledovaniya – Sociological research*. 2021. No. 2. Pp. 140–145. DOI 10.31857/S013216250010091-3.
4. Zubanova L. B., Zyhovskaya N. L., Shub M. L. *Lingvo-temporal'nyj analiz inauguracionnyh vystuplenij glav SShA i Rossii* [Lingvo-temporal analysis of the inaugural speeches of the heads of the USA and Russia] // *Sociologicheskie issledovaniya – Sociological research*. 2019. No. 4. Pp. 150–154. DOI: 10.31857/S013216250004022-7.
5. *Inauguraciya Ramzana Kadyrova* – Inauguration of Ramzan Kadyrov. Available at: <https://malsagoff.livjournal.com/199702.html> (date accessed: 10.06.2022).
6. *Interv'yu R. Kadyrova Telekanalu "Rossiya 24" (11.12.2013)* – Interview of R. Kadyrov to the TV channel "Russia 24" (11.12.2013). Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=jnlX1M3ZlIo> (date accessed: 29.05.2022).
7. *Krah odnopolyarnogo mira. Mnenie Ramzana Kadyrova po situacii na Ukraine* – The collapse of the unipolar world. Ramzan Kadyrov's opinion on the situation in Ukraine. Available at: <https://chechnya.gov.ru/novosti/krah-odnopolyarnogo-mira-mnenie-ramzana-kadyrova-po-situatsii-na-ukraine/> (date accessed: 06.03.2022).
8. Logunova L. Yu., Rychkov V. A. *Pole pamyati: konstruirovaniye i bor'ba narrativov* [Field of memory: construction and struggle of narratives] // *Idei i idealy – Ideas and Ideals*. 2020. Vol. 12. No. 4. Pp. 191–213. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.4.1-191-213.
9. Malinova O. Yu., Miller A. I. *Vvedenie. Simvolicheskaya politika i politika pamyati* [Introduction. Symbolic politics and memory politics] // *Simvolicheskie aspekty politiki pamyati v sovremennoj Rossii i Vostochnoj Evrope: sbornik statej – Symbolic aspects of memory politics in Modern Russia and Eastern Europe: collection of articles* / ed. by V. V. Lapin and A. I. Miller. SPb. Publishing House of the European University in St. Petersburg. 2021. Pp. 7–38.
10. Malinova O. Yu. *Aktual'nost' proshlogo: istoriya, pamyat' i politika identichnosti* [Relevance of the past: history, memory and identity politics] // *Diskursologiya: metodologiya, teoriya, praktika – Discursology: methodology, theory, practice*. 2016. No. 10. Pp. 156–166.
11. Ryuzen J. *Krizis, travma i identichnost'* [Crisis, trauma and identity]. M. Vector. 2005. 354 p.
12. Sereda V. *Istoricheskij diskurs i nacional'noe proshloe v oficial'nyh rechah Prezidentov Ukrainy i Rossii* [Historical discourse and the national past in the official speeches of the Presidents of Ukraine and Russia] // *Nacional'no-grazhdanskije identichnosti i tolerantnost'. Opyt Rossii i Ukrainy v period transformacii – National-civil identities and tolerance. The experience of Russia and Ukraine in the period of transformation* / ed. by L. Drobizheva, E. Golovakhi. Kyiv. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine; Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. 2007. Pp. 69–97.
13. *Tekst poslaniya glavy Chechenskoj Respubliki na 2019 god* – Text of the message of the Head of the Chechen Republic for 2019 // *Oficial'nyj sajt glavy Chechenskoj Respubliki* – Official website of the Head of the Chechen Republic. Available at: <https://chechnya.gov.ru/wp-content/uploads/2021/06/Tekst-Poslaniya-Glavy-CHR-na-2019-god.pdf> (date accessed: 06.05.2022).
14. *Tekst poslaniya glavy Chechenskoj Respubliki na 2022 god* – The text of the message of the head of the Chechen Republic for 2022 // *Oficial'nyj sajt glavy Chechenskoj Respubliki* – Official website of the Head of the Chechen Republic. Available at: <https://chechnya.gov.ru/wp-content/uploads/2020/02/Poslanie-Glavy-CHR-na-2022-5.pdf> (date accessed: 05.06.2022).
15. Uskov N. *Razgovor s Ramzanom Kadyrovym* [Conversation with Ramzan Kadyrov] // *Snob – Snob*. May 28, 2013. Available at: <https://snob.ru/selected/entry/61027/> (date accessed: 06.05.2022).
16. Shub M. L. *Aktualizaciya fenomena proshlogo v kontekste sovremennoj sociokul'turnoj situacii* [Actualization of the phenomenon of the past in the context of the modern socio-cultural situation] // *Vestnik ChGAKI – Herald of ChSAKI*. 2013. No. 1 (33). Pp. 61–68.

17. Shub M. L. *Aktual'nost' v zerkale minuvshogo: osnovnye sodержatel'nye cherty sovremennogo obraza proshlogo* [Relevance in the mirror of the past: the main content features of the modern image of the past] // *Vestnik kul'tury i iskusstv* – Herald of Culture and Arts. 2020. No. 1 (61). Pp. 45–52.

18. Yarychev N. U. *Fenomen memorial'nogo narrativa: teoreticheskie osnovaniya i praktiki soci-okul'turnogo bytovaniya* [The phenomenon of memorial narrative: theoretical foundations and practices of socio-cultural existence] // *Chelyabinskij gumanitarij* – Chelyabinsk Humanities. 2021. No. 4 (57). Pp. 7–12.

19. Gill G. *Symbols and legitimacy in Soviet politics*. Cambridge : Cambridge university press. 2011. 356 p.

20. *Memory and theory in Eastern Europe* / eds. U. Blacker, A. Etkind, J. Fedor. New York : Palgrave Macmillan, 2013. 279 p.

Метафизические фантазии Э. По в интерпретации поэта Ф. Супо и графических комментариях русского парижанина А. Алексеева

Л. У. Звонарева¹, О. В. Звонарев²

¹доктор исторических наук, профессор, Институт Мировых Цивилизаций.
Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0003-1208-4611. E-mail: lzvonareva@mail.ru

²кандидат исторических наук, доцент, Институт Мировых Цивилизаций.
Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0002-0585-7324. E-mail: donfeliz@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется интерпретация мистической прозы Э. По одним из основателей французского сюрреализма, поэтом Ф. Супо и русским эмигрантом А. А. Алексеевым (1901, Казань – 1982, Париж), выдающимся иллюстратором мировой и русской классики, изобретателем игольчатого экрана. А. А. Алексеев создал остающиеся современными, богатые скрытыми символами иллюстрации к метафизическим фантазиям Э. По «Беседы Моноса и Уны» (с предисловием Ф. Супо) и «Падение дома Ашеро», опубликованным в Париже в 1929 г. Ф. Супо изложил свою точку зрения на творчество Э. По, философски интерпретируя его сюрреалистические истории. А. Алексеев графически воплотил философские представления американского писателя о мытарствах любящих душ в потустороннем мире и драматических событиях, пережитых повествователем в старинном поместье Ашеро. Русский художник и французский сюрреалист интерпретируют прозу Э. По каждый по-своему, открывая в ней символические знаки, отражающие взгляды автора на вечные вопросы бытия: любовь, жизнь, смерть, потусторонний мир, безумие, рок. Иллюстрации Алексеева к прозе По до сих пор остаются малоизвестными широкому читателю на его исторической Родине. Лишь отдельные иллюстрации из этих циклов публиковались небольшим тиражом в описаниях книжных собраний французских и российских коллекционеров. Иллюстративные циклы Алексеева к «Беседе Моноса и Уны» и «Падению дома Ашеро» демонстрируют связь времен, представляя современному российскому читателю особую миссию русских эмигрантов первой волны, считавшим своим долгом приближать шедевры мировой классики к восприятию читающей публики. Авторы считают, что А. А. Алексеев принадлежит к самым выдающимся мастерам книжной графики мирового уровня.

Ключевые слова: Эдгар По, Филипп Супо, Александр Алексеев, сюрреализм, иллюстрации, символизм, сюита.

В 1929 г. в Париже с иллюстрациями Александра Алексеева (1901, Казань – 1982, Париж) выходят притча «Беседа Моноса и Уны» и новелла «Падение дома Ашеро» Эдгара Аллана По.

«Сверхъестественными историями» Эдгара По художник увлекался с юных лет [2 с. 12], называл их «колдовской книгой» [2, с. 10], даже во время драматического отступления из захваченных красными войсками городов вместе с другими кадетами возил с собой книгу новелл своего американского кумира. Алексеева не устраивали иллюстрации к текстам писателя, даже сделанные признанными мастерами. Он писал: «...в оцепенении стоим мы перед набросками, сделанными Эдуардом Мане к «Ворону» Э. По; мы спрашиваем себя, а прочел ли великий художник поэму – или он так же плохо понял ее, как и само искусство иллюстрации?» [1, с. 12].

Скорее всего, Алексеев сам предложил издателям выпустить новеллы любимого писателя с его иллюстрациями. К этому времени, после шумного успеха «Записок сумасшедшего» Н. В. Гоголя и «Братьев Карамазовых» Достоевского с его гравюрами издатели предоставили ему (по сохранившимся свидетельствам) полную свободу выбора.

«Беседа Моноса и Уны» в переводе Шарля Бодлера, с предисловием Филиппа Супо (1897, Шавиль – 1990, Париж), «поэта, журналиста, искусствоведа, активного участника движения Дада, крупной фигуры раннего сюрреализма» [1, с. 7], вышла в парижском издательстве N. Matzneff, Orion. В технике акватинты Алексеев исполнил фронтиспис и восемь гравюр, помещенных на наклейках. К изданию прилагалось две сюиты иллюстраций. Все гравюры выполнены в мастерской друга художника, известного типографа Э. Ригаля. Тираж сверхэлитарный – 55 экземпляров. Книга отпечатана в июне 1929 г. [18].

Чем был близок Алексееву американский писатель Эдгар По? Почему уже в юности для него, тогда кадета, он стал любимым автором? Наверное, чувством мистического в реальном мире, особой, повышенной восприимчивостью, безграничным воображением, трагическим мироощущением. Недаром По считается одной из самых трагических фигур в истории американской литературы.

В России в эпоху Серебряного века Э. По открывали заново. Бальмонт переводил его прозаические и поэтические тексты и посвящал ему стихи, отдавая должное умению поэта проникать в тайники человеческой психики. Александр Блок отмечал серьезное влияние Э. По на русский символизм. А еще раньше мэтр французской поэзии Бодлер представил Эдгара По западноевропейскому читателю с благоговейным восторгом как провозвестника новых путей.

Эдгар По, человек верующий и много думавший о том, что происходит с человеческой душой после смерти, создал новый экспериментальный жанр – Ю. В. Ковалев, автор обширной монографии, определял его как «метафизические фантазии» [9, с. 238, 266, 269]. Сам Э. По называл его «потусторонними диалогами». «Беседа Моноса и Уны», написанная в 1841 г., это именно «потусторонний метафизический» диалог, где Монос рассуждает об ощущениях, испытываемых человеком перед смертью, в момент смерти и после смерти. Монос и Уна – умершие люди, сверхъестественным образом обреченные на вечное существование во вселенной, где «неведомое стало ведомым», а «Грядущее слилось с царственным и определенным Настоящим» [9, с. 270].

Филипп Супо, уже четыре года близко друживший с художником, в предисловии к книге «Беседа Моноса и Уны» с иллюстрациями Алексеева изложил свою точку зрения на По и его «потусторонние диалоги», раскрывающую замысел художника, ибо все это поэту и графику было близко и, безусловно, ими обсуждалось: «Эдгар По, разносторонний гений, с талантом, глубина которого соизмерима с расстоянием от небес до преисподней. Именно таким образом охарактеризовал его Бодлер, посчитав не учителем, а братом по духу и душевному складу... Я повторяю, вслед за Бодлером и Малларме, те три слова, которые приходят на ум при упоминании имени По: небо, преисподняя, смерть. В эту венценосную триаду, что как бы само собой разумеется, следует добавить еще одно понятие – любовь. По признал: у него больше не было права избегать вопросов, порождаемых понятиями «смерть» – «вечность». Таким образом, он написал «Беседу Моноса и Уны». Этот разговор посвящен как свету Вечности, так и неизбежному запаху смерти. ...его привлекает тайна смерти. Эдгара По всегда страстно привлекало все загадочное. Временами тайна становилась мечтой, тревожащей его. По заставляет нас читать между строк. Монос, от имени По, разговаривает, стоя на склоне, с человеком, давая объяснение непостижимому. Он, в сущности, больше не боится обращаться к душе. Она становится всемогущей. Душа взлетает на крыльях всемогущей Любви, поднимаясь над миром, над всеми его проявлениями, над смертью. Душа и тело разделились окончательно, но душа больше не скитается. Именно таким избавлением оканчивается «Беседа Моноса и Уны». Свежим дуновением, разгоняющим все призраки и страхи, сопровождавшие их» [18, с. 9–12, 27–30].

Хорошо знавшая Филиппа Супо дочь Алексеева, Светлана Алексеева-Роквелл, вспоминала: молодого французского писателя, почти ровесника русского художника, уже в конце 20-х гг. прошлого века считали «признанным поэтом и искусствоведам» [2, с. 124]. Творчество Э. По заинтересовало его именно потому, что ему были необычайно близки напряженные размышления американского писателя о феномене смерти. Он говорил юной Светлане, дочери друга: «Все вокруг заставляет тебя думать о смерти: пятно на стене, ползущий по полу муравей, даже облака, которые ты видишь через щель в стене – все напоминает о смерти. Абсолютно все» [2, с. 124].

Алексееву было дано в зримых образах воплотить философские представления писателя о мытарствах любящих душ в потустороннем мире.

Как обычно, он начинает с портрета автора на фронтисписе. Э. По здесь не одинок (этот прием художник использовал и в двойном портрете монаха-расстриги Женбаха в его сборнике сюрреалистических стихов «Настоятель монастыря»). Только первым мы видим не лицо автора, а его переводчика Шарля Бодлера, по мнению Ф. Супо, считавшего Э. По братом по духу и душевному складу, введившего американского писателя «в духовную сокровищницу нашей цивилизации» своими переводами. Лицо Э. По темнеет за Бодлером.

Два великих поэта и мыслителя-мистика XIX в.: горящим взором (по яркой белой точке в глазах Бодлера и еще одна – на лице По, виднеющемся за ним) прозревают нечто, нам недо-

ступное. Нидерландская исследовательница творчества Алексева Б. Хофстеде, говоря о его энергетике, сослалась на фронтиспис к «Моносу и Уне»: «Образность, создаваемая иллюстратором, оказывает настолько мощное влияние, что она нередко доминирует в тандеме автор – иллюстратор, когда переводчик, Бодлер, затмевает собою автора, отодвигая его на второй план» [17, с. 23].

У Э. По Монос рассуждает: что произошло за сто лет в сознании человечества и в реальности после того, как он и Уна покинули землю после Смерти. Они встречаются в вечности – «прекрасная и возлюбленная Уна», «нежная Уна»: «Глубочайшая взаимная любовь пылала когда-то в их сердцах». Смерть открыла Моносу тайну вечной жизни: «теперь моя навеки». «Я знаю, человеческий род может избежать конечного уничтожения, только «вновь родившись»... Еще в земной жизни они рассуждали: «земля, получив очищение, <...> станет, наконец, достойным жилищем для человека – человека, очищенного смертью <...> для обновленного, возрожденного, блаженного и отныне бессмертного, хотя по-прежнему телесного человека» [18].

Как иллюстрировать столь умозрительные рассуждения? Традиционалист избрал бы путь нарратива, воспользовавшись воспоминаниями Моноса об их земной любви, уходу Уны за любимым во время болезни, его похоронах. Что же материализует из их беседы, берется воспроизвести Алексеев? Лишь вот это: «возникли бесчисленные, громадные, дымные города. Зеленая листва отступила перед дыханием фабричных горнов. Прекрасный лик Природы обезобразился, точно изуродованный какой-нибудь отвратительной болезнью». Страшная картина. Мы видим бездушную геометрию черных заводских дымящихся труб, пустые глазницы бесконечных окон, знакомых по прежним работам, – драму цивилизации, беспокоящую XX в. значительно больше, чем во времена По.

Эти драматические образы уже появлялись в офортах Алексева к роману «Сибирские ночи» молодого прозаика Ж. Кесселя, к повести «Живой Будда» Морана. Здесь художник дважды повторяет кубистически решаемый промышленный пейзаж и помещает его в предисловии Супо до того, как начнутся мистические откровения Моноса, до того, как появятся эти необычные герои. Алексеев вступает в сферу запредельного, недоступного человеку. Он берется представить Моноса и Уну, пребывающих после смерти в Вечности. Текст Э. По влияет на воображение художника, на его мучительное стремление проникнуть в тайну жизни и смерти – с чем мы уже не раз встречались в его прежних графических работах. Лицом к зрителю обнаженными представали в старой живописи в вечном раю Адам и Ева. И зритель мог любоваться их прекрасной плотью и райскими кущами. Здесь ни того, ни другого. Здесь изощренная техника художника и болезненно-мистические откровения. По меткому наблюдению Жоржа Нива, «надо обладать необыкновенной смелостью, чтобы перевести это откровение после смерти на язык кислоты и меди» [10, с. 46–71].

В каждом листе, а их пять, – загадочное существование Моноса и Уны в небытии. Плоские обнаженные фигуры, развернутые на зрителя, статичны, безжизненны. Эти двое в прострации, их глаза незрячи, их головы похожи на черепа, удлиненные руки вытянуты вдоль обозначенной намеком плоти, но ладони прижаты друг к другу. При первом явлении они еще «земные люди». Их тела даны как на рентгеновском снимке: ребра, суставы рук и ног, чуть заметна у Уны невысокая грудь. Но в следующей «фазе»-явлении они уже скелетоподобны. Живот у того и другой намечен плотным белым пятном, вызывающим ощущение пустоты; влюбленные не способны к деторождению, они лишены духа земной цивилизацией, в отличие от Адама и Евы, их библейских прародителей. Условный пейзаж за их спинами меняется от листа к листу: от квадратов мрачных зданий, напоминающих сразу и фабрику, и крематорий с многочисленными трубами, утопающими в ядовитом дыму, до сгустившихся белесых, чуть мерцающих облаков с еле уловимыми контурами экзотических растений и таинственного сумрачного пространства с едва заметными, намеченными слабым контуром кустами и деревьями, никак не напоминающими райские кущи. Где находятся эти двое? Трудно назвать их состояние полетом, твердой почвы под их вытянутыми стопами нет. Это совсем иное пространство, чем безоблачное счастливое небо, в которое взлетают влюбленные герои Марка Шагала. Художник воссоздает порожденное им состояние тончайшими нитями света.

Белесая поверхность акватинты полна скрытого напряжения: поневоле вспоминается – Ф. Супо считал «белый цвет... символом безумия» [2, с. 125].

Сама поверхность «графических листов изменчивая, вибрирующая, проступающая своей зернистой фактурой, пульсирующая пятнами света и теней, словно передает ритм повест-

ования», – справедливо считает И. Н. Важинская [7, с. 123]. Это не столько ритм повествования, сколько ритм существования героев в вечности. Монос и Уна устремлены к верховной вечной красоте, говоря словами Гоголя. На заключительной гравюре их тела становятся почти невидимыми, они неотличимы от стволов деревьев, листья, в которых и таится жизнь.

Художник не забыл опыт своей работы в парижских театрах, где он помогал знаменитому С. Судейкину, авторитетному сценографу. Много сотрудничавший с Мариинским петербургским театром М. М. Шемякин сразу заметил истоки новаторства Алексева-иллюстратора: «...чисто театральный подход Алексева к иллюстрированию, его особая тональность, «покадровость», – все было абсолютно новым. Для своего времени Алексеев, безусловно, явился новатором» [15, с. 60].

Стремление создать «движущуюся гравюру», которым был одержим художник в 1929 г., накануне своего изобретения игольчатого экрана, принесшего ему мировую славу, отразилось в покадровом решении сюжета мистической новеллы Э. По. Об этом пишет и петербургский искусствовед А. Дмитренко: «Одержимый идеей кинетической передачи образов, Алексеев в иллюстрациях к «Беседе Моноса и Уны» Э. По (1929) создает своеобразную «раскадровку» сюжета, где каждый кадр-иллюстрация представляет собой очередную фазу метаморфоз героев рассказа» [8, с. 6].

По Алексеву, иллюстратор вправе свободно добавлять свое в изображение, пока оно уместно, раскрывает драматизм сюжета и не противоречит невысказанным автором мыслям. Жанр иллюстрации предоставляет такую «свободу» для полета фантазии, что художник может выдумать даже свой сюжет. Надо быть очень внимательным, чтобы заметить в темной листве неожиданных зверьков, скачущих по веткам. Художника манит жизнь. Только этим можно объяснить спрятанное в густой листве лицо в профиль, похожее на его и жены Александры Гриневской любимого киноартиста – Чарли Чаплина. И если где и пребывают бессмертные души героев, то в том прекрасном звездном небе, обители душ человеческих, на которое намекал Супо («Душа взлетает на крыльях Любви» [9, с. 29]), чему Алексеев посвятит финальную миниатюру, усеянного звездами неба, и поместит в ее центр светящийся земной шар.

Ф. Супо дает высокую оценку работам русского друга: «Алексеев тверд и непреклонен в своем желании дать новую жизнь искусству офорта, не претендуя при этом на создание новой традиции. Я буду, вероятно, первым в столь оптимистической оценке, но я убежден, что его деятельность способна охватить и другие сферы искусства, ведь, будучи человеком современным, Алексеев может и должен интересоваться всем, что можно назвать современной графикой. Для гравера масштаба Алексева перспективы безграничны. Он достоин будущего, которое открывается перед ним, ибо в противоположность многим художникам последних лет он любит свое ремесло и хочет развить все его возможности. Он охотно признает, что для него недостаточно быть только художником, но нужно быть и ремесленником» [21, с. 12].

И еще одна работа к творению кумира художника – гравюры к мистической новелле «Падение дома Ашеров», считающейся одной из наиболее совершенных в творчестве Эдгара По. «С чувством подлинного трагизма отображена гибель старого аристократического рода и одновременно «ужас души» свидетеля этой драмы, потрясенного виденным», – как комментируют этот полуфантастический рассказ читатели По. Новелла с гравюрами Алексева выходила дважды. В 1929 г. в переводе Шарля Бодлера в парижском издательстве Orion [19]. Фронтиспис и девять акватинт в тексте отпечатаны в мастерской Э. Ригаля, тираж 365 экземпляров. Следующее издание 1930 г. – на английском в издательстве The Halcyon Press A.A.M. Stols. Maastricht тем же тиражом, отпечатанным в Голландии. Те же 10 иллюстраций Алексева в технике акватинты [20].

«Падение дома Ашеров» – загадочное повествование о драматических событиях, пережитых рассказчиком в старинном поместье его приятеля Родерика, связанное со странной болезнью сестры Родерика, леди Мэдилейн, и с еще более странным его собственным психическим заболеванием, о таинственной связи между домом и его обитателями, о преждевременных похоронах еще живой Мэдилейн, неожиданно пришедшей в себя, о внезапно рухнувшем доме Ашеров в сумрачные воды озера. Тривиальных причинно-следственных связей искать здесь не стоит. Классическое повествование в готическом стиле, волновавшее не одно поколение читателей во Франции, Англии и в России, их не предполагало. Болезненное состояние психики, сознание на грани безумия, душа, трепещущая от страха перед грядущим и неизбежным ужасом, – вот с чем встречаемся мы. Родерик Ашер предрекает себе потерю разума и самой жизни в борьбе с «мрачным фантазмом – страхом». В финале предчувствие его

сбивается: он гибнет, пораженный ужасом и безумием. Мотив безумия преследует художника: Поприщин из «Записок сумасшедшего», Герман из «Пиковой дамы», Иван Карамазов Достоевского, позднее – Адриенна Мезюра из одноименного романа Ж. Грина. Прежде – в русском, а теперь – во французском и английском обличи. Дом Ашер в его символическом значении воспринимается как европейский мир первой четверти XX в., пребывающий в состоянии распада, угасающий, мертвеющий, находящийся на пороге полного исчезновения, что и происходит в финале. Подобные метафизические переживания Алексею, как мы знаем, ближе, чем кому-либо другому, он уже не раз проходил через их искушения, вызывая в воображении невероятные сновидческие образы. Здесь они предельно сгущены. На фронтисписе – сидящая обнаженная мужская фигура. Это Ашер. «Восковая бледность; огромные, ясные, какие-то необыкновенно сияющие глаза; пожалуй, слишком тонкий и очень бледный, на поразительно красивого рисунка рот; изящный нос с еврейской горбинкой, но, что при этом встречается нечасто, с широко вырезанными ноздрями; хорошо вылепленный подбородок, однако, недостаточно выдавался вперед, свидетельствуя о недостатке решимости; волосы на диво мягкие и тонкие; черты эти дополнял необычайно широкий и большой лоб...» [12, с. 181]. Что ж, портрет похож, правда, без тщательно прописанных деталей. Но дальше... Руки кажутся обрубками.

Левая рука заканчивается бледной, призрачной, потусторонней кистью («ужасающая ху-доба его пальцев»), она-то и прикасается к струнам инструмента, покоящегося на коленях. Это лютня. Отклик на эпитафию Эдгара По из Беранже: «Его сердце – лютня, коснешься – и она зазвучит», а никак не гитара, любимый инструмент Ашера. Цитата остроумно окружила «магриттовский» портрет. Вместо лютни на груди, слева, у сердца, – большое ухо. Что сие ухо означает, к чему оно прислушивается, что за сюрреалистический символ? Каков код подсознания художника? Намек на то, что все окружающее – звуки и шире – все происходящее, поэт и художник воспринимает обнаженным сердцем? «Изображение символизирует чувствительность Ашера, его неприспособленность к жизни: у фигуры нет рук ниже локтей. Сюрреалистическая иллюстрация намекает на мистический сюжет произведения», – считает Брегже Хофстеде [17, с. 34–35]. В тексте можно встретить реплику про болезненное состояние слуховых нервов Ашера, «вследствие чего он не выносил никакой музыки, кроме звучания некоторых струнных инструментов». Стилистика алексеевских интерпретаций – в неоднозначности толкований, в их полной свободе. Стремление передать невыразимое сюрреалистическими средствами здесь, пожалуй, достигает апогея. Главным символом гибели аристократического рода предстает не сам дом, а дерево подле него, над озером. Одно меняющееся дерево. В тексте деревьям не придается заметного значения, описание их дано обобщенно: «седые стволы деревьев, гниющие деревья, старые деревья вокруг пруда, неподвижность и неизменность их сочетаний – они повторялись в спокойных водах пруда, и все это тоже действовало на болезненную чувствительность Ашера». В одном из теоретических эссе Э. По настаивал на чрезвычайной важности «целостности, жизненно необходимой для произведения искусства» и определял ее как «единство воздействия или впечатления», куда входит, по его мнению, повторяемость одного и того же рефрена (что, уточнял По, всегда доставляет ему как автору удовольствие). И в этом удивительное сходство с Алексеевым, не раз вспоминаям детские впечатления от плывущих кораблей, проходящих мимо их виллы, оловянных солдатиков, в которых он играл; ритмическая и смысловая повторяемость стала свойством его графических приемов.

В центре листа, под седыми облаками, дерево – крупно и выразительно, с обнаженным белым стволом с двумя короткими, обрубленными ветками (подобно двум последним отпрыскам на семейном древе Ашер в, как считает та же Б. Хофстеде), отраженными в воде и жалкими корнями наружу – их уже не держит земля. Одна короткая ветвь. И то же дерево, там же, на темном фоне – все почерневшее. Черный цвет становится доминирующим, скоро он превратится в мрак, изображения будут едва различимы. Дерево продолжает мелькать то – перед замком, то – наложенным на его изображение, а замок – лишь мираж, призрачно его отражение в водах озера. Все это ночные сцены. Зернистая поверхность акватинты дает возможность показать тени и порывы ветра, описанные Э. По. Рассказчика охватывает ужас от бушующей вокруг дома бури, шуршащих от порывов ветра порванных гобеленов на стенах. Такого интерьера в рисунках нет. Алексеева увлекает образ бури: беспокойны чуть белеющие деревца, замок тоже в смутении, неровно проступают башни, волны тумана наплывают на него. Virtuозно решены экспрессивные тоновые переходы. Сюрреалистичен дом, сквозь древний облик выступает другая его часть, не столь романтическая, с обычными, не стрелчатых-

ми, окнами: через покров ночи из них пробивается слабый свет. Атмосферой видений, неясных образов проникнута и сама новелла. В ней происходит невероятное, но естественное в готическом повествовании: брат опустил сестру, пребывавшую, видимо, в летаргическом сне, в гробу в подземелье: «Мы похоронили ее живою! ...Разве я не говорил вам, что мои чувства изощрены? Теперь говорю вам: я слышал ее первые слабые движения в гробу. Я слышал их... слышал их много, много дней тому назад... но не смел... не смел сказать ...безумец! Говорю тебе, она здесь, за дверью! <...>, за ними высокая, окутанная саваном, и вправду стояла леди Мэдилейн» [12, с. 194–195]. Изображена она в саване, похожим на свадебную фату, накинутую на голову, вместо лица – белое пятно, выделены лишь глазные впадины. Ее фигура туманна, призрачна, размыта. «Минуту, вся дрожа и шатаясь, она стояла на пороге... потом с негромким протяжным стоном покачнулась, пала брату на грудь – и в последних предсмертных судорогах увлекла за собою на пол и его, уже бездыханного» [12, с. 194–195]. И тут в видениях Алексеев превосходит взволнованного рассказчика в его энергетическом напряжении. Он вновь добавляет «от себя». Происходит невероятное.

Леди Мэдилейн неожиданно появляется вновь: это темная фигура, выделяются лишь ноги, грудь и руки, остальное прячется во мраке. За спиной на черном – раскрытые черные крылья. Под ногами – сноп искр. Алексеев, предполагает Б. Хофстеде, превратил леди Мэдилейн в одного из «ангелов смерти» [17, с. 36]. Эта иллюстрация, по ее мнению, – воспоминание художника о матери, которую он помнил в трауре после смерти отца, о чем упоминал в мемуарах, как не помышлял об обезьяне, играющей на скрипке. Это еще более неясный сюрреалистический символ, закодированный образ, чем ухо на груди Ашера: скрюченная обезьяна со скрипкой. Пасть ее открыта, белесые глаза выпучены, она слишком реалистична для этого безумного цикла, окружена неясными образами. К кому отсылает таинственный образ? Струнный инструмент, единственный, звук которого мог выносить Ашер, последняя поддержка его разума, в руках дикого животного, играющего на нем свою партию. В эти годы струнный музыкальный инструмент (гитара, банджо или скрипка, лютня) не раз появляется в работах Алексеева – в иллюстрации к «Сибирским ночам», в сотворчестве с Женбахом (негр с банджо в руках), в «Братьях Карамазовых» (Смердяков с гитарой) и дважды здесь... Но прежде на нем играли люди. Далеко, далеко уводит нас алексеевская импровизация. Художник погружает читателя в сновидческую атмосферу видений рассказчика. Ближе к финалу цикла – другая мистическая картина, наполненная бешеными звуками и ритмами. Усеянная звездами, с темными, нечеткими силуэтами призраков, похожих на ведьм, с профилем человечка в шутовском колпаке, с растопыренными пальцами странно вытянутой руки и прозрачным домом вдали... Возможно, еще одна импровизация – на тему строфы из стихотворения Ашера: «Вечерами видел путник, / Направляя к окнам взоры, / Как под мирный рокот лютни / Мерно кружатся танцоры» [12, с. 186].

В самом финале – неясная фигура почти обнаженного мужчины, лежащего плашмя, лицом вниз. Он лихорадочно удерживает собой то, что под ним. То, что еще напоминает жалкие остатки дома с яркой расширившейся трещиной, на нее рассказчик обратил внимание при приезде. И знакомая нам рука с белыми помертвевшими пальцами тут, и другая, черная, судорожно сжимающая в кромешной тьме «полный лунный круг, внезапно засверкавший мне (то есть рассказчику. – Прим авторов) в глаза». «Содрогающая темнота пространства в работе Алексеева потрясает», – отметил его почитатель Юрий Норштейн [11, с. 126]. Алексеев обыграл все степени невероятного, что предлагала ему готическая новелла По. Николь Ригаль, объясняя технику работ Алексеева к этой повести, приоткрывает «тайну» его неподражаемых гравюр: «Художник предлагает взглянуть в окно с решетчатой рамой, нанеся покрытие на поверхность вокруг него. Он посыпает канифолью всю медную пластину, нагревает ее, чтобы сплавить частицы канифоли с пластиной, затем приступает к травлению, нанося с помощью кисти линии на одинаковом расстоянии друг от друга. Лестница же, напротив, выгравирована с помощью резца, как и перекладины оконной рамы. Мы видим, что некоторые перекладины тоньше остальных – они созданы с помощью техники сухой иглы. Таинственная атмосфера этих гравюр достигается благодаря различной интенсивности травления» [13, с. 100].

Ф. Супо считает – тайна растущих успехов Алексеева-иллюстратора и в плодотворном сотрудничестве с талантливым гравером и художником Ж. Ригалем: «Алексеев гордится, и у него есть на это право, своей дружбой с человеком, имя которого нельзя не упомянуть, – Ригаль, художник-офортист, в сотрудничестве с которым он ведет свой непрерывный творческий поиск. Порой они одержимо работают вместе и восхищаются достигнутыми результатами» [21, с. 12].

В начале 1929 г. Супо собирался написать монографию о творчестве художника и в письме от 11 февраля уточнял свое предложение: «Я хотел с вами поговорить, так как теперь это срочно (по причине вашей выставки), речь идет о нашем проекте монографии, посвященной вам. Не следует бросать эту идею, которая должна быть реализована через месяц (чтобы можно было продать экземпляры во время выставки)» [7, с. 12]. К сожалению, этот благородный проект так и остался в планах. Супо считал: графические виды искусства «должны обходиться без слов... они должны возносить себя над ними и вопреки им. Они призваны выражать то, что не могут передать слова» [14, с. 12]. Как именно Алексеев визуализирует и усиливает атмосферу книги, Супо не уточнял. Но заметил важную алексеевскую особенность: «комментарий» к тексту отражает его «собственную сущность», которую Супо считал настолько сильной, что она могла доминировать над характером произведения: «И, следовательно, иллюстрации художника целесообразны лишь для произведений высшего художественного качества» [14, с. 12].

Итак, Алексеев одним из первых, учитывая творческий опыт работы в театре и готовясь к работе в кинематографе (через два года он совершит свое самое большое открытие для анимации – игольчатый экран), стал использовать в книжной графике кинематографические приемы – разбивку сюжетных сцен на последовательно сменяющие друг друга кадры. В эпоху Серебряного века, закончившегося на его Родине, в России, но продолжившегося в Париже, куда перекочевали многочисленные писатели, художники, актеры, музыканты и философы, когда особенно глубоким стало взаимовлияние различных видов искусств, художник использовал творческий опыт театра, кинематографа, музыки, поэзии, сюрреалистические эксперименты для передачи сложных сюжетных перипетий аллегорических притч и мистических фантазий Э. По. Именно благодаря такому новаторскому подходу к иллюстрации акватинты Александра Алексеева к текстам американского писателя сегодня воспринимаются как современные и получают высокую оценку искусствоведов, художников и режиссеров. Для поэта и издателя Ф. Супо (многие заказы художник получал именно по рекомендации французского друга) акватинты Алексеева стали откровением: русский художник открыл в текстах Э. По смыслы, которые были созвучны духовным поискам французского писателя, для которого тема смерти стала одной из важнейших в творчестве уже в конце 20-х гг. прошлого века.

Список литературы

1. Александр Алексеев – мастер книги : каталог-резоне. Собрание Марка Башмакова // Художник и книга. Вып. 3. СПб., 2016. 96 с.
2. Алексеев А. А. Забвение, или сожаление. Воспоминания петербургского кадета // Киноведческие записки. 2001. № 52. С. 3–144.
3. Александр Алексеев. К 110-летию со дня рождения. 1901–1982. Между светом и тенью. Книги. Книжная графика. Первая русская анимация. СПб. : Музей нонконформистского искусства, 2011. 47 с.
4. Александр Алексеев : мат-лы к выставке графики и ретроспективе фильмов в рамках XIX Московского международного кинофестиваля / сост. Б. Павлов, Д. Манн. М. : Музей кино, 1995. 48 с.
5. Александр Алексеев. Несколько слов об иллюстрации // Александр Алексеев: диалог с книгой. СПб. : Вита Нова, 2005. 76 с.
6. Алексеева-Роквелл С. А. Зарисовки. Истории моей юности. Ярославль : Рыбинский Дом печати, 2013. 360 с.
7. Важинская И. Н. Путь к Алексееву / А. И. Башмаков, М. И. Башмаков; художник книги А. Алексеев. СПб. : Петрополис, 2010. 212 с.
8. Дмитренко А. От составителя // Александр Алексеев: диалог с книгой. СПб. : Вита Нова, 2005. 76 с. С. 4–8.
9. Ковалев Ю. В. Эдгар Аллан По. Новеллист и поэт : монография. Л. : Худож. лит., 1984. 296 с.
10. Нива Ж. Алексеев в диалоге: от Достоевского к Пастернаку // Конструктор мерцающих форм. Книжная графика Александра Алексеева из собрания Бориса Фридмана. СПб. : Вита Нова, 2011. 252 с. С. 46–71.
11. Норштейн Ю. Режиссер глазами режиссера // Конструктор мерцающих форм. Книжная графика А. Алексеева из собрания Б. Фридмана. СПб. : Вита Нова, 2011. 252 с. С. 126–140.
12. По Э. Избранные произведения : в 2-х т. Т. 1. М. : Изд-во Художественная литература, 1972. 415 с. С. 194–195.
13. Ригаль Н. Виртуозная графика А. Алексеева // Конструктор мерцающих форм. Книжная графика А. Алексеева из собрания Б. Фридмана. СПб. : Вита Нова, 2011. 252 с. С. 94–109.
14. Супо Ф. Алексеев. В страну света // Художник книги Александр Алексеев : описание собрания книг с иллюстрациями А. Алексеева и А. Гриневской из библиотеки М. И. Башмакова. СПб., 2010. 212 с. С. 9–18.

15. Шемякин М. М. Заметки об А. Алексееве // Александр Алексеев: диалог с книгой. СПб. : Вита Нова, 2004. 76 с. С. 59–64.
16. Федотова Е. И. Безвестный русский – знаменитый француз. СПб., 1999. 136 с.
17. Hofstede B. Alexandre Alexeïeff and the Art of Illustration : RMA Thesis. Utrecht : Universiteit Utrecht, 2012. 158 p.
18. Poe E. A. Colloque entre Monos et Una. Traduction de Charles Baudelaire. Avans-propos de Ph. Soupault. Gravures en taille-douce de A. Alexeïeff. Paris : Orion, 1929.
19. Poe E. A. La Chute de la Maison Usher. Paris : Orion, 1929.
20. Poe E. A. The Fall of the House of Usher. Maastricht : The Halcyon Press, 1930.
21. Soupault Ph. Alexandre Alexeïeff // Arts et Métiers Graphiques. 1929. № 10. Pp. 601–608.

Metaphysical fantasies of E. Poe in the interpretation of the poet F. Soupault and graphic comments of the Russian Parisian A. Alekseev

L. U. Zvonareva¹, O. V. Zvonarev²

¹Doctor of Historical Sciences, professor, Institute of World Civilizations.

Russia, Moscow. ORCID: 0000-0003-1208-4611. E-mail: lzonareva@mail.ru

²PhD in Historical Sciences, associate professor, Institute of World Civilizations.

Russia, Moscow. ORCID: 0000-0002-0585-7324. E-mail: donfeliz@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the interpretation of the mystical prose of E. Poe, one of the founders of French surrealism, the poet F. Soupault and Russian emigrant A. A. Alekseev (1901, Kazan – 1982, Paris), an outstanding illustrator of world and Russian classics, inventor of the needle screen. A. A. Alekseev created illustrations to E. Poe's metaphysical fantasies, rich in hidden symbols, "Conversations of Monos and Una" (with a preface by F. Soupault) and "The Fall of the House of Usher", published in Paris in 1929, F. Supo stated his point of view on the work of E. Poe philosophically interpreting his surreal stories. A. Alekseev graphically embodied the philosophical ideas of the American writer about the ordeal of loving souls in the other world and the dramatic events experienced by the narrator in the ancient Usher estate. The Russian artist and the French surrealist interpret E. Poe's prose in their own way, revealing symbolic signs in it that reflect the author's views on the eternal questions of existence: love, life, death, the other world, madness, rock. Alekseev's illustrations to Poe's prose still remain little known to the general reader in his historical homeland. Only some illustrations from these cycles were published in small editions in the descriptions of book collections of French and Russian collectors. Alekseev's illustrative cycles for "The Conversation of Monos and Una" and "The Fall of the House of Usher" demonstrate the connection of times, presenting to the modern Russian reader a special mission of Russian emigrants of the first wave, who considered it their duty to bring the masterpieces of world classics closer to the perception of the reading public. The authors believe that A. A. Alekseev belongs to the most outstanding masters of world-class book graphics.

Keywords: Edgar Poe, Philip Soupault, Alexander Alekseev, surrealism, illustrations, symbolism, suite.

References

1. Aleksandr Alekseev – master knigi : katalog-rezone. Sobranie Marka Bashmakova – Alexander Alekseev – master of the book: catalogue-reason. The collection of Mark Bashmakov // *Hudozhnik i kniga* – The Artist and the book. Is. 3. SPb. 2016. 96 p.
2. Alekseev A. A. Zabvenie, ili sozhalenie. Vospominaniya peterburgskogo kadeta [Oblivion, or regret. Memoirs of a Petersburg cadet] // *Kinovedcheskie zapiski* – Cinema study notes. 2001. No. 52. Pp. 3–144.
3. Aleksandr Alekseev. K 110-letiyu so dnya rozhdeniya. 1901–1982. Mezhdru svetom i ten'yu. Knigi. Knizhnaya grafika. Pervaya russkaya animaciya – Alexander Alekseev. To the 110th anniversary of his birth. 1901–1982. Between light and shadow. Books. Book graphics. The first Russian animation. SPb. Museum of Nonconformist Art. 2011. 47 p.
4. Aleksandr Alekseev : mat-ly k vystavke grafiki i retrospektive fil'mov v ramkah XIX Moskovskogo mezhdunarodnogo kinofestivalya – Alexander Alekseev: materials for the exhibition of graphics and a retrospective of films within the framework of the XIX Moscow International Film Festival / comp. B. Pavlov, D. Mann. M. Museum of Cinema 1995. 48 p.
5. Aleksandr Alekseev. Neskol'ko slov ob illyustracii [A few words about illustration] // *Aleksandr Alekseev: dialog s knigoy* – Alexander Alekseev: dialogue with the book. SPb. Vita Nova. 2005. 76 p.
6. Alekseeva-Rokvell S. A. Zarisovki. Istorii moej yunosti [Sketches. Stories of my youth]. Yaroslavl. Rybinsk House of Printing. 2013. 360 p.
7. Vazhinskaya I. N. Put' k Alekseevu [The way to Alekseev] / A. I. Bashmakov, M. I. Bashmakov; the artist of the book A. Alekseev. SPb. Petropolis. 2010. 212 p.

8. Dmitrenko A. *Ot sostavitelya* [From the compiler] // Alexander Alekseev: dialogue with the book. SPb. Vita Nova. 2005. 76 p. Pp. 4–8.
9. Kovalev Yu. V. *Edgar Allan Po. Novellist i poet : monografiya* [Edgar Allan Poe. Novelist and poet : monograph]. L. Khudozhestvennaya literature (Artist. lit.) 1984. 296 p.
10. Niva Zh. *Alekseev v dialoge: ot Dostoevskogo k Pasternaku* [Alekseev in dialogue: from Dostoevsky to Pasternak] // *Konstruktor mercayushchih form. Knizhnaya grafika Aleksandra Alekseeva iz sobraniya Borisa Fridmana* – Constructor of shimmering forms. Book graphics by Alexander Alekseev from the collection of Boris Fridman. SPb. Vita Nova. 2011. 252 Pp. 46–71.
11. Norshitejn Yu. *Rezhisser glazami rezhissera* [Director through the eyes of a director] // *Konstruktor mercayushchih form. Knizhnaya grafika Aleksandra Alekseeva iz sobraniya Borisa Fridmana* – Constructor of shimmering forms. A. Alekseev's book graphics from the collection of B. Fridman. SPb. Vita Nova. 2011. 252 p. Pp. 126–140.
12. Poe E. *Izbrannye proizvedeniya : v 2-h t. T. 1* [Selected works : in 2 vols. Vol. 1]. M. Publishing House of Fiction. 1972. 415 p. Pp. 194–195.
13. Rigal' N. *Virtuoznaya grafika A. Alekseeva* [A. Alekseev's virtuoso graphics] // *Konstruktor mercayushchih form. Knizhnaya grafika A. Alekseeva iz sobraniya B. Fridmana* – Constructor of shimmering forms. A. Alekseev's book graphics from the collection of B. Fridman. SPb. Vita Nova. 2011. 252 Pp. 94–09.
14. Soupault F. *Alekseev. V stranu sveta* [Alekseev. To the land of light] // *Hudozhnik knigi Aleksandr Alekseev : opisanie sobraniya knig s illyustracijami A. Alekseeva i A. Grinevskoj iz biblioteki M. I. Bashmakova* – Book artist Alexander Alekseev : description of the collection of books with illustrations by A. Alekseev and A. Grinevskaya from the library of M. I. Bashmakov. SPb. 2010. 212 p. Pp. 9–18.
15. Shemyakin M. M. *Zametki ob A. Alekseeve* [Notes about A. Alekseev] // *Aleksandr Alekseev: dialog s knigoj* – Alexander Alekseev: dialogue with the book. SPb. Vita Nova. 2004. 76 p. Pp. 59–64.
16. Fedotova E. I. *Bezvestnyj russkij – znamenityj francuz* [Unknown Russian – famous Frenchman]. SPb. 1999. 136 p.
17. Hofstede B. *Alexandre Alexeïeff and the Art of Illustration : RMA Thesis*. Utrecht : Universiteit Utrecht, 2012. 158 p.
18. Poe E. A. *Colloque entre Monos et Una*. Traduction de Charles Baudelaire. Avans-propos de Ph. Soupault. Gravures en taille-douce de A. Alexeïeff. Paris : Orion, 1929.
19. Poe E. A. *La Chute de la Maison Usher*. Paris : Orion, 1929.
20. Poe E. A. *The Fall of the House of Usher*. Maastricht : The Halcyon Press, 1930.
21. Soupault Ph. *Alexandre Alexeïeff* // *Arts et Métiers Graphiques*. 1929. No. 10. Pp. 601–608.

Практики сохранения культурного наследия в условиях Гражданской войны: Пермский музей в 1918 г.*

А. В. Шаманаев

кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и этнологии, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. Россия, г. Екатеринбург.
ORCID: 0000-0001-8955-8884. Researcher ID: AAI-2502-2021. E-mail: shamanaev@mail.ru

Аннотация. В системе сохранения культурного наследия музеи являются одним из важнейших институтов. В периоды социальных и военных конфликтов возникают экстремальные угрозы гибели ценных коллекций и отдельных предметов в результате актов вандализма, грабежей, боевых действий, неблагоприятных условий хранения и др. Актуальным представляется анализ исторического опыта спасения музейных ценностей в условиях революций и гражданских войн. В статье рассматривается опыт деятельности Пермского научно-промышленного (Пермского государственного) музея на фоне трансформации имперской административной и правовой системы в советскую, развертывании событий Гражданской войны в России (1918 г.). Исследование выполнено с опорой на принципы процессуального и историко-антропологического методов. Источниковой базой работы стал комплекс подлинных документов (делопроизводственные материалы; служебная переписка с органами власти, учреждениями культуры и др.) из фондов Государственного архива Пермского края. Анализ источников показал, что деятельность Пермского музея в 1918 г. соотносится с общими тенденциями музейного дела России того времени, однако имеет выраженную специфику. Существенными проблемами были недостаток денежных средств, материального обеспечения, кражи экспонатов, правовая и административная неопределенность. Сотрудникам музея удалось эффективно взаимодействовать с органами власти, что позволило получить дополнительное здание, повысить официальный статус учреждения, сохранить активность просветительской работы. В 1918 г. фонды музея значительно пополнились за счет конфискованных коллекций церковно-археологического общества и библиотеки духовной семинарии, практик документирования текущих событий. Успешный опыт Пермского музея во многом был обусловлен приходом нового руководства, готового к экспериментам в музейной сфере и сотрудничеству с властью большевиков.

Ключевые слова: охрана культурного наследия, музееведение, Отечественная история, Пермь.

На рубеже XX – XXI вв. охрана и передача будущим поколениям культурного наследия стали восприниматься как одна из основных гуманитарных задач мировой цивилизации. Особая роль в этой сфере принадлежит музеям, обеспечивающим не только физическое сохранение культурных ценностей, но и трансляцию исторической памяти через реализацию образовательных и воспитательных задач, ориентированных на общество в целом [26, с. 9]. При этом музейные учреждения чрезвычайно подвержены разного рода рискам, являясь местом концентрации исторического и художественного достояния человечества. Экстремальная опасность для музеев возникает в условиях военных и социальных конфликтов. Основы современного международного права в области защиты культурных ценностей во время военных столкновений были заложены на рубеже XIX – XX вв. [1, с. 67–80]. Как показали глобальные и локальные войны XX – начала XXI в., эти соглашения не могут обеспечить полной безопасности объектов культурного наследия. В еще меньшей степени учреждения культуры, прежде всего – музеи, защищены в случаях революций и гражданских войн, когда не действуют нормы международных договоров и не работают внешние институты контроля. Современные примеры Ирака, Египта, Сирии и др. стран вновь показали, насколько уязвимы музейные ценности на фоне политических и военных кризисов [27; 28]. Необходимость разработки эффективных мер сохранения коллекций музеев в таких условиях делает актуальным обращение к историческому опыту.

В начале XX в. российские музеи оказались в сложнейшем положении, вызванным длительным социально-политическим и военным конфликтом революционного периода и Гражданской войны. Крушение правовой системы имперской России, отсутствие стабильного фи-

нансирования и материального обеспечения, людские потери, акты вандализма были наиболее острыми проблемами в музейной сфере тех лет [9]. Существенный научный и практический интерес представляет изучение способов адаптации музеев к новым и часто меняющимся условиям существования.

При проведении таких исследований представляется перспективным опираться на синтез процессуального и историко-антропологического подходов. Первый предполагает анализ функционирования социальных агентов (научных обществ, органов власти и др.), активно приспособляющихся к изменяющимся условиям окружающей действительности. Особенно результативной в этом случае можно признать методологию «реляционного структуризма» Э. Гидденса, ориентированную на характеристику и интерпретацию действий социальных групп в разноуровневых социокультурных пространствах (макро-, средне-, микро-) [17, с. 249–251]. Основными чертами второго подхода являются междисциплинарность, изучение различных аспектов межличностного и межгруппового взаимодействия, социальных практик повседневности, выявление оценок исторических процессов их непосредственными участниками [7].

Нужно отметить, что изучение истории региональных российских музеев в революционный период и годы Гражданской войны часто ограничено состоянием источниковой базы. Как правило, в это время прекращалась издательская деятельность музейных учреждений, документальные материалы сохранялись фрагментарно либо вообще не откладывались в архивах. Таким образом, выявление и введение в научный оборот новых источников нужно рассматривать как обязательное условие дальнейшей разработки этого направления исследований.

В Государственном архиве Пермского края был выявлен комплекс документов, характеризующих функционирование Пермского научно-промышленного музея (ПНПМ) в 1918 г. Источники, хранящиеся в фонде Пермского областного краеведческого музея (ф. Р-484), включают подлинники делопроизводственной документации: служебные записки, отношения, запросы, объявления. Эти материалы позволяют изучить особенности организации внутренней работы, а также взаимоотношения музея с органами власти, другими учреждениями культуры и науки [6]. Хронологические рамки комплекса (январь – декабрь 1918 г.) почти охватывают целостный исторический этап от установления в городе советской власти (конец ноября 1917 г.) до взятия его армией А. В. Колчака в декабре 1918 г. («Пермская катастрофа») [21].

В историографии деятельность ПНПМ рассмотрена в серии книг и статей. Наиболее полным исследованием, охватывающим период от создания учреждения до конца 1980-х гг., является монография Е. Д. Харитоновой и С. В. Серовой. Работа, написанная с привлечением обширного круга архивных источников, изобилует деталями, дает целостное представление об основных этапах существования музея [22]. Несмотря на то, что 1918 – 1920-м гг. авторы посвятили отдельную главу, преимущественно в ней рассмотрена музейная жизнь после захвата Перми Красной армией летом 1919 г. [22, с. 29–40]. Аналогичный подход представлен в монографическом исследовании истории музеев Урала XX в. Е. К. Леденцовой и Б. Б. Овчинниковой, сконцентрировавших внимание на обстоятельствах создания ПНПМ и его деятельности в первой половине 1920-х гг. [12, с. 44–47]. Статья Е. Н. Меркушевой, написанная к юбилею ПНПМ, дает краткие характеристики и обобщенные оценки основных этапов деятельности музея [14]. Несколько публикаций А. А. Ваганова расширяют представления о функционировании ПНПМ в 1890-х – 1910-х гг., но автор не выходит за рамки дореволюционного периода [3; 4].

ПНПМ был основан в 1890 г. как «Пермская комиссия Уральского общества любителей естествознания», официальный статус музея он приобрел в 1901 г. [22, с. 10–11]. С 1897 г. ПНПМ занимал три этажа в доме № 38 на ул. Петропавловской. Сотрудники музея вели активную просветительскую, научную, фондовую работу. К 1917 г. собрание ПНПМ включало около 14 000 предметов [3, с. 60–61; 22, с. 14–17].

В условиях радикальной смены власти и системы управления сотрудникам музея пришлось решать различные административные вопросы. Вероятно, для более эффективного взаимодействия с властными структурами на базе ПНПМ было создано Общество изучения Пермского края (ОИПК). Согласно документам, до осени 1918 г. музей находился в подчинении городского отдела народного образования [6, л. 63]. В сентябре 1918 г. губернский отдел народного образования принял решение принять ПНПМ в свое ведение, поставив цель сделать музей «губернским центром родинovedения, обслуживающим широкие трудовые массы» [6, л. 63–63 об.]. При этом управление ПНПМ закреплялось за ОИПК, которому было поручено сформировать коллегия для непосредственного выполнения административных функций.

Предполагалось, что в ее состав войдет представитель губернского отдела народного образования [6, л. 63–63об.].

Совет ОИПК 11 сентября 1918 г. сформировал коллегия в составе Б. Н. Вишневого, А. Н. Дьячкова, Б. С. Константинова, С. В. Метаниева, А. А. Савельева. В это же время произошло переименование ПНПМ в «Пермский государственный музей» (ПГМ), что подчеркивало новый статус учреждения [6, л. 66–66 об.]. Значимым изменением стал уход прежнего председателя Совета В. В. Ламанского. Возможно, это было связано с его избранием на должность профессора в Пермском университете [25].

Нужно отметить, что создание ОИПК и кадровые перестановки в руководстве музея отражали процесс вытеснения «старых» активистов. Новые лидеры ПНПМ-ПГМ практически не были связаны с местными традициями краеведческого движения. Так, Владимир Владимирович Ламанский (1874–1943) – сын столичного историка, академика В. И. Ламанского. В 1896 г. закончил физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета. Его научные интересы были связаны с географией и геологией, в 1916–1917 гг. – приват-доцент Петроградского университета. В Перми жил в 1917–1919 гг. В конце 1919 г. – эмигрировал в Китай [25].

Его преемник – Борис Николаевич Вишневский (1891–1965) – детство и юность провел в Перми, где в 1911 г. окончил гимназию. В 1911–1916 гг. – студент физико-математического факультета Московского университета, ученик известного антрополога и археолога Д. Н. Анучина. После короткого пребывания в Перми (1918 г.) преподавал в высших учебных заведениях Костромы, Казани. В 1923 г. переехал в Петроград, до 1937 г. – сотрудник музея антропологии и этнографии и преподаватель педагогического института. В 1954–1964 гг. – преподавал в высших учебных заведениях Перми [2, с. 17–19; 23].

Антон Антонович Савельев (1874–1942) – выпускник Санкт-Петербургского университета и Археологического института. В молодости примкнул к партии эсеров. За революционную деятельность был приговорен к ссылке в Енисейскую губернию (1907–1917). После освобождения был направлен Петроградской организацией эсеров в Пермь на партийную работу. Трудно сказать, в какой степени он совмещал ее с деятельностью в музее. Сотрудничество с белыми (член городской управы) и отступление вместе с частями армии А. В. Колчака вновь привели А. А. Савельева в Сибирь. В 1924 г. он вернулся в Ленинград, работал в различных организациях и учреждениях, был увлеченным библиофилом. Умер зимой 1942 г. в блокадном городе [19].

Таким образом, во главе музея оказались люди, получившие образование в ведущих университетах России, молодые (от 27 до 44 лет) и амбициозные. Однако работа в ПНПИ-ПГМ для них была коротким этапом биографии, для некоторых даже случайным. Тем не менее они смогли сделать многое для сохранения музея и актуализации его деятельности.

Важным новшеством музейной жизни стало расширение площадей в результате приобретения второго здания. Пермский городской исполнительный комитет 13 мая 1918 г. принял решение о передаче ПНПМ дома № 28 по ул. Петропавловской, соседнего с основным корпусом музея [6, л. 28].

Новые помещения требовали ремонт, стоимость которого была оценена в 5300 руб. Средства были запрошены в городском отделе народного образования. Однако летом 1918 г. совет музея установил, что не менее срочные работы необходимо произвести и в главном доме, который не ремонтировался более 20 лет. Совет ПНПМ был вынужден просить городской отдел народного образования разрешить использовать выделенные средства для приведения в порядок двух зданий [6, л. 45–45 об.].

Общая сумма расходов на содержание музея была определена в марте 1918 г. в 39 500 руб. В конце июня 1918 г. Совет ПНПМ был вынужден запросить дополнительно 21 100 руб. (мебель – 9000, организация новой выставки – 2500, путеводители и инструкции для краеведов – 3000, публикация исследования о «пещерах всего Урала» – 4500 руб., жалование новому сотруднику – 2100) [6, л. 45 об.]. Увеличение расходов было вызвано необходимостью обустройства и содержания нового здания, а в большей степени – инфляцией [13, с. 94–95]. Судя по всему, в полном объеме этих средств музей не получил, так как в отношении исполкома областного совета от 5 сентября 1918 г. говорится о планах «ассигновать Обществу изучения Пермского края денежные суммы по смете» [6, л. 63 об.]. Тем не менее даже часть этих денег была существенной поддержкой ПНПМ. Многие музейные учреждения располагали гораздо меньшими финансовыми возможностями. Так, Таврическая ученая архивная комиссия (г. Симферополь) в 1918 г. располагала 10 038,7 руб., из них на содержание музея было потрачено всего 299,75 руб. [8].

В условиях товарного дефицита наличие денежных средств не всегда позволяло приобрести необходимые вещи. Совет музея периодически обращался в органы власти за содействием для получения необходимых расходных материалов. Так, в августе 1918 г. ПНПМ просил городской отдел народного образования предоставить 400 г бензина для реставрационных работ и картон для изготовления 5000 библиотечных каталожных карточек [6, л. 47]. В это же время в городской продовольственный комитет было направлено ходатайство о выделении 1 пуда (16,38 кг) картона для библиотечных папок и 10 фунтов (4,09 кг) столярного клея [6, л. 48]. В декабре 1918 г. председателю финансового отдела губернского исполкома был направлен запрос о предоставлении сейфа для хранения особо ценных экспонатов [6, л. 210].

Необходимость сейфа была обусловлена рисками криминального характера. В революционный период и годы Гражданской войны многие российские музеи сталкивались с актами вандализма и подвергались грабежам. Известны случаи гибели сотрудников музеев от рук грабителей. Так, в декабре 1918 г. директор Керченского музея древностей В. В. Шкорпил был убит кладочислателями [16, с. 166–168]. ПНПМ также столкнулся с подобным отношением к музейным ценностям. В январе 1918 г. из витрины горно-промышленного отдела были похищены предметы из сусального золота, образцы чайной продукции и два изделия из бивня мамонта (голова якута и «кусочек черного хлеба, на котором лежит кусочек сыра, и его грызет мышь») [6, л. 8].

Руководство Пермского музея взаимодействовало с органами власти и для решения кадровых вопросов. Осенью 1918 г. в Пермский военный комиссариат было направлено прошение об освобождении от призыва препаратора И. К. Лебедева «ввиду крайней необходимости его службы для музея» [6, л. 71].

Несмотря на трудности революционного времени, Пермский музей продолжал осуществлять просветительскую и общественную работу. Более того, Совет музея рассматривал это направление как приоритетное и летом 1918 г. принял решение «развивать деятельность музея в сторону не только собирания и составления коллекций, но и устройства выставок, издания программ и путеводителей, а равно и печатных трудов музея о крае в более широком размере, чем это делалось до сих пор» [6, л. 45].

Для реализации этой программы было принято решение расширить зоологический отдел, дополнив его экспонатами, характеризующими местные промыслы (звероловство, охоту, рыболовство) [6, л. 45]. Кроме того, начались работы по созданию отделов экспозиции «Старая Пермь» и «Революционного движения в Пермском крае» [6, л. 45 об., 136].

Сотрудники музея использовали особые формы работы для популяризации музейного собрания. Так, в октябре 1918 г. началась подготовка «этнографического вечера» [6, л. 94]. На первую половину декабря 1918 г. была запланирована серия бесплатных экскурсий, которые должны были сопровождаться вводными лекциями работников музея Б. Н. Вишневого, П. С. Богословского, Б. С. Константинова, В. А. Малаховского, А. А. Савельева [6, л. 3].

Интересным начинанием был конкурс краеведческих работ школьников. К участию приглашались учащиеся г. Перми и Пермского края, под которым понимался обширный регион, охватывающий Пермскую, Вятскую, Уфимскую губернии, восточные части Архангельской и Вологодской губерний, Оренбургская и Уральская области. Лучшие работы предполагалось отметить призами, «похвальными отзывами» и передать в фонды музея. Задачи мероприятия ориентировали участников на ряд исследований историко-этнографического характера. Так, предлагалось собрать «слова и выражения, относящиеся к какому-нибудь мастерству, промыслу или производству», снабдив их пояснениями (при необходимости – графическими материалами), а также «прозвища и клички, даваемые домашним животным, друг другу и жителям других селений» [6, л. 4–4об., 60, 238]. Еще одним направлением краеведческих изысканий было изучение кладбищ с «тщательным воспроизведением (с сохранением орфографии подлинника) молитвенных и стихотворных эпитафий» [6, л. 4].

Одним из проявлений общественной активности сотрудников музея стало создание 31 октября 1918 г. «Экспертной комиссии по охране природы, памятников старины и искусства». В ее состав были включены Б. Н. Вишневский, П. С. Богословский и А. А. Савельев. Актуальными задачами Экспертной комиссии было названо создание исторического «центрального губернского архива» и осуществление подготовительных работ для создания в Перми «революционного музея» [6, л. 136]. Совет Общества изучения Пермского края предложил губернскому отделу народного образования учредить специальный денежный фонд для поощрения авторов сочинений по истории революционного движения на Урале и в Приуралье [6, л. 136].

Одним из основных направлений деятельности любого музея является фондовая работа, прежде всего – пополнение и научное описание коллекций. В дореволюционный период основными способами комплектования фондов ПНПМ были пожертвования частных лиц, экспедиции, обмен с научными обществами, музеями, коллекционерами [22, с. 16–17, 21].

В 1918 г. музей стал использовать административную поддержку органов власти для приобретения новых экспонатов. Например, 6 декабря 1918 г. ПГМ направил сразу два ходатайства (управляющему Народным банком А. А. Васленскому и председателю Пермского губернского совета народного хозяйства П. М. Обросову) об изучении и возможной передаче в музей «старинных монет», поступивших в банк из Кунгура (вероятно, в результате конфискации) [6, л. 212–213]. К изучению нумизматического материала был допущен реставратор ПГМ А. П. Плахов, выделивший наиболее ценные предметы. В собрание ПГМ из Народного банка поступили 74 серебряные и 2 медные монеты (отечественные и иностранные) [6, л. 228].

Большое внимание сотрудники музея уделяли документированию текущих событий. Осенью 1918 г. Коллегия музея разослала в отделы народного образования Осы, Оханска, Кунгура, Красноуфимска, Верхотурья, Усольска и др. письмо с предложением организовать отправку в ПГМ местных печатных изданий, листовок, плакатов, воззваний, прокламаций, афиш, объявлений, «освещающих жизнь местного края» [6, л. 114]. В октябре 1918 г. музей обратился в Пермскую губернскую чрезвычайную комиссию с просьбой передать в фонды ПГМ оружие, конфискованное при подавлении антибольшевистского восстания в с. Сепыч Оханского уезда Пермской губернии (сейчас Верещагинского р-на Пермского края) [6, л. 128]. Трагические события в Сепычевской волости произошли в августе 1918 г. и сопровождались массовыми кровавыми расправами с обеих сторон (более 130 жертв) [20]. Музей получил три образца огнестрельного оружия, четыре кистеня, пику, косу-горбушу, «оружие на древке, сделанное из горбуши», и фотографии с места событий [6, л. 128, 130]. Практически сразу визуальные материалы были выставлены для публичного обозрения [11].

В 1918 г. собрание и библиотека музея существенно пополнились имуществом Пермского церковно-археологического общества (ПЦАО) и духовной семинарии [5]. ПЦАО было основано в 1912 г., вело активную исследовательскую и собирательскую деятельность, древлехранилище общества имело солидную коллекцию предметов церковной утвари, икон и др. [24]. В начале июня 1918 г. Совет ПНПМ рассматривал возможность сотрудничества с ПЦАО, по сути – его интеграции в структуру музея [6, л. 32]. Вероятно, этот проект не был реализован, а благожелательное отношение к ПЦАО изменилось. В сентябре 1918 г. Совет музея направил в губернский отдел народного образования ходатайство о реквизиции собрания древностей ПЦАО и библиотеки краеведа И. Я. Кривошекова, оказавшейся в распоряжении общества. Мотивировалось это тем, что руководство ПЦАО намеревается «запрятать экспонаты и книги в подвалы кафедрального собора, поэтому необходимо предохранить памятники старины от намеренного укрывательства и расхищения» [6, л. 75]. Несколько позже, в конце ноября – начале декабря 1918 г., заведующий библиотекой ПГМ С. В. Метаниев получил полномочия для изъятия книг Пермской духовной семинарии [6, л. 182, 217]. В это же время реставратору ПГМ А. П. Плахову было поручено отобрать для музея вещи, «имеющие историческое и церковно-археологическое значение» из Кафедрального собора и архиерейского дома [6, л. 215].

Передача музейных ценностей церковно-археологических обществ и духовных учебных заведений в музеи системы Наркомпроса была характерным явлением тех лет [10, с. 3–28; 15, с. 94–99]. Инициатива перемещения нередко исходила от сотрудников музейных организаций, признанных советской властью. Например, в Казани часть изъятых церковного имущества и вещи из древлехранилища местного церковного историко-археологического общества поступили в Губернский казанский музей [18, с. 92–100].

Угроза захвата Перми в результате наступления Сибирской армии А. В. Колчака заставила начать эвакуационные мероприятия советских учреждений города. Вероятно, Пермский музей также планировал переместить ценности в тыловые районы. О такой подготовке свидетельствует отношение ПГМ исполнительному комитету отдельного пехотного батальона Пермской Чрезвычайной Комиссии с просьбой «в виду эвакуации... вернуть проекционный фонарь и машинку для диапозитивов» [6, л. 231]. Осуществить вывоз имущества не удалось, после 24 декабря 1918 г. музею пришлось приспосабливаться к деятельности в новых условиях.

Анализ документов, характеризующих деятельность Пермского музея (ПНПМ-ПГМ) в 1918 г., показал, что в сложных условиях смены власти, социальных и экономических отно-

шений, сотрудники учреждения смогли выработать эффективную стратегию выживания. Музею удалось успешно адаптироваться к новой реальности: сберечь кадровый состав, не только сохранить, но и существенно увеличить занимаемые площади, обеспечить целостность собрания. В работе учреждения четко прослеживаются тенденции развития просветительского направления. Пополнение фондов осуществлялось за счет поглощения коллекций учреждений церковного профиля, документирования текущих событий. Обновление экспозиции и открытие новых направлений отвечали запросам общества и были ориентированы на сохранение исторической памяти о революционном движении и отражении социально-производственных сюжетов прошлого Урала и Приуралья.

Как и все российские музеи того времени, ПНПМ-ПГМ испытывал трудности, вызванные дефицитом материальных ресурсов, сталкивался со случаями хищений музейного имущества. Несмотря на оптимистические планы, не было возможности издавать научные труды, путеводители и др., проводить экспедиции и вести активную научно-исследовательскую работу.

Руководство Пермского музея придерживалось тактики сотрудничества с органами советской власти, занимало не просто политически-нейтральную позицию, но демонстрировало готовность активной поддержки пропагандистских требований нового режима. Это позволяло получать административную и материальную поддержку со стороны властных структур, а главное – успешно выполнять миссию по сохранению культурных ценностей.

Список литературы

1. *Богуславский М. М.* Судьба культурных ценностей. М. : Юрист, 2006. 206 с.
2. *Бушуева Л. А.* Пермь и Казань в судьбах ученых советской эпохи Б. Н. Вишневого и В. Я. Струминского // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия 3: Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 2. С. 16–22.
3. *Ваганов А. А.* Обретение музеями Урала собственных зданий в конце XIX – начале XX века // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2013. № 2 (34). С. 60–61.
4. *Ваганов А. А.* Пермский научно-промышленный музей в дореволюционный период // Исторические исследования : мат-лы международной научной конференции, г. Уфа, июнь 2012 г. Уфа : Лето, 2012. С. 28–34.
5. *Вишевский Б. Н.* Музеи Пермского края и местное краеведение // Казанский музейный вестник. 1922. № 2. С. 233–247.
6. ГАПК (Государственный архив Пермского края). Ф. Р-484. Оп. 1. Д. 3.
7. *Далгат Ф. М.* Историко-антропологический подход в исторических исследованиях // Вестник дагестанского университета. 2015. Т. 30. Вып. 4. С. 133–140.
8. Денежный отчет Таврической ученой архивной комиссии за 1918 год // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1920. № 57. С. 67–68.
9. *Еремеева А. Н., Коваленко Т. В.* Провинциальные музеи в условиях революции и Гражданской войны // Культурное наследие России. 2017. № 2. С. 58–63.
10. Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 году : сб. документов из фонда Реввоенсовета Республики. М. : Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2006. 304 с.
11. Интересные снимки // Известия Пермского губернского и Пермского уездного исполнительных комитетов. 12 ноября 1918. № 225. С. 4.
12. *Леденцова Е. К., Овчинникова Б. Б.* Музеи Урала в истории России XX века. М.; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2019. 140 с.
13. *Мальшев А. И., Таранков В. И., Смиранный И. Н.* Бумажные денежные знаки России и СССР. М. : Финансы и статистика, 1991. 496 с.
14. *Меркушева Е. Н.* Из века в век переходя. К 120-летию Пермского краевого музея // Вестник Пермского университета. Серия: История. Вып. 2 (14), 2010. С. 104–108.
15. *Мусин А. Е.* Церковная старина в современной России. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2010. 456 с.
16. *Непомнящий А. А.* Подвижники кримоветения. Симферополь : СГТ, 2006. 324 с. (Библиография кримоветения, Вып. 7).
17. *Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю.* История исторического знания. М. : Дрофа, 2004. 288 с.
18. *Руденко К. А.* Музеи церковного историко-археологического общества Казанской епархии и Казанской духовной академии: очерки по истории музейного дела Татарстана: XIX – первая половина XX века. Казань : ГБУ «Республиканский центр мониторинга качества образования», 2013. 128 с.
19. *Сапожников А. И.* Книжная коллекция «Петербург-Ленинград» в Российской национальной библиотеке // Библиотечные фонды: проблемы и решения. 2003. № 5. С. 5. URL: http://www.rba.ru/content/activities/section/12/mag/mag05/1.php?paperka=12&id_sec=11.
20. *Ситников М. Г.* Восстание в Сепычской волости (новые документы) // Иднакар. Методы исторической реконструкции. 2014. № 7 (24). С. 92–125.

21. Скупина И. В., Московкин В. В. Феномен «Пермской катастрофы» в оценке современных исследователей Гражданской войны в России // Научный диалог. 2020. № 1. С. 451–468.
22. Харитонова Е. Д., Серова С. В. Пермский областной краеведческий музей. Пермь : Пермское книжное издательство, 1990. 136 с.
23. Шилов А. В. Вишневецкий Борис Николаевич // Краеведы и краеведческие организации Перми : биобиблиографический справочник. Пермь : Курсив, 2000. С. 97–98.
24. Шилов А. В. Пермское церковно-археологическое общество // Краеведы и краеведческие организации Перми : биобиблиографический справочник. Пермь : Курсив, 2000. С. 326–327.
25. Шумилов Е. Н., Шилов А. В. Ламанский Владимир Владимирович // Краеведы и краеведческие организации Перми : биобиблиографический справочник. Пермь : Курсив, 2000. С. 167–168.
26. Юренева Т. Ю. Музей в мировой культуре. М. : Русское слово, 2003. 536 с.
27. Danti M. Ground-based observations of cultural heritage incidents in Syria and Iraq // Near Eastern Archaeology. 2015. Vol. 78. №. 3. Pp. 132–141.
28. Rashed M. G. The museums of Egypt after the 2011 Revolution // Museum International. 2016. № 265–268. Pp. 125–131.

Practices of preservation of cultural heritage in the conditions of Civil War: Perm Museum in 1918

A. V. Shamanaev

PhD in Historical Sciences, associate professor of the Department of Archeology and Ethnology, Ural Federal University n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin. Russia, Yekaterinburg.
ORCID: 0000-0001-8955-8884. Researcher ID: AAI-2502-2021. E-mail: shamanaev@mail.ru

Abstract. Museums are one of the most important institutions in the system of preservation of cultural heritage. During periods of social and military conflicts, there are extreme threats of destruction of valuable collections and individual items as a result of acts of vandalism, looting, hostilities, unfavorable storage conditions, etc. The analysis of the historical experience of saving museum valuables in the conditions of revolutions and civil wars is relevant. The article examines the experience of the Perm Scientific-Industrial (Perm State) Museum against the background of the transformation of the imperial administrative and legal system into the Soviet one, the unfolding of the events of the Civil War in Russia (1918). The study is based on the principles of procedural and historical-anthropological methods. The source base of the work was a set of original documents (office materials; official correspondence with authorities, cultural institutions, etc.) from the funds of the State Archive of the Perm Region. The analysis of the sources showed that the activity of the Perm Museum in 1918 correlates with the general trends of the museum business of Russia at that time, but has a pronounced specificity. Significant problems were the lack of funds, material security, theft of exhibits, legal and administrative uncertainty. The museum staff managed to effectively interact with the authorities, which allowed them to get an additional building, increase the official status of the institution, and maintain the activity of educational work. In 1918 the museum's funds were significantly replenished due to the confiscated collections of the Church Archaeological Society and the library of the theological seminary, practices of documenting current events. The successful experience of the Perm Museum was largely due to the arrival of a new leadership, ready to experiment in the museum sphere and cooperate with the Bolshevik government.

Keywords: protection of cultural heritage, museology, National history, Perm.

References

1. Boguslavskij M. M. *Sud'ba kul'turnyh cennostej* [The fate of cultural values]. M. Yurist (Lawyer). 2006. 206 p.
2. Bushueva L. A. *Perm' i Kazan' v sud'bah uchenyh sovetskoj epohi B. N. Vishnevskogo i V. Ya. Struminskogo* [Perm and Kazan in the fate of scientists of the Soviet era B. N. Vishnevsky and V. Ya. Struminsky] // *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya 3: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* – Herald of Perm State Humanitarian Pedagogical University. Series 3: Humanities and Social Sciences. 2021. No. 2. Pp. 16–22.
3. Vaganov A. A. *Obretenie muzeyami Urala sobstvennyh zdaniy v konce XIX – nachale XX veka* [The acquisition of Ural museums of their own buildings in the late XIX – early XX century] // *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoj akademii kul'tury i iskusstv* – Herald of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. 2013. No. 2 (34). Pp. 60–61.
4. Vaganov A. A. *Permskij nauchno-promyshlennyj muzej v dorevolucionnyj period* [Perm Scientific and Industrial Museum in the pre-revolutionary period] // *Istoricheskie issledovaniya : mat-ly mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, g.* – Historical research : materials of the international scientific conference, Ufa, June 2012. Ufa. Leto (Summer). 2012. Pp. 28–34.

5. Vishnevskij B. N. *Muzei Permskogo kraja i mestnoe kraevedenie* [Museums of the Perm Region and local lore] // *Kazanskij muzejnyj vestnik – Kazan Museum herald*. 1922. No. 2. Pp. 233–247.
6. SAPK (State Archive of Perm Krai). F. P-484. Inv. 1. File 3.
7. Dalgat F. M. *Istoriko-antropologicheskij podhod v istoricheskikh issledovaniyah* [Historical and anthropological approach in historical research] // *Vestnik dagestanskogo universiteta – Herald of Dagestan University*. 2015. Vol. 30. Is. 4. Pp. 133–140.
8. *Denezhnyj otchet Tavricheskoj uchenoj arhivnoj komissii za 1918 god – Monetary report of the Tauride Scientific Archival Commission for 1918* // *Izvestiya Tavricheskoj uchenoj arhivnoj komissii – News of the Tauride Scientific Archival Commission*. 1920. No. 57. Pp. 67–68.
9. Ereemeeva A. N., Kovalenko T. V. *Provincial'nye muzei v usloviyah revolyucii i Grazhdanskoj vojny* [Provincial museums in the conditions of revolution and Civil war] // *Kul'turnoe nasledie Rossii – Cultural Heritage of Russia*. 2017. No. 2. Pp. 58–63.
10. *Iz'yatie cerkovnyh cennostej v Moskve v 1922 godu : sb. dokumentov iz fonda Revvoensoveta Respubliki – Seizure of church valuables in Moscow in 1922: collection of documents from the fund of the Revolutionary Military Council of the Republic*. M. Orthodox St. Tikhon Humanitarian University. 2006. 304 p.
11. *Interesnye snimki – Interesting pictures* // *Izvestiya Permskogo gubernskogo i Permskogo uездного исполнител'nyh komitetov. 12 noyabrya 1918 – News of the Perm provincial and Perm county executive committees*. November 12, 1918. No. 225. P. 4.
12. Ledencova E. K., Ovchinnikova B. B. *Muzei Urala v istorii Rossii XX veka* [Museums of the Urals in the history of Russia of the twentieth century]. M.; Yekaterinburg. Kabinetny ucheniy (Cabinet scientist). 2019. 140 p.
13. Malyshev A. I., Tarankov V. I., Smirenniy I. N. *Bumazhnye denezhnye znaki Rossii i SSSR* [Paper banknotes of Russia and the USSR]. M. Finance and Statistics. 1991. 496 p.
14. Merkusheva E. N. *Iz veka v vek perekhodya. K 120-letiyu Permskogo kraevogo muzeya* [From century to century passing. To the 120th anniversary of the Perm Regional Museum] // *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya – Herald of Perm University. Series: History*. Is. 2 (14), 2010. Pp. 104–108.
15. Musin A. E. *Cerkovnaya starina v sovremennoj Rossii* [Church antiquity in modern Russia]. SPb. St. Petersburg Oriental Studies. 2010. 456 p.
16. Nepomnyashchij A. A. *Podvizhniki krymovedeniya* [Ascetics of Crimean studies]. Simferopol. SGT. 2006. 324 p. (Biobibliography of Crimean Studies, Is. 7).
17. Repina L. P., Zvereva V. V., Paramonova M. Yu. *Istoriya istoricheskogo znaniya* [History of historical knowledge]. M. Drofa (Bustard). 2004. 288 p.
18. Rudenko K. A. *Muzei cerkovnogo istoriko-arheologicheskogo obshchestva Kazanskoj eparhii i Kazanskoj duhovnoj akademii : ocherki po istorii muzejnogo dela Tatarstana: XIX – pervaya polovina XX veka* [Museums of the Church Historical and Archaeological Society of the Kazan Diocese and the Kazan Theological Academy: essays on the history of Tatarstan museum business: XIX – the first half of the XX century]. Kazan. GBU "Republican Center for monitoring the quality of Education". 2013. 128 p.
19. Sapozhnikov A. I. *Knizhnaya kollekcija "Peterburg-Leningrad" v Rossijskoj nacional'noj biblioteke* [Book collection "Petersburg-Leningrad" in the Russian National Library] // *Bibliotchnye fondy: problemy i resheniya – Library collections: problems and solutions*. 2003. No. 5. P. 5. Available at: http://www.rba.ru/content/activities/section/12/mag/mag05/1.php?papka=12&id_sec=11.
20. Sitnikov M. G. *Vosstanie v Sepycheskoj volosti (novye dokumenty)* [The uprising in the Sepych volost (new documents)] // *Idnakar. Metody istoricheskoy rekonstrukcii – Idnakar. Methods of historical reconstruction*. 2014. No. 7 (24). Pp. 92–125.
21. Skipina I. V., Moskovkin V. V. *Fenomen "Permskoj katastrofy" v ocenke sovremennykh issledovatelej Grazhdanskoj vojny v Rossii* [The phenomenon of the "Perm catastrophe" in the assessment of modern researchers of the Civil War in Russia] // *Nauchnyj dialog – Scientific Dialogue*. 2020. No. 1. Pp. 451–468.
22. Haritonova E. D., Serova S. V. *Permskij oblastnoj kraevedcheskij muzej* [Perm Regional Museum of Local Lore]. Perm. Perm Book Publishing House. 1990. 136 p.
23. Shilov A. V. *Vishnevskij Boris Nikolaevich* [Vishnevsky Boris Nikolaevich] // *Kraevedy i kraevedcheskie organizacii Permi : biobibliograficheskij spravochnik – Local historians and local history organizations of Perm : biobibliographic reference*. Perm. Italics. 2000. Pp. 97–98.
24. Shilov A. V. *Permskoe cerkovno-arheologicheskoe obshchestvo* [Perm Church-archaeological Society] // *Kraevedy i kraevedcheskie organizacii Permi : biobibliograficheskij spravochnik – Local historians and local history organizations of Perm : biobibliographic reference*. Perm. Kursiv. 2000. Pp. 326–327.
25. Shumilov E. N., Shilov A. V. *Lamanskij Vladimir Vladimirovich* [Lamansky Vladimir Vladimirovich] // *Kraevedy i kraevedcheskie organizacii Permi : biobibliograficheskij spravochnik – Local historians and local history organizations of Perm: biobibliographic reference*. Perm. Italics. 2000. Pp. 167–168.
26. Yureneva T. Yu. *Muzej v mirovoj kul'ture* [Museum in World culture]. M. Russian Word. 2003. 536 p.
27. Danti M. *Ground-based observations of cultural heritage incidents in Syria and Iraq* // *Near Eastern Archaeology*. 2015. Vol. 78. No. 3. Pp. 132–141.
28. Rashed M. G. *The museums of Egypt after the 2011 Revolution* // *Museum International*. 2016. No. 265–268. Pp. 125–131.

Вестник гуманитарного образования
Научный журнал № 4 (28) (2022)

16+

Редактор *А. В. Мариева*
Технический редактор *Л. А. Кислицына*
Дизайн обложки *А. К. Долгова*
Редактор выпускающий *А. Ю. Егоров*
Ответственный за выпуск *И. В. Смольняк*

Подписано в печать 05.03.2023 г.
Дата выхода в свет 14.03.2023 г.
Формат 60x84 1/8. Гарнитура Cambria.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 16,74. Тираж 100 экз. Заказ № 84.

Подписной индекс журнала «Вестник гуманитарного образования»
в подписном каталоге «Почта России» – ПН068

Вятский государственный университет,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
(8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36